

ISSN 2072-8379
ISSN (online) 2310-712X

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Лингвистика

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЦИФРОВОГО
ТАМОЖЕННОГО ДИСКУРСА
(УРОВЕНЬ СЛОВСОЧЕТАНИЯ)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ВСТРЕЧНЫХ ВОПРОСОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ:
ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ

2022 / № 6

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379 (print)

2022 / № 6

ISSN 2310-712X (online)

серия

ЛИНГВИСТИКА

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2072-8379 (print)

2022 / № 6

ISSN 2310-712X (online)

series

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика»:
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 6 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ощепкова В. В. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Жирова И. Г. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Максименко О. И. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Викулова Л. Г. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Гринев-Гриневиц С. В. – д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Карпова О. М. – д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер – доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Левченко М. Н. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Маслова В. А. – д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. – д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Пан Кё Ён – д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. – д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прошина З. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. – д-р филол. наук, доц., МГОУ;

Сулейманова О. А. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Филиппова И. Н. – д-р филол. наук, доц., МГОУ;

Хухуни Г. Т. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс серии «Лингвистика»

по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40713

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках “eLibrary” (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru, www.linguamgou.ru);

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 6. – 142 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

сайты: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
"Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic":
Moscow Region State University

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

V. V. Oshchepkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

Deputy editor-in-chief:

I. G. Zhirova – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

Executive secretary of the series:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

Members of Editorial Board:

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Professor Dr. phil. Habil, University of Potsdam (Germany)

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., MRSU;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Assoc. Prof., MRSU;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The series "Linguistics" of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of the series "Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.vestnik-mgou.ru; www.linguamgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics. – 2022. – № 6. – 142 p.

© MRSU, 2022.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

sites: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Великова Л. Н.</i> Лексические маркеры цифрового таможенного дискурса (уровень словосочетания)	6
<i>Коваленко А. С.</i> Реализация образного компонента в терминологии клинических нейронаук.	16
<i>Коста П., Исакова Г. Ж.</i> Современные тенденции изучения модальности: эпистемическая модальность и эвиденциальность	25
<i>Ли Мань, Лобанова Т. Н.</i> Исследование эвфемизма <i>смерть</i> в переводе романа «Сон в красном тереме» с китайского языка на русский язык.	41
<i>Чикина Е. Е.</i> К вопросу о специфике падежей автономного модуса дискурса	51
<i>Чугунцова Г. Н., Тюльберова А. О.</i> Репрезентация субъекта оценочной ситуации в афроамериканских стихотворениях начала XX века	66

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

<i>Васильев М. В.</i> Речевая стратегия «объективная похвала» и её тактики в английских политических дискурсах малой формы	81
<i>Епифанцева Н. Г., Еплов С. С.</i> Образовательный дискурс (французский и русский языки в сопоставлении)	91
<i>Жук Н. В., Иванов В. Д.</i> Сочетание вопросительного и восклицательного знаков (?) в некоторых эмотивных типах высказываний (на материале немецкого языка) . . .	101
<i>Рыжова Л. П.</i> Содержание терминов «предложение» и «высказывание» во французской лингвистике	109
<i>Чуриков М. П.</i> Функционально-прагматический потенциал встречных вопросов в политическом интервью	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Левченко М. Н., Первак Т. В.</i> Научная деятельность диссертационного совета 72.2.020.04 (Д212.155.16)	133
<i>Максименко О. И.</i> Научная деятельность диссертационного совета Д 212.155.04 в 2022 г.	137
Профессор Лев Александрович Телегин (1940–2022): памяти учёного	140

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

- L. Velikova.** Lexical Markers of Digital Customs Discourse (Word-Combination Level) . . . 6
- A. Kovalenko.** Figurative Component in the Terminology of Clinical Neuroscience 16
- P. Kosta, G. Zh. Iskakova.** New Tendencies in the Study of Modality:
Epistemic Modality and Evidentiality 25
- Li Man, Tatiana N. Lobanova.** A Study of the Euphemism “Death” in the Translation
of the Novel “The Dream in the Red Chamber” from Chinese into Russian. 41
- E. Chikina.** On the Specificity of the Cases of Autonomous Discourse Modus 51
- G. Chugunekova, A. Tulberova.** Representing Subject in Evaluative Situation
of African-American Poems in the Beginning of the XX Century. 66

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC AND ROMANCE)

- M. Vasiliyev.** Speech Strategy “Objective Praise” and Its Tactics in English Political
Discourses of a Small Form 81
- N. Epifantseva, S. Eplov.** Educational Discourse (French and Russian in Comparison) . . 91
- N. Zhuk, V. Ivanov.** The Combination of Question and Exclamation Marks (!?)
in Some Emotive Types of Statements (Based on the Material of the German Language) . . 101
- L. Ryzhova.** The Content of the Terms “Sentence” and “Utterance” in French Linguistics . . 109
- M. Churikov.** Functional And Pragmatic Potential of Counter Questions
in a Political Interview. 119

ACADEMIC LIFE

- M. Levchenko, T. Pervak.** Scientific Activity of the Dissertation Council 72.2.020.04
(Д212.155.16) 133
- O. Maksimenko.** Scientific Activity of the Dissertation Council Д 212.155.04 in 2022. . . 137
- Professor Lev Aleksandrovich Telegin (1940–2022): In Memory of the Scientist 140

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'276.6

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-6-15

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЦИФРОВОГО ТАМОЖЕННОГО ДИСКУРСА (УРОВЕНЬ СЛОВСОЧЕТАНИЯ)

Великова Л. Н.

Российская таможенная академия

140015, Московская обл., г. Люберцы, Комсомольский пр-т, д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить и описать инвентарь лексических единиц с цифровой семантикой, функционирующих в англоязычных таможенных текстах как манифестантах цифрового таможенного дискурса.

Процедура и методы. Проанализирован корпус таможенных текстов, включающих лексические единицы с цифровой семантикой. Отбор единиц осуществлялся методом сплошной выборки. Помимо этого в исследовании использовался контент-анализ, описание, количественная и качественная интерпретация языковых фактов.

Результаты. Установлено, что лексические единицы с цифровой семантикой выполняют функцию лексических маркеров цифрового таможенного дискурса как специфического подтипа институционального таможенного дискурса. Таможенная проблематика является контентообразующим ядром цифрового таможенного дискурса, периферия которого представлена лексическими единицами с цифровой семантикой, что свидетельствует о некотором взаимопроникновении таможенной и цифровой терминосистем.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложена авторская редакция понятия «таможенный дискурс». В научный оборот введено понятие «лексическая единица с цифровой семантикой». Определена роль лексических единиц с цифровой семантикой как маркеров цифрового таможенного дискурса и средств лексической когезии. Намечены перспективы исследования таможенного дискурса для развития терминоведения, институциональной дискурсологии, когнитивистики.

Ключевые слова: институциональный дискурс, лексический маркер, профессиональная коммуникация, словосочетание, цифровой таможенный дискурс

LEXICAL MARKERS OF DIGITAL CUSTOMS DISCOURSE (WORD-COMBINATION LEVEL)

L. Velikova

Russian Customs Academy

Komsomol'skiy prospect 4, Lyubertsy 140015, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify and describe the inventory of lexical units with digital semantics functioning in English customs texts as samples of digital customs discourse.

Methodology. Customs texts that include lexical units with digital semantics were analyzed. The selection of the units was carried out with the help of the continuous sampling method. The methods of content analysis, description, quantitative and qualitative interpretation of linguistic facts were also used in the research.

Results. Lexical units with digital semantics perform the function of lexical markers of digital customs discourse as a specific subtype of institutional customs discourse. Customs issues are the content-forming core of digital customs discourse, the periphery of which is represented by lexical units with digital semantics which implies a certain interpenetration of customs and digital (IT) terminological systems.

Research implications. A revised concept of customs discourse is proposed. The term "lexical unit with digital semantics" is introduced. The functions of lexical units with digital semantics as markers of digital customs discourse and means of lexical cohesion in texts related to customs issues are determined. The prospects for the development of terminology, theory of institutional customs discourse, and cognitive science are outlined.

Keywords: institutional discourse, lexical marker, professional communication, word-combination, digital customs discourse

Введение

Внимание многих исследователей сегодня приковано к описанию различных сфер профессиональной коммуникации, что предполагает непосредственное обращение к изучению соответствующих дискурсов.

Возникновение дискурсологии и самого понятия «дискурс» было реакцией на теорию автономного синтаксиса в генеративной грамматике; в теоретическом плане это означало пересмотр оснований грамматики естественного языка как системы, обеспечивающей не только обработку информации, её хранение, но и осуществление коммуникации, т. е. «языка в действии» [9, с. 6].

Исследованию дискурса посвящено множество работ, причём авторы трактуют это явление в столь различных научных системах, что понятие «дискурс» стало шире понятия «язык» [5, с. 18]. Трактовки мультидисциплинарного по-

нятия дискурса постоянно меняются и обновляются вследствие многомерности данного объекта, а, точнее, многообъектности дискурса.

В отечественной дискурсологии исследователи часто опираются на широко известное определение дискурса Н. Д. Арутюновой, представляющее дискурс в нескольких ракурсах: 1) связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; 2) текст, взятый в событийном аспекте; 3) речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах), т. е. речь, «погружённая в жизнь»¹.

¹ Арутюнова Н. Д. Дискурс // Языкознание. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1990. С. 136.

По мнению Е. С. Кубряковой, современные исследования дискурса отражают «интеграцию двух ведущих парадигм – когнитивной и коммуникативной, их рациональный синтез» [9, с. 5].

Дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, экстралингвистические факторы, необходимые для понимания текста [8, с. 8]; система коммуникации, имеющая реальное и потенциальное (виртуальное) измерение: «В реальном измерении – это поле коммуникативных практик как совокупность дискурсных событий, ... текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем ... В потенциальном измерении дискурс представляет собой семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной коммуникативной сферы ...» [11, с. 21–22].

Дискурс также активно изучается сквозь призму когнитивной теории употребления языка, выступающей в качестве одного из главных компонентов общей теории коммуникативно-языкового взаимодействия, призванной «не только открывать доступ к процессам и структурам, обеспечивающим продуцирование, понимание, запоминание, репродуцирование и другие виды когнитивной обработки предложения и высказывания, но и объяснять, как происходит планирование, производство и понимание речевых актов» [3, с. 12].

В рамках социолингвистического подхода определяет дискурс В. И. Карасик: «дискурс – это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеведческой ситуации ...» [7, с. 41]. Автор выделяет оппозицию двух основных типа дискурса – персональный (лично-ориентированный) и институциональный дискурс [6]. В сфе-

ру нашего исследовательского интереса попадает институциональный дискурс как специализированная клишированная разновидность общения, опирающегося на статусно-ролевые характеристики участников, которые должны общаться в соответствии с нормами данного социума; дискурс такого типа строится по определенному шаблону, однако степень трафаретности типов и жанров этого дискурса различна [7, с. 41–42]. Институциональный дискурс градуален и исторически изменчив: в случае исчезновения базового общественного института как особой культурной системы дискурс как целостный тип общения «растворяется в близких, смежных видах дискурса» [7, с. 41].

Институциональная природа таможенного дискурса

К дискурсу институционального типа можно с полным на то основанием отнести таможенный дискурс. Анализ многочисленных исследований таможенного дискурса свидетельствует о том, что они, как правило, выполняются на основе современных индоевропейских языков (русского [2], английского [4], французского [10]).

Таможенный дискурс, являясь достаточно сложным для исследования объектом, устроен по правилам, характерным для данной коммуникативной сферы, общение в которой осуществляется носителями определенных профессиональных знаний [2, с. 136]. Участниками таможенного дискурса являются представители Всемирной таможенной организации, национальных таможенных служб и их подразделений, физические и юридические лица [4, с. 1144], уполномоченные экономические операторы и иные акторы, функционирующие в данном профессиональном поле в коллаборации с другими институтами и службами, решающими аналогичные задачи.

В качестве основных характеристик таможенного дискурса выделяют кли-

шированность / ритуальность коммуникации, прецедентность, отсутствие (либо невыраженность) личностного начала, статусное неравенство участников коммуникации (например, таможенник vs. клиент), диалогичность, интерактивность, хромотопичность; функциональный регистр таможенного дискурса включает регулятивную, информирующую, организующую, коммуникативную, манипулятивную и суггестивную функции [4, с. 1144–1145].

Таможенный дискурс, будучи институциональным по своей природе, соотносится с прецедентными (культурогенными) текстами как структурными компонентами, представляющими собой письменные и устные источники, на основе которых выстраивается весь корпус внутренней и внешней институциональной коммуникации, определяются её миссия, кредо, базовые стратегические установки и нормативные положения [1].

Источниками материала данного исследования послужили тексты из отраслевых англоязычных изданий: бюллетень Всемирной таможенной организации *WCO News* («Новости ВТамО») и *World Customs Journal* («Всемирный таможенный журнал») – отраслевое научное издание Международной сети таможенных университетов (INCUI), объединяющей свыше 200 членов.

Цель исследования – выявление и описание инвентаря лексических единиц с цифровой семантикой (ЛЕЦС)¹, функционирующих в отраслевых таможенных текстах как манифестантах институционального таможенного дискурса. В процессе исследования решались задачи ранжирования ЛЕЦС в соответствии с критерием частности, определения функционального статуса ЛЕЦС, а также выяснения соотношения собственно таможенного и цифрового контента в анализируемых таможенных текстах.

Цифровая повестка в англоязычном таможенном дискурсе

Развитие современного общества связано с проникновением цифровых технологий во все сферы жизни. Цифровая повестка находит всё большее выражение в англоязычном таможенном дискурсе. В силу столь широкой распространённости, чрезвычайной актуальности и значимости цифровизации в таможенной сфере, вероятно, можно говорить об особом подтипе институционального таможенного дискурса – цифровом таможенном дискурсе.

Современный таможенный дискурс сочетает в себе разнообразие тематических манифестаций, связанное с многозадачностью и многофункциональностью таможенной деятельности. В информационном фокусе специалистов таможенной сферы находятся такие вопросы, как технологии анализа данных для повышения эффективности таможенной деятельности [13]; использование интеллектуального анализа данных, или дата-майнинга (*data mining*), для определения таможенных рисков, в том числе применение метода «дерева поиска / принятия решений» (*decision tree method*), кластеризации (*clustering*), избыточной / неполной выборки данных (*oversampling / undersampling*) для определения факторов таможенных рисков, возникающих при оформлении импортных деклараций [17]; компьютеризация процессов управления в таможенном администрировании [12]; автоматическое управление рисками [14]; налоговое администрирование и управление торговлей [15] и др.

К числу актуальных вопросов, связанных с цифровизацией таможни, относится необходимость разработки целостной концепции цифровой таможни как комплексного феномена [16]. Несмотря на тот факт, что Всемирная таможенная организация выдвинула «Концепцию цифровой таможни ВТамО» (*The WCO Digital*

¹ В исследовании рассматривался только уровень словосочетания.

Customs Concept)¹, предложила «Модель цифровой зрелости таможен» (The Digital Customs Maturity Model) и создала «Рабочую программу цифровой таможен ВТамО» (The WCO Digital Customs Work Program), в настоящее время не существует ни адекватного определения термина «электронная / цифровая таможня» (electronic / digital customs), ни удовлетворительного концептуального аппарата цифровой таможен [16, р. 4]. Следовательно, весьма актуальным является исследование особенностей дискурса, связанного с данной профессиональной областью, его описания и типологизации.

Инвентарь ЛЕЦС в цифровом таможенном дискурсе

В процессе создания дискурса особого типа (и его восприятия) «человек функционирует в одном из возможных миров и погружен в особый ментальный мир. И если правильно, что язык – это “дом духа”, то для правильного создания и понимания дискурса определенного типа надо “попасть” в особую “квартиру” этого дома, т. е. выбрать в “доме” надлежащее “место”» [9, с. 11].

Дискурс анализируется по мере поступления к адресату, т. е. *online* (в динамике); для его понимания используется не вся, а определённым образом уже расклассифицированная информация, причём для активизации этой области знания в голове человека в поступающем тексте / речевом произведении должны содержаться некие языковые сигналы, да и сам текст должен быть структурирован по особым правилам [9].

Для каждого типа дискурса характерен свой инвентарь и свои коммуникативные цели [2, с. 136]. Таможенный дискурс реализуется и находится в единстве с возникающими на его основе отраслевыми таможенными текстами [10, с. 110]. Приоритетный курс современной таможен на цифровизацию находит отражение в лексическом составе таможенных текстов, публикуемых в англоязычных отраслевых изданиях. В качестве маркеров цифрового таможенного дискурса на лексическом уровне выступают ЛЕЦС терминологического и (в меньшей степени) нетерминологического характера. Лексический маркер цифровой разновидности (подтипа) таможенного дискурса – это компонент текстовой реализации, который имеет собственную линейную структуру, включающую как минимум один элемент, обладающий дигитальным значением и способный актуализировать его в семантическом пространстве дискурса.

К лексическим маркерам цифрового таможенного дискурса, эксплицируемого в англоязычном тексте, прежде всего можно причислить входящую в состав большинства ЛЕЦС «лексему-рекордсмен» *data* («данные»). Данные отражают реальность и имеют ценность только после обработки; «это самый распространённый экономический ресурс в мире и самый эгалитарный, поскольку каждый производит данные и владеет ими, ибо нет богатых и бедных стран, когда дело доходит до данных; нет правительства или администрации, которые не могли бы начать амбициозную политику использования данных; нет такой таможенной администрации, которая не располагала бы данными, “большими” или нет, в соответствии со своими потребностями» [15, р. 4–5]. По мнению К. Микурии и Т. Кантенса, следует говорить о широком использовании данных, а не о «больших» данных, т. к. исходным материалом интеллекта (искусственного или нет) являются данные, а не правила [15, р. 5].

¹ Концепция цифровой таможен в понимании Генерального секретаря Всемирной таможенной организации Кунио Микурии означает использование цифровых систем для сбора и защиты таможенных пошлин, контроля потоков товаров, людей, транспортных средств и денег, защиты трансграничной торговли от преступности, включая международный терроризм (см.: Mikuriya K. Digital Customs, the opportunities of the Information Age [Электронный ресурс] // WCO News. 2016. No. 79. URL: <https://mag.wcoomd.org> (дата обращения: 25.05.2022)).

Всего в корпусе обследованных таможенных текстов с помощью сплошной выборки было выявлено 479 ЛЕЦС. Количественный анализ полученных языковых фактов свидетельствует о том, что наибольшая группа ЛЕЦС включает 209 словосочетаний¹ с ключевым словом *data* (44%): *data collection* (сбор данных), *raw data* (исходные данные), *data ecosystem* (экосистема данных), *data hub* (центр данных), *target data* (целевые данные), *biased data* (необъективные данные), *customs data* (таможенные данные), *data warehousing / storage* (хранение данных), *data repository* (хранилище данных), *data management* (управление данными), *data pre-processing* (предварительная обработка данных), *generate data* (генерировать данные), *cross-validation of the data* (перекрёстная проверка данных), *Big data revolution* (Революция больших данных), *the WCO Data Model* (Модель данных ВТамО), *ASYCUDA database* (база данных АСОТД) и др. На наш взгляд, ЛЕЦС с элементом *data* предсказуемо являются лексической доминантой цифрового таможенного дискурса. Именно эта лексема, входящая в состав большинства ЛЕЦС, объективирует данный подтип дискурса, выполняя роль одного из его основных лексических маркеров и подтверждая приоритетность данной тематики в сфере профессиональной таможенной коммуникации. Интерес к области «больших данных» обусловлен колоссальным инновационным потенциалом, который заключается в развитии и применении связанных с ними технологий, способных кардинально изменить многие направления деятельности таможни.

Следующую по численности группу (16%) составили 78 словосочетаний с аббревиатурой *AI* или её полной формой *artificial intelligence* (искусственный ин-

теллект): *AI-robotics* (ИИ-робототехника), *AI revolution* (эволюция ИИ), *AI-based user interface* (пользовательский интерфейс на базе ИИ), *AI-based risk management* (управление рисками на основе ИИ), *fraud-targeting AI application* (приложение ИИ, нацеленное на выявление случаев мошенничества) и др. Задача внедрения возможностей искусственного интеллекта, способного совершить революцию в профессиональной таможенной, сфере сегодня ни у кого не вызывает сомнения, чем и обусловлено столь пристальное внимание к данной проблематике в анализируемом институциональном дискурсе.

Три группы ЛЕЦС показали одинаковую частотность употребления (5%). Это 24 словосочетания со словом *information*: *raw information* (исходная информация), *information digitalisation* (оцифровка информации); 24 словосочетания со словом *electronic* или его «усечённым» элементом *e-*: *electronic signature* (электронная подпись), *e-seal* (электронная печать), *E-Customs* (электронная таможня); 24 словосочетания со словом *computer* (или его производными): *computer technique* (компьютерный метод), *cloud computing* (облачные вычисления) и др. Мы полагаем, что две ранее описанные группы как бы отодвигают на задний план выявленные в равном количестве ЛЕЦС с элементами *information*, *electronic* и *computer*, которые являются своего рода «общим местом» на фоне более актуальной проблематики, образующей дискурсивные пики.

Следующая группа включает 21 словосочетание со словом *algorithm* (4% выборки): *algorithm boosting* (повышение эффективности алгоритма), *machine learning algorithm* (алгоритм машинного обучения), *predictive algorithm* (алгоритм прогнозирования) и др. Незначительную долю этих ЛЕЦС в общей выборке можно, вероятно, объяснить слишком узкотехнической семантикой ключевого элемента *algorithm*.

Наименьшей по численности (3%) является группа из 15 словосочетаний со

¹ В данной работе мы рассматривали ЛЕЦС, содержащие в своей структуре как минимум один лексический элемент, семантика которого имеет отношение к области цифровых технологий, используемых в таможенной деятельности.

словом *digital*: *'digital' government* («цифровое» правительство), *digital transformation* (цифровая трансформация) и т. п. Элемент *digital*, некоторое время тому назад обнаруживавший всплеск употребления в различных типах институционального дискурса (и не только), сегодня, по всей видимости, приобретает узуальный статус, что ни в коей мере не означает утраты актуальности. По мере решения определённых профессиональных задач, связанных с цифровизацией различных сфер жизни (и таможни в том числе), происходит дальнейшее продвижение и конкретизация перспектив этой бурно развивающейся области.

В отдельную группу (18%) вошли 84 разнородных словосочетания, которые не содержат ключевого слова: *open source software* (программное обеспечение с открытым исходным кодом), *blockchain technology* (технология блокчейн), *non-binary tree* (недвоичное дерево), *the Synthetic Minority Oversampling Technique* (метод передискретизации синтетического меньшинства), *intuitive graphical interface* (интуитивно понятный графический интерфейс), *automated container images processing and objects recognition* (автоматическая обработка изображений контейнеров и распознавания объектов), *geo-fencing technology to secure containers* (технология геоограждения для защиты контейнеров) и др. Содержательно-структурная вариативность данной группы ЛЕЦС свидетельствует о многомерности контента актуальных таможенных текстов, в которые транспонируются элементы компьютерно-цифровой семантики.

В результате выполненного исследования мы пришли к следующим **выводам**.

Институциональный таможенный дискурс – это система статусно-ролевых отношений, функционирующая в коммуникативном пространстве таможни как базовом социальном институте, в совокупности релевантных стратегий, категорий, дискурсивных практик и жанрово-типичных реализаций, представленных в

таможенных текстах как носителях профессионально ориентированной информации.

Цифровой таможенный дискурс является подтипом институционального таможенного дискурса. Контентообразующее ядро цифрового таможенного дискурса представлено таможенной доминантой, по отношению к которой контаминирующая цифровая проблематика обладает субординационно-периферийным статусом.

Выявленные в исследовании лексические единицы с цифровой семантикой являются лексическими маркерами цифрового таможенного дискурса, обеспечивающими когезию таможенного текста на лексическом уровне.

ЛЕЦС могут выражать «смешанные» значения, относящиеся как к цифровой (компьютерной), так и таможенной сфере. Можно констатировать некоторое «сращивание» таможенной и цифровой терминосистем, что является следствием стремительной цифровизации таможенной сферы.

Институциональные дискурсы появляются и исчезают. Лексические маркеры институционального дискурса (как и сам дискурс) подвержены обновлению по мере развития дискурсивных практик в соответствующей профессиональной среде. Вместе с тем в любом действующем институциональном дискурсе всегда будет сохраняться контентообразующее ядро, отвечающее за принадлежность дискурса к определённому институциональному типу.

Заключение

Таможенная деятельность является одной из важнейших составляющих экономической мощи и безопасности любого государства. Колоссальный рост объёмов международных перевозок и иных трансграничных контактов характеризуется всё большей информатизацией сферы таможенных услуг, что находит отражение в современном таможенном дискурсе.

Таможенные органы во всём мире, решая важные государственные задачи, должны постоянно развивать свой материально-технический потенциал, использовать новые информационные технологии в подготовке и последующей практической деятельности персонала. Расширенная аналитика и управление информацией сегодня выходят на передний план управления таможней. Это находит непосредственное отражение в таможенных текстах как манифестантах цифрового подтипа таможенного дискурса.

По своей сути дискурс – явление когнитивное, имеющее дело не только с передачей и оперированием знаниями особого рода, но и созданием новых знаний; то, что создано в дискурсивной

практике людей, продолжает жить далее своей жизнью, и снова может анализироваться и служить проникновению вглубь, за пределы чисто языковой данности [9, с. 12]. Поскольку институциональный таможенный дискурс постоянно развивается и обновляется в силу меняющихся политических, социально-экономических и иных обстоятельств, будет изменяться и наполнение текстов таможенной тематики, в том числе их лексический, и, прежде всего, терминологический состав, что может стать предметом дальнейшего исследования данной проблематики в рамках таких областей, как терминоведение, институциональная дискурсология, когнитивистика.

Дата поступления в редакцию 22.07.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Алехина Н. В. Институциональные дискурсы в лингвистическом изучении // Молодой учёный. 2020. № 41 (331). С. 64–65.
2. Биймурзаева Ф. Р. Дискурсивные особенности текстов таможенных документов (общая характеристика) // Альманах мировой науки. 2016. № 4-1 (7). С. 136–140.
3. Дейк Т. А., ван. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов (перев. с англ. М. А. Дмитриевской) // Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 12–40.
4. Двойнина Е. В. Англоязычный институциональный таможенный дискурс в массмедийном интернет-пространстве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 4. С. 1143–1147. DOI: 10.30853/phil210186.
5. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1 (21). С. 17–34.
6. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
7. Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 33–58 (Серия: Теория и история языкознания).
8. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 5–11.
9. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 5–13 (Серия: Теория и история языкознания).
10. Сосунова Г. А. Герменевтический метод исследования текстов французских отраслевых таможенных изданий // Языковые аспекты профессиональной коммуникации в образовательной среде: сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Москва, 19 апреля 2017 г. / отв. ред. И. В. Кондарина. М.: РИО Российской таможенной академии, 2017. С. 108–112.
11. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
12. Chermitti B. Establishing risk and targeting profiles using data mining: Decision trees // World Customs Journal. 2019. Vol. 13. No. 2. P. 39–58.

13. Desiderio D. Data analysis techniques for enhancing the performance of Customs // *World Customs Journal*. 2019. Vol. 13. No. 2. P. 17–22.
14. Grigoriou C. Revenue maximisation versus trade facilitation: the contribution of automated risk management // *World Customs Journal*. 2019. Vol. 13. No. 2. P. 77–90.
15. Mikuriya K., Cantens T. If algorithms dream of Customs, do customs officials dream of algorithms? A manifesto for data mobilisation in Customs // *World Customs Journal*. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 3–22.
16. Mozer S. V. *Digital Customs. WCO Experience: monograph*. Moscow: Publishing House of the Russian Customs Academy, 2019. 266 p.
17. Zhou X. Data mining in customs risk detection with cost-sensitive classification // *World Customs Journal*. 2019. Vol. 13. No. 2. P. 115–130.

REFERENCES

1. Alekhina N. V. [Institutional discourses in linguistic study]. In: *Molodoy uchonyy* [Young scientist], 2020, no. 41 (331), pp. 64–65.
2. Bymurzayeva F. R. [Discursive features of the texts of customs documents (general characteristics)]. In: *Al'manakh mirovoy nauki* [Almanac of world science], 2016, no. 4-1 (7), pp. 136–140.
3. van Dijk T. A. [Context and knowledge. Knowledge Frames and Understanding of Speech Acts]. In: Van Dijk T. A. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk College for the Humanities named after I. A. Baudouin de Courtenay Publ., 2000, pp. 12–40.
4. Dvoynina Ye. V. [English-language institutional customs discourse in mass-media Internet space]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2021, vol. 14, no. 4, pp. 1143–1147. DOI: 10.30853/phil210186.
5. Karasik V. I. [The discourse studies as the direction of the communicative linguistics]. In: *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current issues in philology and pedagogical linguistics], 2016, no. 1 (21), pp. 17–34.
6. Karasik V. I. [On the types of discourse]. In: *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs* [Linguistic personality: institutional and personal discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 5–20.
7. Karasik V. I. [Ethnocultural types of institutional discourse]. In: *Etnokul'turnaya spetsifika rechevoy deyatel'nosti* [Ethnocultural specifics of speech activity]. Moscow, INION RAN Publ., 2000, pp. 33–58.
8. Karaulov Yu. N., Petrov V. V. [From grammar of the text to the cognitive theory of discourse]. In: Van Dijk T. A. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk College for the Humanities named after I. A. Baudouin de Courtenay Publ., 2000, pp. 5–11.
9. Kubryakova Ye. S. [On the concepts of discourse and discursive analysis in modern linguistics (review)]. In: *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nyye i strukturnyye aspekty* [Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects]. Moscow, INION RAN Publ., 2000, pp. 5–13.
10. Sosunova G. A. [Hermeneutical method of researching texts of French sectoral customs publications]. In: *Yazykovyye aspekty professional'noy kommunikatsii v obrazovatel'noy srede: sbornik materialov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 19 aprelya 2017 g.* [Linguistic aspects of professional communication in the educational environment: collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 19, 2017]. Moscow, Editorial and Publishing Department of the Russian Customs Academy, 2017, pp. 108–112.
11. Sheygal Ye. I. *Semiotika politicheskogo diskursa: dis. ... dokt. filol. nauk* [Semiotics of political discourse: D. thesis in Philological Sciences]. Volgograd, 2000. 431 p.
12. Chermitti B. Establishing risk and targeting profiles using data mining: Decision trees. In: *World Customs Journal*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 39–58.
13. Desiderio D. Data analysis techniques for enhancing the performance of Customs. In: *World Customs Journal*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 17–22.
14. Grigoriou C. Revenue maximisation versus trade facilitation: the contribution of automated risk management. In: *World Customs Journal*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 77–90.
15. Mikuriya K., Cantens T. If algorithms dream of Customs, do customs officials dream of algorithms? A manifesto for data mobilisation in Customs. In: *World Customs Journal*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 3–22.

16. Mozer S. V. Digital Customs. WCO Experience. Moscow, Publishing House of the Russian Customs Academy, 2019. 266 p.
 17. Zhou X. Data mining in customs risk detection with cost-sensitive classification. In: *World Customs Journal*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 115–130.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Великова Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Российской таможенной академии;
e-mail: milavel@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liudmila N. Velikova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Russian Customs Academy;
e-mail: milavel@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Великова Л. Н. Лексические маркеры цифрового таможенного дискурса (уровень словосочетания) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 6–15.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-6-15

FOR CITATION

Velikova L. N. Lexical markers of digital customs discourse (word-combination level). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 6, pp. 6–15.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-6-15

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-16-24

РЕАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗНОГО КОМПОНЕНТА В ТЕРМИНОЛОГИИ КЛИНИЧЕСКИХ НЕЙРОНАУК

Коваленко А. С.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Целью данного исследования стало изучение особенностей реализации образного компонента в составе терминологии клинических нейронаук, в частности психиатрии и неврологии. Объектом являются неврологические и психиатрические термины с компонентом-эпонимом. Предмет изучения – репрезентация культурного компонента в терминологии.

Процедура и методы. Всю терминологию клинических нейронаук с точки зрения реализации образного компонента можно разделить на культурно-маркированную и культурно-нейтральную. В ходе работы была проанализирована культурно-маркированная медицинская терминология, основу которой составляют прецедентные онимы. Источником практического материала стал портал MedicineNet.com. В рамках исследования методом сплошной выборки были отобраны и проанализированы 122 термина. Все эти термины являются эпонимическими, однако они находятся на разных уровнях прецедентности, а актуализация образного компонента зависит от объёма фоновых знаний коммуникантов и сопутствующих экстралингвистических факторов.

Результаты. По итогам проведённого исследования были сделаны следующие выводы: культурный компонент может актуализироваться только в культурно-маркированных терминах; степень прецедентности ономастического элемента и актуализации образа зависят от объёма фоновых знаний коммуникантов; образным компонентом, заключённым в неврологических и психиатрических синдромах и болезнях, может стать яркая черта внешности или характера референта, прецедентное событие, симптоматика болезни, а также индивидуальный ассоциативный ряд.

Теоретическая и/или практическая значимость. Современная медицинская терминология характеризуется использованием терминов-эпонимов в профессиональном дискурсе. В составе их значения присутствует культуроспецифический компонент, что позволяет рассматривать их с точки зрения вербальной формы сохранения, передачи и репрезентации культурно-исторического наследия. Специфика эпонимических терминов проявляется в их стилистической маркированности, изучение дискурсивной реализации которой представляется новым и актуальным сегодня. Исследование вносит вклад в развитие когнитивного терминоведения, а также в изучение специфики терминов-эпонимов в отличие от иных номинативных единиц. Практическая ценность состоит в возможности применения материалов исследования в преподавании английского языка для специальных целей.

Ключевые слова: эпонимические термины, неврология, психиатрия, образный компонент, прецедентные имена

FIGURATIVE COMPONENT IN THE TERMINOLOGY OF CLINICAL NEUROSCIENCE

A. Kovalenko

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the features of the implementation of the figurative component in the terminology of clinical neurosciences, in particular, psychiatry and neurology. Neurological and psychiatric terms with an eponymous component are the object of the research. The subject of study is the implementation of the figurative component in terminology.

Methodology. The entire terminology of clinical neurosciences from the point of view of the figurative component implementation can be divided into culturally-marked and culturally-neutral terms. In the course of the work, culturally-marked medical terminology based on precedent onyms is analyzed. The MedicineNet.com portal is the source of the practical material. Within the framework of the study, based on the method of continuous sampling, 122 terms have been selected and analyzed. All these terms are eponymous, but they are at different levels of precedence, and the actualization of the figurative component depends on the recipient and various extralinguistic factors.

Results. As a result of the conducted research, the following conclusions have been made: the figurative component can be actualized only in culturally-marked terms; the degree of precedence of the onomastic element and the actualization of the figurative component depend on the amount of background knowledge of communicants; the figurative component that functions in neurological and psychiatric syndromes and diseases can be a vivid feature of the appearance or personality of the referent, a precedent event, the symptomatology of a disease, as well as an individual associative array.

Research implications. Modern medical terminology is characterized by the use of eponymous terms in professional discourse. As part of their meaning, there is a culture-specific component, which allows us to consider them from the point of view of the verbal form of preservation, transmission and representation of cultural and historical heritage. The specificity of eponymous terms is manifested in their stylistic marking, the study of the discursive implementation of which seems to be relevant today. This research contributes to the development of cognitive terminology, as well as to the study of the specifics of eponymous terms, in contrast to other nominative units. Its practical value consists in the possibility of using research materials in teaching English for special purposes.

Keywords: eponymous terms, neurology, psychiatry, figurative component, precedent names

Введение

Несмотря на то, что ни одна область знаний не может существовать без собственного терминологического аппарата, научное рассмотрение терминов как совокупности понятий, функционирующих в рамках определённого языка для специальных целей, началось относительно недавно, в середине XX века.

Медицинский дискурс является одной из разновидностей языка для специальных целей и характеризуется наличием

специальной терминологии, выполняющей сциентическую функцию, которая заключается в «восприятии слова как вербализатора фрагмента стройной научной системы значительным числом коммуникантов» [9, с. 13]. В профессиональном дискурсе термины используются для избегания неточности при передаче информации и традиционно характеризуются нейтральностью и недвусмысленностью [17]. А. А. Реформатский определяет термины как «специальные,

ограниченные своим особым назначением» лексические единицы, «стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей» [18, с. 61]. И. С. Кудашев подчёркивает сложность практического разграничения области языка для общих и для специальных целей, поскольку, во-первых, данное разделение конвенционально и изменчиво, а во-вторых, «повседневная, бытовая деятельность также требует определенной степени специализации, и все люди время от времени обсуждают специальные темы» [11, с. 76], вследствие чего автор предлагает относить к языку для специальных целей лексику, «не являющуюся достоянием большинства носителей национального языка» [11, с. 76]. С. В. Гринев-Гриневич выделяет в качестве одной из важнейших отличительных черт термина от общеупотребительной лексемы «объективность содержания», выражающуюся в отсутствии «добавочных ассоциаций» к нему [2, с. 28–29]. Тем не менее, в русле современной коммуникативно-когнитивной парадигмы терминология начинает рассматриваться как динамичное явление, отражающее и организующее систему знаний в определённой сфере человеческой деятельности [14]. Антропоцентрический подход к терминологии в когнитивной лингвистике, по мнению В. М. Лейчика, предполагает отход от понимания термина как стилистически нейтральной и однозначной лексической единицы и признание главенствующей роли процесса познания (когниции) в формулировании и закреплении определения термина [12, с. 22].

Одним из основных направлений когнитивной лингвистики в области языка для специальных целей является когнитивное терминоведение. Е. И. Голованова отмечает, что данный термин был введён в употребление С. В. Гриневым в 1998 г. [1, с. 13]. В качестве ведущих отечественных лингвистов, занимающихся развитием данного лингвистического направления, она называет В. М. Лейчика и

В.Ф. Новодранову [1]. В. Ф. Новодранова, в частности, особенное внимание в своих работах уделяет изучению не только связи когнитивной лингвистики и терминологии, но и вопросам теоретических основ клинического терминоведения [15]. Е. М. Какзанова также активно занимается анализом медицинской терминологии, в сферу её интересов входят когнитивно-семантические и лингвокультурные особенности терминов-эпонимов [5].

Если говорить о терминоведении за рубежом, то необходимо отметить, что в нём выделяется несколько направлений: социотерминоведение, социокогнитивное, фреймовое и коммуникативное терминоведение [7]. Данные направления являются междисциплинарными и описывают терминологические системы с точки зрения социального, лингвистического и когнитивного аспектов. Учёные, занимающиеся когнитивным терминоведением за рубежом (Т. Кабре, М. Линарес, Р. Теммерман, П. Фабер и др.), оспаривают в своих работах традиционный подход к терминологии, разработанный Е. Вюстером [23], и фокусируют своё внимание на практических аспектах терминоведения, в частности, функционировании терминов в дискурсе языков для специальных целей и в переводных документах [20].

Отражение культуры в медицинском термине: история изучения

Англоязычная терминология клинических нейронаук, а именно неврологии и психиатрии, чрезвычайно разнообразна и неоднородна с точки зрения реализации образного компонента, изучение которого стало целью настоящего исследования.

Категория образа является одной из важнейших для когнитивной лингвистики, поскольку, как отмечают Ю. Е. Ломоносова, Н. Н. Копытина и А. Ю. Щербинин, «образ является психофизической основой концепта и служит фундаментом, на котором выстраиваются остальные структурные составляющие» [13,

с. 95]. Учёные выделяют двойственную структуру образа, включающего в себя, с одной стороны, перцептивный компонент (характеристики зрительных, аудиальных, тактильных, обонятельных и вкусовых ощущений) и, с другой стороны, когнитивный (абстрактный метафорический образ) [13].

Анализ медицинской терминологии позволяет обнаружить существование культурно-нейтральных терминов, в составе которых находятся имена нарицательные, а также культурно-маркированных терминов, содержащих эпоним. Рассмотрим каждую из категорий подробнее.

Древняя Греция и Древний Рим оказали огромное влияние на развитие медицины, что привело к тому, что большинство медицинских терминов, используемых в настоящее время в английском языке, имеют греческие и латинские корни. Примерами терминов греческого происхождения являются лексемы “agraphia” (аграфия), “chorea” (хорея); а термин “dementia” (деменция) – латинский. Кроме того, в английских словарях медицинских терминов есть лексические единицы германского происхождения: “organic brain syndrome” (синдром органического поражения головного мозга). Подобные лексические единицы можно отнести к ряду культурно-нейтральных, поскольку они не отражают особенности восприятия и оязыковления действительности в том или ином лингвокультурном сообществе.

Вторая категория терминов – культурно-маркированные. А. П. Крячкова определяет культурно-маркированную лексику как «совокупность языковых единиц, обозначающих понятия, характерные для определённого народа, отражающие его историю и особенности культуры» [10, с. 26]. В. В. Робустова отмечает, что имена собственные «способны выступать в качестве репрезентанта и транслятора определенных культурных смыслов, накопителем и транслятором культурной

памяти» [19, с. 389]. Другими словами, они, в особенности прецедентные имена, выполняют кумулятивную функцию, за счёт чего они становятся основой культурно-маркированной терминологии, в которой реализуется образный компонент, обеспечивающий аккумуляцию и преемственность научного и культурного знания.

Прецедентные имена, наравне с другими прецедентными феноменами, являются объектом изучения прецедентной лингвистики – активно развивающегося направления современного языкознания. Прецедентным именем, вслед за И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудковым и Д. В. Багаевой, мы называем имя собственное, связанное с широко известным прецедентным текстом (исследователи приводят в качестве примера Григория Печорина, Василия Тёркина) или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); при употреблении прецедентного имени в коммуникации апелляция к денотату не происходит [16, с. 83]. Л. И. Гришаева отмечает, что прецедентные феномены, ввиду своей значимости для представителей определённой культуры, способны «конденсировать информацию» в актах коммуникационного взаимодействия [3, с. 93].

Не возникает сомнения в том, что помимо коллективного когнитивного пространства, в которое входят знания, общие для всех или для большинства членов определённого сообщества, существует ещё и индивидуальное когнитивное пространство, представляющее собой знания и понятия конкретной языковой личности. В связи с этим, Д. В. Гудков выделяет в своём исследовании несколько уровней прецедентности: автопрецедентные, социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены [4].

К автопрецедентным относятся феномены, вызывающие у конкретной языковой личности индивидуальные ассоциации, представления.

Социумно-прецедентные феномены – феномены, известные большинству представителей социума. Поскольку социумом может считаться и отдельная семья, состоящая из нескольких человек, и, например, научное сообщество, то границы социумно-прецедентных феноменов несколько размываются.

Национально-прецедентные феномены – феномены, известные среднестатистическому представителю лингвокультурологического сообщества. Здесь важно отметить, что лингвокультурологическое сообщество также является одной из разновидностей социума, тем не менее, Д. В. Гудков выделяет данные феномены в отдельную категорию.

Универсально-прецедентные феномены – феномены, известные любому человеку.

Исследование реализации образного компонента в терминологии клинических нейронаук

Практическим материалом для проведения исследования послужили 122 эпонимических термина из области неврологии и психиатрии, отобранные методом сплошной выборки из медицинского словаря на портале MedicineNet.com¹. В основе каждого из изученных терминов лежит оним, однако вопрос, прецедентны ли они и на каком уровне прецедентности находятся, является проблемным, поскольку актуализация образного компонента находится в прямой зависимости от объёма фоновых знаний коммуникантов и на неё влияют такие экстралингвистические факторы, как возраст, уровень образования, наличие или отсутствие фоновой информации в конкретной области и т. д. Несмотря на то, что терминология предназначена в первую очередь для использования в профессиональной коммуникации, образ, представленный в культурно-маркированных терминах,

может быть реализован в сознании коммуникантов, не имеющих медицинского образования.

Очевидно, что уровень актуализации образа будет различным в терминах типа “Munchausen syndrome” (синдром Мюнхгаузена) и “Binswanger’s disease” (болезнь Бинсвангера), несмотря на то, что оба этих термина являются эпонимическими.

Нет сомнений в том, что имя Мюнхгаузена стало прецедентным, и в названии синдрома отражается образ данного человека. Барон Мюнхгаузен прославился невероятными рассказами о своих приключениях, а психиатрический термин «синдром Мюнхгаузена», появившийся в 1950-х гг., описывает симулятивное расстройство, при котором пациенты придумывают себе не существующие у них (часто острые, тяжёлые или даже неизлечимые) болезни с целью получения медицинского лечения [22]. В названии клинического синдрома лежит когнитивный механизм «профиль-база», поскольку благодаря прецедентному имени собственному в термине профилируется симптоматика заболевания. Данное имя можно считать национально-прецедентным (или даже универсально-прецедентным) феноменом, в то время как имя немецкого невролога и психиатра Отто Людвиг Бинсвангера, описавшего ранее упомянутую болезнь, отнести к национально-прецедентным феноменам нельзя.

К национально- или универсально-прецедентным онимам можно отнести реальные топонимы и вымышленные литературные онимы, именно в них будет реализовываться образный компонент за счёт функционирования механизма профилирования.

1. Яркая черта внешности – 3 термина (2,5%): синдром Петрушки (данный термин отсутствует в английском языке, поскольку Петрушка – персонаж русского народного театра, не присутствующий в лингвокультуре англоговорящих стран, где используется синонимичный термин,

¹ MedicineNet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.medicinenet.com> (дата обращения: 20.11.2021).

“Angelman syndrome” (синдром Ангельмана)), “Pisa syndrome” (синдром Пизанской башни), “Rapunzel syndrome” (синдром Рапунцель).

2. Характер – 6 терминов (4,9%). Например, “Dorian Gray syndrome” (синдром Дориана Грея), “Othello syndrome” (синдром Отелло), синдром Плюшкина. В англоязычной традиции для обозначения последнего психического расстройства, характеризующегося патологическим накопительством, социальной изоляцией и пренебрежительным отношением к себе, часто используется термин “Diogenes syndrome” (синдром Диогена). В основе данного термина лежит имя греческого философа, известного своей замкнутостью и желанием отказаться от материального мира. Необходимо отметить, что исследователи признают данный термин не вполне корректным, поскольку Диоген был минималистом, а в качестве референта при данных симптомах больше подходит персонаж романа Н. В. Гоголя «Мёртвые души» [21].

3. Прецедентное событие – 13 терминов (10,6%). Например, “Minamata disease” (болезнь Минаматы), “Havana syndrome” (Гаванский синдром), “Stockholm syndrome” (Стокгольмский синдром), “Alice in Wonderland syndrome” (синдром Алисы в Стране Чудес).

В проанализированных примерах эпонимический компонент выполняет кумулятивную функцию: информация о реальных и вымышленных прецедентных феноменах сохраняется в терминах и передаётся из поколения в поколение.

Если говорить о терминах с антропонимом в качестве эпонимического компонента (100 терминов, 82%, например, “Alzheimer disease” (болезнь Альцгеймера), “Batten disease” (болезнь Баттена), “Guillain-Barre syndrome” (синдром Гийена-Барре), “Zellweger syndrome” (синдром Цельвегера)), то механизм профилирования в данной категории работать не будет, поскольку подобные лексические единицы имеют низкий уровень когни-

тивной салиентности [8]. Под термином «салиентность», или «выделенность», вслед за М. И. Киосе, мы понимаем «совокупность таких условий, которые позволяют читателю легче распознать образ референта непрямои номинации» [6, с. 157]. Тем не менее, термины с эпонимическим ядром – антропонимом также можно отнести к прецедентным именам (автопрецедентные феномены). Образ будет актуализироваться в том случае, если человек в своей жизни встречался с подобным синдромом или болезнью, однако апелляция не будет происходить к денотату (например, к французскому врачу Августе Дежерин-Клюмпке в случае с термином “Dejerine-Klumpke paralysis” (паралич Дежерин-Клюмпке)).

Кроме того, на профессиональном уровне также будут возникать ассоциации, связанные с течением болезни, её симптоматикой. В этом профессиональном аспекте подобные термины будут функционировать уже не как автопрецедентные, а как социумно-прецедентные.

Заключение

Образный компонент в составе терминов клинических нейронаук может быть реализован при включении в его состав эпонима. Степень актуализации образного компонента зависит от уровня прецедентности, т. е. степени известности конкретного эпонима в определённой лингвокультуре. Термины, в основе которых лежат автопрецедентные или социумно-прецедентные эпонимы, будут характеризоваться низким потенциалом культурной маркированности. Термины, в основе которых лежат национально-прецедентные и универсально-прецедентные эпонимы, будут обладать выраженной культурной маркированностью, благодаря реализации их экстралингвистических характеристик, что позволит актуализировать образный компонент в терминологической номинации. Культурно-специфический компонент в терминологии актуализируется с учётом

фоновых знаний коммуникантов, выполняющая при этом кумулятивную функцию, позволяющую ему выступать в качестве вербального знака – репрезентанта и транслятора культурно-исторической информации.

Дата поступления в редакцию 03.12.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Голованова Е. И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). С. 13–17.
2. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
3. Гришаева Л. И. Когда прецедентные феномены предпочтительнее привычных номинативных средств? // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 91–100.
4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
5. Какзанова Е. М. Имя собственное в термине. М.: Галлея-Принт, 2015. 291 с.
6. Киусе М. И. Лингвистические показатели салиентности не прямых окказиональных номинаций в языке англоязычной прозы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 18 (816). С. 156–167.
7. Киселёва С. В., Росянова Т. С. Когнитивный сдвиг в современном зарубежном терминоведении: обзор основных направлений исследования // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 2 (49). С. 21–25.
8. Коваленко А. С. Использование когнитивного механизма «профиль-база» в формировании терминов с ономастическим компонентом в клинических нейронауках // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 430–435.
9. Косоногова О. В. Статус онимического термина в лингвистике: монография. Одесса: Куприенко СВ, 2016. 117 с.
10. Крячкова А. П. Культурно-маркированная лексика как приём речевых стратегий в политическом дискурсе Германии // Филологические науки в МГИМО. 2020. Т. 6. № 4 (24). С. 25–35. DOI: 10.24833/2410-2423-2020-4-24-25-35.
11. Кудашев И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Хельсинки: Helsinki University Print, 2007. 443 с.
12. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
13. Ломоносова Ю. Е., Копытина Н. Н., Щербинин А. Ю. Образный компонент в структуре концепта (на материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 95–99. DOI: 10.30853/filnauki.2019.4.20.
14. Манерко Л. А. Терминоведческая наука XX столетия // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 641–650.
15. Новодранова В. Ф. Теоретические основы направления в когнитивной лингвистике «Язык для специальных целей» // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 133–137.
16. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. Вып. 1 / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Издательство Диалог-МГУ, 1997. С. 82–103.
17. Раздужев А. В. Основные характеристики языка для специальных целей // Университетские чтения-2010: материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Ч. VI. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С. 90–95.
18. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
19. Робустова В. В. Имя собственное как средство трансляции культурной информации // Россия и Запад: диалог культур: сборник материалов XXIII Международной конференции, Москва, 25–27 марта 2021. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2021. С. 388–398.
20. Федюченко Л. Г. Определение понятия «термин» в рамках когнитивного терминоведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 29–36. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-29-36.

21. Diogenes syndrome in patients suffering from dementia / G. Cipriani, C. Lucetti, M. Vedovello, A. Nuti // *Dialogues in Clinical Neuroscience*. 2012. Vol. 14 (4). P. 455–460. DOI: 10.31887/DCNS.2012.14.4/cipriani.
22. Goodwin J. Munchausen's syndrome as a dissociative disorder // *Dissociation: Progress in the Dissociative Disorders*. 1988. Vol. 1 (1). P. 54–60.
23. Temmerman R. Why traditional terminology theory impedes a realistic description of categories and terms in the life sciences // *Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication*. 1998. Vol. 5. Iss. 1. P. 77–92. DOI: 10.1075/term.5.1.07tem.

REFERENCES

1. Golovanova Ye. I. [Cognitive terminology: issues, tools, trends and prospects]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 24 (315), pp. 13–17.
2. Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedeniye* [Terminology]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 304 p.
3. Grishayeva L. I. [When are culturally significant phenomena preferable to primary nominative means?]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2021, no. 4 (47), pp. 91–100.
4. Gudkov D. B. *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 288 p.
5. Kakzanova E. M. *Imya sobstvennoe v termine* [Proper name in the term]. Moscow, Galleya-Print Publ., 2015. 291 p.
6. Kiose M. I. [Linguistic parameters of salience in the use of indirect non-entrenched names in English-language prose]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2018, no. 18 (816), pp. 156–167.
7. Kiselova S. V., Rosyanova T. S. [Cognitive shift in modern international terminology: overview of major research directions]. In: *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kurgan State University], 2018, no. 2 (49), pp. 21–25.
8. Kovalenko A. S. [The use of the cognitive mechanism “profile-base” in the formation of terms with onomastic component in clinical neurosciences]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2021, no. 4 (47), pp. 430–435.
9. Kosonogova O. V. *Status onimicheskogo termina v lingvistike* [Status of the onymic term in linguistics]. Odessa, Kuprienko SV Publ., 2016. 117 p.
10. Kryachkova A. P. [Culture-bound words as a method of speech strategies in German political discourse]. In: *Filologicheskiye nauki v MGIMO* [Linguistics & Polyglot Studies], 2020, vol. 6, no. 4 (24), pp. 25–35. DOI: 10.24833/2410-2423-2020-4-24-25-35.
11. Kudashev I. S. *Proyektirovaniye perevodcheskikh slovarey spetsial'noy leksiki* [Designing translation dictionaries of special vocabulary]. Helsinki, Helsinki University Print, 2007. 443 p.
12. Leychik V. M. *Terminovedeniye: Predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, methods, structure]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 256 p.
13. Lomonosova Yu. E., Kopytina N. N., Shcherbinin A. Yu. [Figurative component in the structure of a concept (by the material of the French language)]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2019, vol. 12, no. 4, pp. 95–99. DOI: 10.30853/filnauki.2019.4.20.
14. Manerko L. A. [Terminology science of the XX century]. In: *Gorizonty sovremennoy lingvistiki: traditsii i novatorstvo* [Horizons of modern linguistics: traditions and innovation]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009, pp. 641–650.
15. Novodranova V. F. [Theoretical foundations of the direction in cognitive linguistics “language for special purposes”]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2021, no. 4 (47), pp. 133–137.
16. Bagayeva D. V., Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Krasnykh V. V. [Case name and case statement as symbols of case phenomena]. In: *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya. Vyp. 1* [Language, consciousness, communication. Iss. 1]. Moscow, Izdatel'stvo Dialog-MGU Publ., 1997, pp. 82–103.
17. Razduyev A. V. [The main characteristics of the language for special purposes]. In: *Universitetskiye chteniya-2010: materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGLU. Ch. VI* [University readings-2010:

- materials of scientific and methodological readings of PSLU. P. VI]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Publ., 2010, pp. 90–95.
18. Reformatskiy A. A. *Vvedeniye v yazykoznaniiye* [Introduction to linguistics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 536 p.
 19. Robustova V. V. [Proper name as a means of broadcasting cultural information]. In: *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur: sbornik materialov XXIII Mezhdunarodnoy konferentsii, Moskva, 25–27 marta 2021* [Russia and the West: a dialogue of cultures: collection of materials of the XXIII International Conference, Moscow, March 25–27, 2021]. Moscow, Tsentr po izucheniyu vzaimodeystviya kul'tur Publ., 2021, pp. 388–398.
 20. Fedychenko L. G. [Term definition for the purpose of cognitive terminology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 3, pp. 29–36. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-29-36.
 21. Cipriani G., Lucetti C., Vedovello M., Nuti A. Diogenes syndrome in patients suffering from dementia. In: *Dialogues in Clinical Neuroscience*, 2012, vol. 14 (4), pp. 455–460. DOI: 10.31887/DCNS.2012.14.4/gcipriani.
 22. Goodwin J. Munchausen's syndrome as a dissociative disorder. In: *Dissociation: Progress in the Dissociative Disorders*, 1988, vol. 1 (1), pp. 54–60.
 23. Temmerman R. Why traditional terminology theory impedes a realistic description of categories and terms in the life sciences. In: *Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication*, 1998, vol. 5, iss. 1, pp. 77–92. DOI: 10.1075/term.5.1.07tem.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коваленко Анна Сергеевна – аспирант кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: kovalenko.wt@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna S. Kovalenko – Postgraduate Student, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: kovalenko.wt@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коваленко А. С. Реализация образного компонента в терминологии клинических нейронаук // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 16–24.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-16-24

FOR CITATION

Kovalenko A. S. Figurative component in the terminology of clinical neuroscience. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 6, pp. 16–24.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-16-24

УДК 811.1/.9

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-25-40

NEW TENDENCIES IN THE STUDY OF MODALITY: EPISTEMIC MODALITY AND EVIDENTIALITY

P. Kosta¹, G. Zh. Iskakova²

¹ *University of Potsdam*

Am Neuen Palais 10, House 1, Potsdam 14469, Germany

² *Sh. Ualikhanov Kokshetau University*

Abaya str. 76, Kokshetau 020000, Akmola Region, Kazakhstan

Abstract

Aim. The following article goes back to a series of research work on modality and evidentiality and focuses on the interrelation and division of labor between the syntax-semantic interface and the expressions with grammatical categories of mood and mode on one side, and lexical or morphological items on the other.

Methodology. The present article is based on functional approach of functional syntax and semantics combined with the theory of generative grammar and minimalism. The second part has a comparative component showing the wide range of affixal expressions with which the agglutinative languages such as Kazakh and Kirgiz mark epistemic modality. The comparative approach is seemingly to be preferred over a monolingual functional one because the comparison can show differences and similarities and thus shed light into new ways of conveying grammatical functions and lexical meanings in different types of languages.

Results. It can be shown that while modality is a category which seems to have universal implications, that means there are no languages which lack modality, evidentiality can be expressed either explicitly (by lexical or grammatical expressions) or implicitly (via pragmatic inference, deixis or presuppositions).

Research implications. As opposed to the Indo-European languages where the distinction of epistemic modality and evidentiality is based on the so called portmanteau effect, meaning that epistemic modality can include evidentiality, the expression of evidentiality in Kazakh and Kirgiz is expressed by inference or deictically. This material makes a certain contribution to the further development of the theory of modality as a universal language category from the perspective of both Russian and Turkological comparative linguistics.

Keywords: assessment, semantics, the Turkic languages, epistemic modality, evidentiality

Acknowledgments. This article has been presented as a report at the session B on day 2 at the 17th Annual Meeting of the Slavic Linguistics Society (SLS-17) September 19 (Mon.)–21 (Wed.), 2022, Venue: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ: ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ

Коста П.¹, Исакова Г. Ж.²

¹ *Потсдамский университет*

14469, г. Потсдам, Ам Нёэн Пале 10, д. 1, Федеративная Республика Германия

² *Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова*

020000, Акмолинская обл., г. Кокшетау, ул. Абая, д. 76, Республика Казахстан

Аннотация

Цель. Данная статья восходит к серии исследований модальности и эвиденциальности и фокусируется на взаимосвязи и разделении труда между синтаксико-семантическим интерфейсом и выражениями с грамматическими категориями наклонения и модуса, с одной стороны, и лексическими или морфологическими единицами, с другой.

Процедура и методы. Настоящая статья основана на функциональном подходе функционального синтаксиса и семантики в сочетании с теорией порождающей грамматики и минимализма. Вторая часть имеет сравнительный компонент, показывающий широкий спектр аффиксальных выражений, которыми агглютинативные языки, такие как казахский и киргизский, отмечают эпистемическую модальность. Сравнительный подход, по-видимому, предпочтительнее одноязычного функционального, потому что сравнение может показать различия и сходства и, таким образом, пролить свет на новые способы передачи грамматических функций и лексических значений в разных типах языков.

Результаты. Можно показать, что, хотя модальность является категорией, которая, по-видимому, имеет универсальное значение, это означает, что не существует языков, в которых отсутствует модальность, эвиденциальность может быть выражена либо эксплицитно (посредством лексических или грамматических выражений), либо имплицитно (через прагматический вывод, дейксис или пресуппозитив).

Теоретическая и/или практическая значимость. В отличие от индоевропейских языков, в которых эпистемическая модальность и эвиденциальность накладываются друг на друга и эпистемическая модальность может включать в себя эвиденциальность, в казахском и киргизском языках эвиденциальность выражается умозаключением или дейктически. Данный материал вносит определённый вклад в дальнейшую разработку теории модальности как универсальной языковой категории с позиции как русского, так и тюркологического сопоставительного языкознания.

Ключевые слова: оценка, семантика, тюркские языки, эпистемическая модальность, эвиденциальность

Благодарности. Данная статья была представлена в виде доклада на сессии Б во 2-й день 17-го ежегодного собрания Славянского лингвистического общества (СЛО-17), проходившего 19–21 сентября 2022 г. в Центре славяно-евразийских исследований Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)

1. Introduction: General remarks and definitions

This section gives an overview of the relation between two grammatical categories of modality, the epistemic modality and the evidentiality. In showing their distribution between lexicon and grammar in different types of languages such as the two Turkic languages *Kazakh and Kyrgyzs* on one side and *Russian, German and English* on the other side as typical members of the Indo-European language family, we focus on the different means, their similarity and differences, ranging between grammar proper (as grammatical categories of mood) and lexicon (as lexical categories of modality).

For clarity of exposure, we will concen-

trate on epistemic modality and evidentiality as complex categories showing a typical syntactic and semantic division of labor between the syntax-semantic interface and at the same time being of important grammatical and lexical-semantic relevance.

Since evidentiality is coded very differently in many languages of the world (in Kazakh also morphologically, in German via modal verbs like *sollen* “should” and *müssen* “must”, in Russian via particles and adverbs such as *jakoby, vidimo, očevidno, ved'*, see also Kosta [23–25]).

In this second part of the article, Kosta will present a new conception of evidentiality, including a typological comparison and a syntactic and semantic analysis based on the

Framework of Radical Minimalism (RM) as presented in our basis work in Kosta (2011, 2013, 2019, 2021¹) [23–25] and Kosta (2020) [26].

The most recent works by Alexandra Aikhenvald [7], by Martina Faller [14–17], by Fintel and Anthony Gilles [18], Heim, Irene & Angelika Kratzer [21], Jan Nuyts [28], Martin Hummel [22], Margarita Gonzalez-Vazquez [20] are relevant in terms of language typology, language comparison and from the point of view of compositional semantics.

Epistemic modality expresses the speaker's evaluation of the degree of cognition of objective connections, the degree of reliability of the thought and includes problematic, simple and categorical reliability. Simple reliability is expressed by the form of the indicative mood of the verb, i.e. by an unmarked statement. The problematic and categorical forms of epistemic modality are heterogeneous in their content and have a certain scale of meanings. The study of epistemic modality, as it turned out, is possible only in combination with the category of evidentiality.

The first attempts to define the category of “evidentiality” are found in the work of F. Boas [10], in which he points to the fact that in Indian languages it is necessary to name the source of the speaker's information in those cases when the speaker could not have the opportunity to personally observe the situation.

R. O. Jakobson assumed that in Russian this category is exclusively verbal and defined it as follows: “evidentiality is a verbal category that takes into account three facts: a reported fact, a fact of message, and the transmissibility of a message fact, in other words, an indication of the source of information on a reported fact” [6, c. 96]. W. Chafe gives a broad interpretation of this concept; according to it, evidentiality is any expression of attitude to experienced knowledge [11].

In later works devoted to this topic, we can find the following interpretations: “evidentiality is the language coding of the source of information about the transmitted fact” [5, c. 8]; “evidentiality brings out the source of knowledge or provides evidence of what is being reported” [2, c. 8]; “evidentiality is a marked source of information” [34, p. 52].

There exist two main definitions of evidentiality: broad and narrow. The broad definition of evidentiality includes into the category under consideration not only an indication of the source of information (as in the narrow definition), but also different kinds of the speaker's attitude to the proposition. Thus, the broad understanding of evidentiality suggests that epistemic modality enters the field of evidentiality as a subcategory. Due to the fact that the category of evidentiality is a relatively new problem in linguistics, many aspects of this concept (including suppositions connected with modality) are still at the stage of understanding and, therefore, are very controversial. It is known that the term modality of supposition is often used in linguistics to refer to the epistemic modal category. We should clarify here that this fact is observed primarily in Russian linguistics. This is due to the peculiar nature of the Russian noun denoting supposition, which is remarkable for the range of its semantic extent and functional flexibility; this may allow us to consider the term modality of supposition to be an equivalent to the term epistemic modality.

Scientists believe that “the basis of the modus of supposition can be a logical conclusion, information of a third person, or a sensory experience” [3, p. 230].

2. On Evidentiality, epistemic particles, root modals and truth values in Slavic and other languages (with evidence of Slavic parallel corpora) – Demonstrated with root modals, raising verbs and epistemic/evidential particles

The second part of this article written by Peter Kosta will take up the difference and similarities between Epistemic Modality and

¹ See also: Kosta P. (2021). On Typology of Epistemic Modality, Root Modals and Evidentiality. In: *Slavic Linguistic Society Meeting 17, September 20, 2022, Hokkaido University (Sapporo, Japan)*.

Evidentially. “Modality” is a semantic-pragmatic category that affects the speaker’s attitude towards the validity of his statement: the speaker expresses how he wants what he has said to be understood, whether and to what extent he is prepared to undertake communicative recourse to take over. In this respect, modality is a central and linguistically very interesting category for successful communication.

Epistemic Modality, also known as epistemology, deals with the type and origin of knowledge, and it relates to the logical structure of statements that contain, implicitly or explicitly, the information that the speaker (S) knows or believes proposition. It is the area of the speaker’s beliefs that expresses whether they believe the proposition corresponds to reality or whether they doubt it. Explicit markers are verbs of the type: believe, suspect, doubt, et cetera. In many languages, modal verbs can be used epistemically but at the same time can exhibit a so-called portmanteau-effect, typical for most languages which have Evidentiality as modality of see the sections treated on many pages of Kosta’s newest book (2022)¹.

Evidentially has been and is often treated as a type of epistemic attitude. Recently, however, the view has been growing that Epistemic Modality and Evidentiality are two fundamentally different phenomena. Roughly speaking, the difference is that the former is about the speaker’s attitude towards the truth of the proposition, whereas evidence markers refer to the source of the information (cf. references and especially A. Y. Aikhenvald (2004, 2012, 2018) [7–9]; F. De Haan (1999) [12]; V. Chrakovskij (2005) [4]; P. Kosta (2011; 2022²) [25]; B. Wiemer (2006, 2008, 2015, 2018) [29; 31–33]).

The respective basis can be divided onomasiologically into corresponding functions.

A resulting taxonomy or partial taxonomies create in a linguistic system at the same time the starting point for the recording of means, with the help of which a speaker provides clues as to which source the Information or which knowledge base (‘mode of knowing’) the assertion P is based on. See Willett: “Evidentiality is the linguistic means of indicating how the speaker obtained the information on which s / he bases an assertion” [34 p. 56].

The empirical part of the present contribution covers specific means of Evidentiality and Epistemic Modality such as weak modals, modal particles and modal adverbials. Raising verbs (it seems, *kažetsja*) and root modals show similar syntactic behavior, it follows that they do too have similar syntactic functions. One overlooks the fact that particles and parenthetics often have the same semantic-pragmatic functions and identical scope behavior, they do not form strict paradigms and, in terms of their diachronic development, are often closely related (Russian *kažetsja* ‘it seems’ or *kak budto* ‘as if’) [24].

We will try to give a detailed analysis on two typical expressions of both categories of modality: the modal adverb *vrode by* expressing both epistemic modality and evidentiality. The metaphor for this weird behavior is known as portmanteau Effect already mentioned in the work of Palmer and others. We will compare the semantic and syntactic behavior of this item in comparing it with the root modal *must* in English showing that both *vrode by* and *must* behave like raising verbs *it seems* and *kažetsja*.

We will try to address this problem now in more detail, using the example of the English root modals *must*, the raising verbs *it seems*, *X seems P* and the Russian modal particle *vrode by* ‘as if’, the problem of the exact demarcation between lexical and functional categories.

The arrangements made implicitly or explicitly on a lexicon-grammar continuum often turn out to be at least inconsistent. The attempted exclusion of lexical markings

¹ Kosta P. Turn Initiating Elements in Everyday Conversations: Conversational Analysis and Radical Minimalism at the Syntax-Semantic Interface. Lanham, Maryland, USA: Lexington Books. Rowman & Littlefield, 2022. P. 158–160.

² Ibid.

turns out to be artificial insofar as some of the definitions of 'Evidentiality' in Aikhenvald can be understood in a functional-onomasiological way [7, p. 11; 8] and not refer to certain classes of forms or relations between syn - and restrict auto-semantic morphemes or lexicon units.

An interim conclusion can be drawn here: there has so far been no clearly defined classification of evidentiary markings according to morphosyntactic, distributional and lexicological criteria that allow a comprehensible differentiation on a lexicon-grammar continuum.

The following table 1 shows the expressions of Epistemic Modality and Evidentiality.

The special case of *must* and *вроде бы*.

As a number of authors have pointed out, the English epistemic modal *must* has evidential characteristics, too R. Westmoreland (1998) [30], H. B. Drubig (2001) [13],

K. von Fintel and A. S. Gillies (2010) [19]. Epistemic *must* excludes direct perceptual or irreducibly 1st person evidence, for example, as illustrated by (1a) as opposed to (1b) and (1c) vs. (1d)

- (1) a. # Your nose must be dripping. I can see it.
 b. You must have a cold. Your nose is dripping.
 c. # I must have a terrible headache. I feel lousy.
 d. The baby must have a terrible headache. He is screaming and pressing his hands against his temples.

English spells out evidential, modal, and temporal meaning components together as the single lexical item *must*, resulting in what we call a "present tense epistemic modal". We take the theory of A. Kratzer (2012) [27] and K. von Fintel and A. S. Gillies (2010) [19] for

Table 1 / Таблица 1

Means of marking Epistemic Modality and Evidentiality / Средства выражения эпистемической модальности и эвиденциальности

Distinct lexical units (lexical categories) grammatical morphology (functional)

1. Particles	
2. Complementizers & subordinating conjunctions	
3. Adpositions	
4. Sentential Adverbs (cf. Kosta 1998, 2003ab)	
5. Predicatives	
6. Copular participles	
7. Auxiliaries (weak modals)	
8. Functional extensions of	
9. Tense-Mode-Aspect Paradigms	
10. Bound Morphology (Inflexion, Agglutination, Incorporation)	
Require 'hosts' to take scope Over, but are not dependents (with the possible exception of complementizers)	Operate on Heads (in a strictly morphosyntactic functional sense)

Source: compiled by the authors

granted and differentiate between two classes of particles in Russian.

The first class includes particles such as *вроде* “like”, *вроде бы* “as if”, *как будто* “as if”, *кажется* “it seems”, *мол* “likely”, *дескать*, *-де*, “they say”, *якобы*, “supposedly” *словно* “literally”, that correspond to *weak modals* (such as German *sollen*) and strong evidentials (reportatives, quotatives or inferentials).

The second class of particles and adverbs corresponds to the meaning of *strong modals* (such as German *müssen*). The latter class of evidentials is represented with adverbs and particles of high degree of Epistemic Modality such as *очевидно*, *конечно*, *без сомнения*, *по-видимому*, *как сообщается*, *без сомнения логично*, *естественно*, *поэтому*, *должно быть*, *следовательно*, *несомненно*, *по сообщениям*, “obviously, of course, no doubt, apparently, reportedly, without any doubt, it is logical, of course, therefore, reportedly” that are based on indirect inference resulting from reasoning (by logical conclusions, results and conversational implicatures), from reports and hear-say.

We will try to demonstrate how particles that show the portmanteau effect between Evidentiality and Epistemic Modality interact and are used in conversations using for Russian the ORD and other data (UVUP) of the spoken National Corpus of Russian.

The particle *вроде бы* can be used to mark the evidential meaning in a context such as (3) where the speaker does not remember exactly the situation how to get to somewhere but tries to mark the evidence that he was already here before and that he now tries to remember the way how to get there (see Table 2).

The particle *вроде бы* has the same ‘portmanteau’ function as the English raising verb *It seems that* between raising verb and epistemic modal, namely *it* serves as evidential particle, pointing at the source of information (weather forecast), taking simultaneously the relatively low degree of epistemic probability what the weather will actually be like on the aforementioned date of October based on promises more than prognoses of the weather forecast.

Table 2 / Таблица 2

Odin rečevoj den' korpus (ORD) = Footnote 1 Texts / Один речевой день корпуса (ORD) = Сноска 1 Тексты

00:02:20.900	Ж1	за три года //
00:02:21.790	И44#Ж1	я у вас как-то был // я помню / что (...) вроде бы был / и недалеко это было от () площади Победы // *В а тут вот понесло меня / (э-э) // # а куда вас понесло ?

Source: ORD-corpus (Odin rečevoj den') (Asinovsky et al. (2009)¹, Sherstinova et al. (2009)²)

¹ Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker’s Day”: Creation Principles and Annotation. In: Matoušek Václav and Mautner Pavel eds. *Text, Speech and Dialogue: Proceedings of 12th International Conference, TSD 2009, Pilsen, Czech Republic, September 13–17, 2009*. Berlin, Heidelberg: Springer, 2009. P. 250-257. DOI: 10.1007/978-3-642-04208-9_36. (Series: Lecture Notes in Computer Science. Vol. 5729).

² Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Материалы XXXVIII международной филологической конференции, март 2009. Секция: Формальные методы анализа русской речи. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2009. С. 66–75 (Sherstinova T. Y., Ryko A., I., Stepanova S. B. Annotation system in the audio corpus of the Russian language “One Speech Day”. In: Proceedings of the XXXVIII International Philological Conference. Section: “Formal methods for the analysis of Russian speech”. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., pp. 66–75).

2.1. Semantic Characteristics of *vrode by* and *it seems*

***Vrode by* (Ru)**

Low degree of epistemic probability [symbol: ♦]

Evidential meaning high degree (direct evidence or visual)

[symbol: ●]

Deictic meaning: Pointing to the source of information

[symbol: ↗]

No commitment to truth values

It seems (engl)

Low degree of epistemic probability [symbol: ♦]

Evidential meaning low or zero/neutralized degree (by inference) [symbol: ◻]

Deictic meaning: zero

Conversational Implicature: No commitment w.r.t. truth conditions

2.2. Syntactic status of *vrode by*

The working hypothesis of the following section is stated as follows:

The English root modal *must* and Russian *vrode by* have raising verbs like features such as Engl. *it seems*.

Susi Wurmbrand (1999) shows in her syntactic analysis that the subject of root

modals usually behaves like a subject of a Raising Verb (*it seems*). Thus, it must be based generated lower in the structure and has to move to a higher position for independent reasons [35].

must and seem = both are Raising verbs
seems / root Modals: must vs *vrode by*
Root Modals (must) behave syntactically like Raising Verbs

Research question: Is *vrode by* also a root modal? (see Fig. 1)

2.3. Decomposition, Compositional Meaning and the problem of truth values

For Russian Particle *vrode by*, it can be hypothesized that we can decompose it into

Morphosyntax	
<i>v rode</i>	<i>by</i>
in manner	as
PP	head of a COND Particle

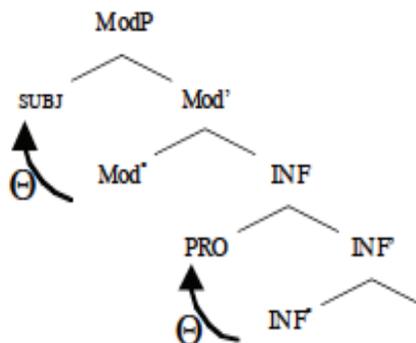
Functional Level	
<i>v rode</i>	+ <i>by</i>
EVIDENTIAL	CONDITIONAL

Particle

X seems to P	X <i>vrode by</i> P
---------------------	----------------------------

There is of course evident and proven in the Corpora we have considered that in Par-

(2) a. Control

b. Raising

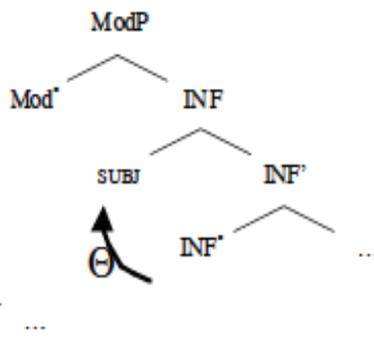

Fig. 1 / Рис. 1. Root modal *must* is a raising verb like *seems*: is *vrode by* also a root modal? / Модальный глагол *must* – глагол, обладающий подъёмом, как и глагол *seems*: является ли ‘вроде бы’ также модальным словом?

allel texts the raising verb seem is not always translated with the same word, e.g. *vrode by*, into Russian. Rather, the equivalent can vary and is often also subject of over- or under-translation, as we can see in the following Russian translation which uses the word **абсолютно**

‘absolutely’ instead of the better functional equivalent *vrode by* or *kak by* which would correspond the English original much better. In the case, we can speak of ‘overtranslation’ and a violation of the semantic level (see Table 3).

Table 3 / Таблица 3

Parallel Corpus Example National Corpus of Russian Language with an example of over-translation of *it seems* with the degree adverb *абсолютно* ‘absolutely’ / Пример параллельного корпуса Национальный корпус русского языка с примером избыточного перевода *it seems* с наречием степени *абсолютно* ‘absolutely’

I'm about to dash out of the Louvre ... a fugitive. Sauniere's clever anagrammatic message was still on his mind, and Langdon wondered what Sophie would find at the Mona Lisa ... if anything. **She had seemed certain** her grandfather meant for her to visit the famous painting one more time. As plausible an interpretation as this seemed, Langdon felt haunted now by a troubling paradox. P.S. Find Robert Langdon. Sauniere had written Langdon's name on the floor, commanding Sophie to find him. But why?

Я – беглец, преследуемый полицией. Едва не выпрыгнул из окна Лувра. Из головы не выходили анаграммы, оставленные Соньером, и Лэнгдону было страшно интересно, что же найдет Софи у знаменитой картины. Если вообще что-то найдет. **Но она абсолютно уверена:** дед хотел, чтобы она еще раз пришла к знаменитому полотну. Вроде бы вполне приемлемая интерпретация, однако Лэнгдона беспокоил теперь другой парадокс. Постскрипtum. Найти Роберта Лэнгдона. Соньер написал его имя на полу, велел Софи разыскать его. Но к чему?
[Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)]

Source: Национальный корпус русского языка. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 20.07.2022).

Vrode by behaves like a raising verb in the following examples (3)-(4) from the National Corpus of Russian Language (NKRJa)¹:

The compositional semantics of the complex word *vrode by* shows a low degree of certainty about the content of the proposition from the point of the speaker and at the same time a distance to the opinion of the speaker. At this point, evidentiality is only indirect and has a deictic meaning of distance to the truth values. In fact, in epistemic propositions marked with a semi-evidential and semi-epistemic word, no truth values and no truth conditions apply because the proposition does not state a fact in real or possible worlds.

(3) Ну, покритиковал начальник подчинённых. Так **он вроде бы** на то и начальник. Ну, посчитал возможным сде-

¹ Национальный корпус русского языка. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 20.07.2022).

вать это публично. Да, как правило, российские чиновники «заоблачных рангов» предпочитают выяснять отношения в тиши своих высоких кабинетов, а не на трибуне, да ещё в присутствии пишущей и снимающей братии. [Александр Рыклин, Спор правительствующих субъектов // «Еженедельный журнал», 2003.03.24] [омонимия снята]

(4) В его отношении к стукачам не было ни «Бернштейна», ни «Бернштейна» – было немеркнувшее, лагерное: розовая пена на синюшных губах стукача, задушенного под нарами. Поскребыша гражданки Касаткиной **он вроде бы** и не замечал. Мудряк обижался. Не то чтобы лично, а за всё наше монолитное общество, ведь мальцу жить при коммунизме. [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989)] [омонимия снята]

3. Comparison with Turkic language type

For Turkic studies, and Kazakh and Kyrgyz linguistics in particular, it is not typical to employ the term “epistemic modality”. Moreover, the meanings we are interested in seem to lie in the domains of the modality of supposition, probability, certainty or uncertainty, reliability and doubt, with regard to the individual semantic categories of certain linguistic units.

We recognize the concepts of reliability and probability as the key concepts in the semantics of epistemic modality. By epistemic modality we mean the speaker's qualification of their attitude to the expressed proposition from the perspective of its reliability. In this case, the evaluation of the reported information reliability is an evaluation of the likelihood that the expressed content agrees with the reality. The subject of speech analyzes how reliable their statement is, and determines how probable the actual connection between the object and the characteristic may be in the statement. Depending on how the speaker assesses the degree of such probability, epistemic modality takes the form of epistemic necessity or epistemic possibility. The specificity of this type of modal meanings lies in the fact that these relations are not only established by the speaker, but are also realized by them as the result of their limited knowledge regarding the analyzed situation. As for the meanings of certainty/uncertainty and doubt, they seem secondary to us, for they are related rather with the emotional than with the epistemic state of the speaker. The degree of certainty of the subject of speech depends on how the speaker assesses the degree of reliability of the message. The higher the speaker assesses the likelihood that the reported content is realistic, the higher is their certainty, and vice versa. In the illocutionary aspect, an epistemic utterance is an act of supposition.

We analyzed the lexico-grammatical means of expressing supposition in the Kazakh and Kyrgyz languages and considered the modal words listed below:

Kazakh: *бәлкім, бәлкі, сияқты, сыңайлы, сынды, әлпетті, мүмкін, шамасы, ықтимал, болар, шығар, білем, -ды білем, -қан,*

-кен білем, -са, -се керек, -у керек, -ға, -ге ұқсайды, -уы мүмкін and others. For example (5), (6):

(5) Бұдан ызасын солай алғысы келген **шығар**¹ [**Probably**, he wanted to take revenge in this way].

(6) **Мүмкін**, мұның басы жетпей ж. рген жұмбақты ол **түсінер**⁵ [**Perhaps**, he will guess the riddle she could not find].

Kyrgyz: *ыктымал, мүмкүн, балким, чыгаар, экен, имиш; послелоги: сымал, сымак, сыңары, окшош; частицы: го, белем, бейм, беле, эле.* For example (7):

(7) **Балким**, ал сен жокто чабандардын бири менен үлпөт куруп жаткандыр, кой, жолтоо болбо!² [**Maybe** she's playing with some shepherd when you're not there, and you'll interfere with them!].

Parenthetical words and phrases were also considered. Here belong Kazakh parentheses *рас, шынында, шамасы, меніңше;* Kyrgyz parentheses *менимче, менин оюмча, сыягы, калыбы, кейпи*, etc., as well as their combinations with each other and with affixes, including tense forms of the verb.

In Russian, this type of modality is expressed by way of various morphological means:

1. An infinitive used to impart a subjective coloring of indecision, doubt, bewilderment, emotional hesitation, or to express awareness of the aimlessness of an action [1, c. 605]. For example (8):

(8) И к чему же, за что себя убивать?³ [And why, why should you kill yourself?]

2. The verbs *казаться, сомневаться, колебаться*, etc. (9):

(9) Года два колебалась, а потом, наконец, сделала выбор⁴. [I had been hesitating for about two years, and then I finally made a choice]

¹ Кекілбайұлы Ә. Он екі томдық шығармалар жинағы. Т. 3. Алматы, “Өлке” баспасы, 1999. 400 б.

² Айтматов Ч. Қыямат. VII том чығармаларының сегіз томдук жыйнағы. Үчүншү басылышы. Бишкек, “УЛУУ ТООЛОР”, 2018. 491 б.

³ Чехов А. П. Мститель. In: Чехов А. П. Повести и рассказы. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство, 1973. С. 73.

⁴ Достоевский Ф. М. Идиот. Москва, АСТ: Транзит-книга, 2005. С. 25.

3. Modal words *возможно, вероятно, вряд ли, видимо, видно, видать, знать, право, по-видимому, наверно, наверняка, может быть, должно, должно быть, авось, небось, чай, будто, просто, пожалуй, повидимому, вроде, едва (ли), навряд ли, неужели, разве* and others. (10), (11):

(10) И она, **по-видимому**, рассуждала подобным же образом⁷. [And she, apparently, had the same thoughts].

(11) **Возможно**, что завтра я не буду верить и самому себе – вот этой своей записи¹. [It is possible that tomorrow I will not believe even myself nor this note I made].

¹ Замятин Е. Мы. Ставрополь, Ставропольское книжное издательство, 1990. С. 113.

Based on the above examples, we can conclude that the evaluation implying doubt is expressed in the three languages by verbs and modal words, united by the seme of supposition.

Ch. Aitmatov was both a bilingual speaker and writer who wrote his works in two languages (Kyrgyz and Russian). In the former USSR, Ch. Aitmatov's works were translated into Russian from Kyrgyz, or were written by the author in two languages – Kyrgyz and Russian, or were originally written in Russian. In this article, we want to analyze the means of expressing modality of supposition and give examples from the works (see Table 4), which he wrote in two languages.

Table 4 / Таблица 4

Means of expressing the modality of the assumption in the Kyrgyz and Russian languages (on the example of the works of Ch. Aitmatov) / Средства выражения модальности предположения в кыргызском и русском языках (на примере произведений Ч. Айтматова)

Examples in the Kyrgyz language	Examples in the Russian language	Translation into English
Чоро жумушка чыккандай болду ¹ . (Гүлсарат)	Чоро, говорят, вышел ² . (Прощай, Гүлсары!)	Choro is said to be out. (Farewell, Gulsary!)
Айтып жүрүшпөйбү , окумал тотукуштар да бар имиш ³ . (Эрте кайтган турналар)	Говорят , есть попугаи, которые умеют читать ⁴ . (Ранние журавли)	They say there are parrots that can read. (Early cranes)
Баары тиги кагаздан коркуп отурган сыяктуу ⁵ . (Гүлсарат)	Казалось , все были в страхе от этой бумаги ⁶ . (Прощай, Гүлсары!)	Everyone seemed to be in awe because of this paper. (Farewell, Gulsary!)
Кырчын өмүр курч кези ошол колхоз деген куруштө калгандай сезилет азыр ⁷ . (Гүлсарат).	Словно бы вся жизнь его осталась там, в той удивительной поре, когда колхозы набирали силу ⁸ . (Прощай, Гүлсары!)	It was as if his whole life had been left there, in that amazing time, when the collective farms were being organized. (Farewell, Gulsary!)
Баарын чечмелеп отуруу артык-баш го дейм ... ⁹ (Гүлсарат)	Думаю , комментарии излишни ... ¹⁰ (Прощай, Гүлсары!)	I think comments are needless ... (Farewell, Gulsary!).
Мындан кийин, мүмкүн , малчылардын тиричилигине көңүл буруп, алахбалына көз сала жүрүшөр, мунарбыздыз угушар ¹¹ . (Гүлсарат).	Быть может , после этого оглянутся на чабанов, на жизнь наше, на наши беды ¹² . (Прощай, Гүлсары! С. 312)	Maybe after that they will look back at the shepherds, at our life, at our troubles. (Farewell, Gulsary!)

¹ Айтматов Ч. Т. Гүлсарат. In: Айтматов Ч. Т. Чыгармаларының сегиз томдук жыйнагы. Т. 8. Бишкек, Бийиктик, 2008, б. 166. Further – Айтматов Ч. Т. Гүлсарат.

² Айтматов Ч. Прощай, Гүлсары! In: Айтматов Ч. Прощай, Гүлсары!: повести и рассказы. Фрунзе, Кыргызстан, 1967, с. 298. Further – Айтматов Ч. Прощай, Гүлсары!

³ Айтматов Ч. Эрта кайтган турналар. In: Айтматов Ч. Эрта кайтган турналар: кыссалар ва хикоялар / Рус тилидан Асил Рашидов таржимаси. Тошкент, Янги аср авлоди, 2016, б. 245.

⁴ Айтматов Ч. Т. Ранние журавли. In: Айтматов Ч. Т. Ранние журавли; Пегий пес, бегущий краем моря: повести; И дольше века длится день: роман / послесл. А. Хватова. Ленинград, Лениздат, 1982, с. 269.

⁵ Айтматов Ч. Т. Гүлсарат. Б. 191.

⁶ Айтматов Ч. Прощай, Гүлсары! С. 314.

⁷ Айтматов Ч. Т. Гүлсарат. Б. 172.

⁸ Айтматов Ч. Прощай, Гүлсары! С. 302.

⁹ Айтматов Ч. Т. Гүлсарат. Б. 192.

¹⁰ Айтматов Ч. Прощай, Гүлсары! С. 315.

¹¹ Айтматов Ч. Т. Гүлсарат. Б. 188.

¹² Айтматов Ч. Прощай, Гүлсары! С. 312.

The above indicates that modality of supposition in the Kazakh and Kyrgyz languages is actualized mainly due to distribution (diverse compatibility of morphological and lexicogrammatical means), and in the Russian language this occurs mainly due to the functioning of a flexible system of high-valence lexical means (modal words and modal particles).

Thus, based on the analysis of the linguistic means of epistemic modality in the works by Ch. Aitmatov (in the Kyrgyz and Russian languages), the conclusion was made that the most common means are modal words, particles and verbs.

Axiological predicates imply the speaker's subjective evaluation reflecting the author's attitude to the presented information from the perspective of reliability and realness. The lexical means of epistemic modality are an emotional way of expressing author's evaluation and, therefore, are considered a manifestation belonging to the level of subtext.

The analysis – A Summary

The fact that the modal particle *by* and the adverb *vrode* form a Portmanteau word

is explained by the double Janus-headed nature of both elements. It is assumed that the modal epistemic particle *-by* is head of the epistemic phrase (EpistP) and stands in a lower projection headed and dominated by Evidentiality phrase (EvidP). The adverb *vrode* "in the way" is the head of the evidential phrase and the *by*-particle of the Epistemic Phrase is adjoined via Chomsky adjunction via head-to-head movement, then it incorporates via substitution and the complex head *vrode-by* is the result.

The connection of evidentiary and epistemic meaning (also in the sense of semantic composition) ends up with a modal auxiliary head *by* adjoined to the host, *vrode*. In this sense, *by* is a weak auxiliary clitic and must be moved (raised) to *vrode* to check its evidential features. It is confirmed by the fact that *by* + *vrode* behave like the weak modal auxiliary *must* in English: it shows the typical syntactic properties of a raising verb moving over a subject but referring to it. The lower-lying sentence subject of a finite verb can and must sometimes be moved / raised via this new modal auxiliary / raising verb (see Fig. 2, 3).

он **вроде бы** и не замечал

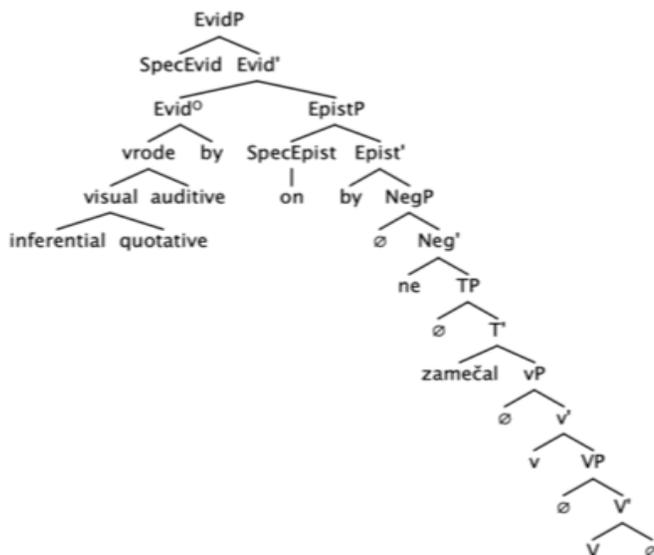

Fig. 2 / Рис. 2. Structure of the adverb 'вроде бы' with raising of the modal particle from Epist° to Evid° + subject movement specTP to specEpistP / Структура наречия *vrode by*, в которой происходит подъём модальной частицы с Epist° до Evid° + смещение подлежащего со specTP к specEpistP

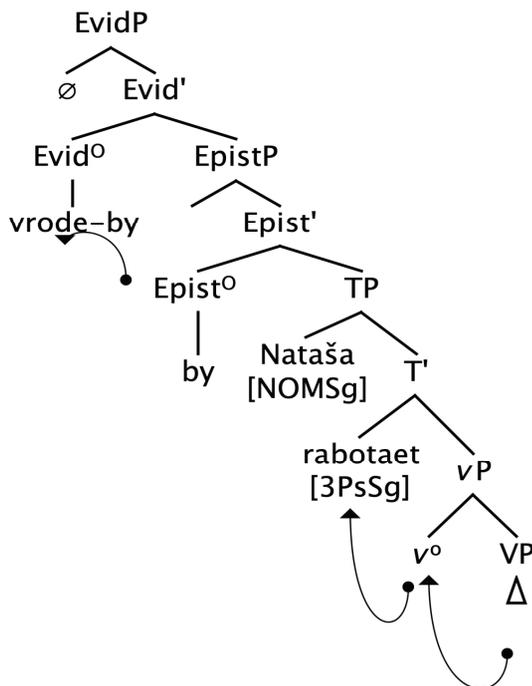

Fig. 3 / Рис. 3. Structure of the adverb 'vrode by' with raising of the modal particle 'by' from the starting position under the head of the epistemic phrase Epist° right attaching to the head of the evidential phrase Evid° 'vrode' / Структура наречия 'вроде бы' с поднятием модальной частицы 'бы' из исходного положения под заголовком эпистемической фразы Эпист°, прикрепляемой справа к заголовку доказательной фразы Эвид° 'вроде'.

Дата поступления в редакцию 10.10.2022

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk (grammaticheskoye ucheniye o slove)* [Russian language (grammatical doctrine of the word)]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 640 p.
2. Kobrina O. A. *Kategoriya evidentsial'nosti v sovremennom angliyskom yazyke: Semantika i sredstva vyrazheniya: dis. ... kand. filol. nauk* [The category of evidentiality in modern English: Semantics and means of expression: PhD thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2003. 159 p.
3. Tsuchiev M. T. [On the virtual model of the movement of mental energy in the theory of modality]. In: *Izvestiya akademii nauk Respubliki Tadjikistan. Otdeleniye obshchestvennykh nauk* [News of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of Social Sciences], 2019, no. 2 (256), pp. 229–232.
4. Khrakovsky V. [Evidence and epistemic modality]. In: Hansen B., Karlík P., Hgg. *Modality in Slavonic Languages. New Perspectives*. München, Verlag Otto Sagner, 2005, S. 87–94.
5. Eyup B. *Kategoriya evidentsial'nosti v turetskom yazyke v funktsional'no-semanticheskom aspekte: V sopostavlenii s altayskim yazykom: dis. ... kand. filol. nauk* [The category of evidentiality in the Turkish language in the functional-semantic aspect: In comparison with the Altaic language: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2005. 209 p.
6. Jakobson R. O. [Shifters, verbal categories and the Russian verb]. In: *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of languages of different structures]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 95–113.
7. Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford, Oxford University Press, 2004. 452 p.
8. Aikhenvald A. Y. *The Languages of the Amazon*. Oxford, Oxford University Press, 2012. 514 p.
9. Aikhenvald A. Y. *The Oxford Handbook of Evidentiality*. Oxford, Oxford University Press, 2018. 720 p.

10. Boas F. Handbook of American Indian languages. Washington, G.P.O, 1911. 297 p.
11. Chafe W. Evidentiality in English Conversation and Academic Writing. In: Chafe W., Nichols J., eds. *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Norwood, NJ, Ablex, 1986, pp. 261–272.
12. De Haan F. Evidentiality and Epistemic Modality : Setting boundaries. In: *Southwest Journal of Linguistics*, 1999, vol. 18, no. 1, pp. 83–101.
13. Drubig H. B. On the syntactic form of epistemic modality, 2001. Available at: <https://www.lingexp.uni-tuebingen.de/sfb441/b2/papers/DrubigModality.pdf> (accessed: 20.03.2022).
14. Faller M. Evidentiality below and above speech acts (2006). Available at: <https://semanticsarchive.net/Archive/GZiZjBhO/Faller-evidentiality.above.below.pdf> (accessed: 19.03.2021).
15. Faller M. Propositional- and illocutionary-level evidentiality in Cuzco Quechua. In: *Semantics of Under-Represented Languages in the Americas*, 2003, vol. 2, pp. 19–33.
16. Faller M. Semantics and pragmatics of evidentials in Cuzco Quechua: a dissertation for the degree of Doctor of Philology. Stanford University, 2002. 304 p.
17. Faller M. The Cuzco Quechua conjectural: An illocutionary analysis of an epistemic evidential. In: Deal A. R., ed. *Proceedings of the 4th Conference on the Semantics of Underrepresented Languages in the Americas (SULA 4)*. Amherst, MA, Graduate Linguistic Student Association of the University of Massachusetts, 2007, pp. 65–80.
18. Fintel K. von, Gillies A. S. An opinionated guide to epistemic modality. In: Gendler T. S., Hawthorne J., eds. *Oxford studies in epistemology. Vol. 2*. Oxford, Oxford University Press, 2008, pp. 32–62.
19. Fintel K. von, Gillies A. S. Must stay strong! In: *Natural Language Semantics*, 2010, vol. 18, iss. 4, pp. 351–383. DOI: 10.1007/S11050-010-9058-2.
20. Gonzalez-Vazquez M. The evidentiality system in Galician and the *seica* marker. In: *Journal of Pragmatics*, 2021, vol. 178, pp. 83–92. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.03.009.
21. Heim I., Kratzer A. Semantics in Generative Grammar. Oxford, Blackwell, 1998. 336 p.
22. Hummel M. Romance sentence adverbs in -mente: epistemic mitigation in synchrony and diachrony. In: *Linguistik Online*, 2018, Bd. 92, nr. 5, pp. 111–144. DOI: 10.13092/lo.92.4507.
23. Kosta P. Book Review: The Semantics of Evidentials. Sarah E. Murray, Oxford University Press, Oxford (2017), (Oxford Studies in Semantics and Pragmatics 9). ISBN 978-0-19-968157-0 (hbk.), 978-0-19-968158-7 (pbk.) 168 pp +Lists of tables, List of figures, List of abbreviations. In: *Journal of Pragmatics*, 2019, vol. 140, pp. 156–159. DOI: 10.1016/j.pragma.2018.12.006.
24. Kosta P. How can I lie if I am telling the truth? The unbearable lightness of the being of strong and weak modals, modal adverbs and modal particles in discourse between epistemic modality and evidentiality. In: Thielemann N., Kosta P., eds. *Approaches to Slavic Interaction*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2013, pp. 167–184 (Dialogue Studies. Vol. 20). DOI: 10.1075/ds.20.13kos.
25. Kosta P. Modalité Epistémique et Evidentialité et sa disposition à la base déictique. In: Schlaak C., Busse L., eds. *Sprachkontakte, Sprachvariation und Sprachwandel (Festschrift für Thomas Stehl zum 60. Geburtstag)*. Tübingen, Narr Verlag, 2011, pp. 257–283.
26. Kosta P. The Syntax of Meaning and the Meaning of Syntax: Minimal Computations and Maximal Derivations in a Label-/Phase-Driven Generative Grammar of Radical Minimalism. Berlin, Peter Lang, 2020. 372 p. (Potsdam Linguistic Investigations. Vol. 31).
27. Kratzer A. Modals and Conditionals: New and Revised Perspectives. Oxford, Oxford University Press, 2012. 203 p.
28. Nuyts J. Evidentiality reconsidered. In: Marín-Arrese J. I., Haßler G., Carretero M., eds. *Evidentiality Revisited: Cognitive Grammar, Functional and Discourse-Pragmatic Perspectives*. Amsterdam, John Benjamins, 2017, pp. 57–83. DOI: 10.1075/pbns.271.03nuy.
29. Wiemer B., ed. Studies on Evidentiality marking in West and South Slavic. München, Berlin, Leipzig, Washington D.C., Peter Lang GmbH, 2015. 304 p. (Series: Specimina philologiae Slavicae. Vol. 183).
30. Westmoreland R. Information and Intonation in Natural Language Modality: Doctoral dissertation. Bloomington, IN, 1998.
31. Wiemer B. Catching the Elusive. Lexical Evidentiality markers in Slavic Languages (A questionnaire study and its background). Berlin, Peter Lang, 2018. 446 p. (Series: Slavolinguistica. Vol. 23).
32. Wiemer B. Lexikalische Markierungen evidenzieller Funktionen: zur Theoriebildung und empirischer Erforschung im Slavischen. In: Wiemer B., Plungjan V. A., eds. *Lexikalische Evidentialitäts-Marker in*

- slavischen Sprachen (Wiener slavistischer Almanach. Sonderband 72)*. München, Wien, Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 2008, S. 5–49.
33. Wiemer B. Particles, parentheticals, conjunctions and prepositions as Evidentiality markers in contemporary Polish (a first exploratory study). In: *Studies in Polish Linguistics*, 2006, vol. 3, pp. 5–67.
 34. Willett T. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality. In: *Studies in Language*, 1988, vol. 12, iss. 1, pp. 51–97. DOI: 10.1075/sl.12.1.04wil.
 35. Wurmbrand S. Modal Verbs Must Be Raising Verbs. In: *Proceedings of the 18th West Coast Conference on Formal Linguistics WCCFL 18*. Somerville, MA., Cascadilla Press, 1999, pp. 599–612.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М.: Наука, 1975. 640 с.
2. Кобрин О. А. Категория эвиденциальности в современном английском языке: Семантика и средства выражения: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 159 с.
3. Тойчиев М. Т. О виртуальной модели движения мыслительной энергии в теории модальности // Известия академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2019. № 2 (256). С. 229–232.
4. Храковский В. Эвиденциальность и эпистемическая модальность // *Modality in Slavonic Languages. New Perspectives / Hgg. Hansen B., Karlík P.* München: Verlag Otto Sagner, 2005. S. 87–94.
5. Эйюп Б. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте: В сопоставлении с алтайским языком: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 209 с.
6. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
7. Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 452 p.
8. Aikhenvald A. Y. The Languages of the Amazon. Oxford: Oxford University Press, 2012. 514 p.
9. Aikhenvald A. Y. The Oxford Handbook of Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2018. 720 p.
10. Boas F. Handbook of American Indian languages. Washington: G.P.O, 1911. 297 p.
11. Chafe W. Evidentiality in English Conversation and Academic Writing // *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology / ed. W. Chafe, J. Nichols.* Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 261–272.
12. De Haan F. Evidentiality and Epistemic Modality: Setting boundaries // *Southwest Journal of Linguistics*. 1999. Vol. 18. No. 1. P. 83–101.
13. Drubig H. B. On the syntactic form of epistemic modality [Электронный ресурс]. [2001]. URL: <https://www.lingexp.uni-tuebingen.de/sfb441/b2/papers/DrubigModality.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).
14. Faller M. Evidentiality below and above speech acts [Электронный ресурс]. [2006]. URL: <https://semanticsarchive.net/Archive/GZiZjBhO/Faller-evidentiality.above.below.pdf> (дата обращения: 19.03.2021).
15. Faller M. Propositional- and illocutionary-level evidentiality in Cuzco Quechua // *Semantics of Under-Represented Languages in the Americas*. 2003. Vol. 2. P. 19–33.
16. Faller M. Semantics and pragmatics of evidentials in Cuzco Quechua: a dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. Stanford University, 2002. 304 p.
17. Faller M. The Cuzco Quechua conjectural: An illocutionary analysis of an epistemic evidential // *Proceedings of the 4th Conference on the Semantics of Underrepresented Languages in the Americas (SULA 4) / ed. A. R. Deal.* Amherst, MA: Graduate Linguistic Student Association of the University of Massachusetts, 2007. P. 65–80.
18. Fintel K. von, Gilles A. S. An opinionated guide to epistemic modality // *Oxford studies in epistemology*. Vol. 2 / ed. T. S. Gendler, J. Hawthorne. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 32–62.
19. Fintel K. von, Gillies A. S. Must stay strong! // *Natural Language Semantics*. 2010. Vol. 18. Iss. 4. P. 351–383. DOI: 10.1007/S11050-010-9058-2.
20. Gonzalez-Vazquez M. The evidentiality system in Galician and the *seica* marker // *Journal of Pragmatics*. 2021. Vol. 178. P. 83–92. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.03.009.
21. Heim I., Kratzer A. Semantics in Generative Grammar. Oxford: Blackwell, 1998. 336 p.
22. Hummel M. Romance sentence adverbs in -mente: epistemic mitigation in synchrony and diachrony // *Linguistik Online*. 2018. Bd. 92. Nr. 5. P. 111–144. DOI: 10.13092/lo.92.4507.

23. Kosta P. Book Review: *The Semantics of Evidentials*, Sarah E. Murray, Oxford University Press, Oxford (2017), (Oxford Studies in Semantics and Pragmatics 9). ISBN 978-0-19-968157-0 (hbk.), 978-0-19-968158-7 (pbk.) 168 pp +Lists of tables, List of figures, List of abbreviations // *Journal of Pragmatics*. 2019. Vol. 140. P. 156-159. DOI: 10.1016/j.jprag.2018.12.006.
24. Kosta P. How can I lie if I am telling the truth? The unbearable lightness of the being of strong and weak modals, modal adverbs and modal particles in discourse between epistemic modality and evidentiality // *Approaches to Slavic Interaction* / ed. N. Thielemann, P. Kosta. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2013. P. 167–184 (Dialogue Studies. Vol. 20). DOI: /10.1075/ds.20.13kos.
25. Kosta P. Modalité Epistémique et Evidentialité et sa disposition à la base déictique // *Sprachkontakte, Sprachvariation und Sprachwandel (Festschrift für Thomas Stehl zum 60. Geburtstag)* / ed. C. Schlaak, L. Busse. Tübingen: Narr Verlag, 2011. P. 257–283.
26. Kosta P. The Syntax of Meaning and the Meaning of Syntax: Minimal Computations and Maximal Derivations in a Label-/Phase-Driven Generative Grammar of Radical Minimalism. Berlin: Peter Lang, 2020. 372 p. (Potsdam Linguistic Investigations. Vol. 31).
27. Kratzer A. *Modals and Conditionals: New and Revised Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 203 p.
28. Nuyts J. Evidentiality reconsidered // *Evidentiality Revisited: Cognitive Grammar, Functional and Discourse-Pragmatic Perspectives* / eds. J. I. Marín-Arrese, G. Haßler, M. Carretero. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 57–83. DOI: 10.1075/pbns.271.03nuy.
29. *Studies on Evidentiality marking in West and South Slavic* / ed. B. Wiemer. München, Berlin, Leipzig, Washington D.C.: Peter Lang GmbH, 2015. 304 p. (Series: Specimina philologiae Slavae. Vol. 183).
30. Westmoreland R. *Information and Intonation in Natural Language Modality: Doctoral dissertation*. Bloomington, IN, 1998.
31. Wiemer B. *Catching the Elusive. Lexical Evidentiality markers in Slavic Languages (A questionnaire study and its background)*. Berlin: Peter Lang, 2018. 446 p. (Series: Slavolinguistica. Vol. 23).
32. Wiemer B. *Lexikalische Markierungen evidenzieller Funktionen: zur Theoriebildung und empirischer Erforschung im Slavischen // Lexikalische Evidentialitäts-Marker in slavischen Sprachen (Wiener slavistischer Almanach. Sonderband 72)* / ed. B. Wiemer, V. A. Plungjan. München-Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 2008. S. 5–49.
33. Wiemer B. *Particles, parentheticals, conjunctions and prepositions as Evidentiality markers in contemporary Polish (a first exploratory study)* // *Studies in Polish Linguistics*. 2006. Vol. 3. P. 5–67.
34. Willett T. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // *Studies in Language*. 1988. Vol. 12. Iss. 1. P. 51–97. DOI: 10.1075/sl.12.1.04wil.
35. Wurmbrand S. *Modal Verbs Must Be Raising Verbs* // *Proceedings of the 18th West Coast Conference on Formal Linguistics WCCFL 18* / ed. S. Bird, A. Carnie, J. D. Haugenm, P. Norquest. Somerville, MA.: Cascadilla Press, 1999. P. 599–612.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Peter Kosta – Dr. Sci. (Phil.), Professor emeritus of Slavic linguistics, the Institute for Slavic Studies, the University of Potsdam; Honorary Professor of the Russian-Armenian University (Yerevan, Armenia); External Professor, the Institute of General Linguistics, Jan Palacký University (Olomouc, Czech Republic); e-mail: peter.kosta@uni-potsdam.de

Iskakova Gulgul Zhenisovna – Master (Pedagogy and Psychology), Dr. Sci. degree-seeking candidate, Educational program 8D02301 “Philology”, Sh. Ualikhanov Kokshetau University; e-mail: g.ristina@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Петер Коста – доктор философских наук, почётный профессор кафедры славянского языкознания Института славистики Потсдамского университета, почётный профессор Российско-Армянского университета (г. Ереван, Армения), внештатный профессор Института общего языкознания Университета Яна Палацкого (г. Оломоуц, Чехия); e-mail: peter.kosta@uni-potsdam.de;

Искакова Гульгуль Женисовна – магистр педагогики и психологии, докторант образовательной программы 8D02301 «Филология» Кокшетауского университета имени Ш. Уалиханова;
e-mail: g.ristina@mail.ru

FOR CITATION

Kosta P., Iskakova G. Zh. New tendencies in the study of modality: epistemic modality and evidentiality. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 6, pp. 25–40.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-25-40

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коста П., Искакова Г. Ж. Современные тенденции изучения модальности: эпистемическая модальность и эвиденциальность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 25–40.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-25-40

УДК: 81'255.2

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-41-50

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМА *СМЕРТЬ* В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ» С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ли Мань¹, Лобанова Т. Н.²

¹ Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

² Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Установление особенностей эвфемизмов семантической группы *смерть* при переводе с китайского языка на русский (на материале китайского романа Цао Сюэциня «Сон в красном тереме»).

Процедура и методы. Ключевыми исследовательскими методами выступили: методы лингвистического и лингвокультурологического анализа текстов классической художественной литературы, гипотетико-дедуктивный метод; метод параллельного сравнения текстов, имеющих одинаковую для обоих языков функционально-стилистическую принадлежность; переводческий анализ; описательно-сопоставительный метод с целью выявления специфики единиц китайского языка в сопоставлении с единицами русского языка и установлении классификации эвфемизмов семантической группы *смерть* в китайском и русском языках.

Результаты. Авторами прослеживается характер перевода эвфемизмов, содержащихся в романе «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня, с китайского языка на русский. В результате выявлено, что анализ эвфемизации семантической группы *смерть* в переводе романа «Сон в красном тереме» способствует пониманию особенностей китайской лингвокультуры середины XVIII в. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проводится комплексный и целостный сравнительно-сопоставительный анализ употребления эвфемистической лексики романа «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня на китайском и русском языках. Обогащено и расширено концептуальное понятие «эвфемизм» за счёт введения в научный оборот непереведённых работ китайских лингвистов.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в возможности применения результатов в дальнейших сравнительно-сопоставительных исследованиях китайско-русского художественного перевода, а также в учебном процессе на филологических факультетах университетов, в частности, в практике преподавания теории и практики перевода, социолингвистики, лексикологии, стилистики, психолингвистики и др. Предлагаемая в данной работе классификация эвфемизмов русского и китайского языков может быть использована в некоторых сферах смежных наук (межкультурная коммуникация, культурология, философия, политология и др.).

Ключевые слова: эвфемизм, тексты художественной литературы, китайско-русский перевод, роман «Сон в красном тереме»

A STUDY OF THE EUPHEMISM “DEATH” IN THE TRANSLATION OF THE NOVEL “THE DREAM IN THE RED CHAMBER” FROM CHINESE INTO RUSSIAN

Li Man¹, Tatiana N. Lobanova²

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
ulitsa Miklukho-Maklaya 6, Moscow 117198, Russian Federation

² Moscow Region State University
ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the features of the Chinese–Russian translation of the euphemisms of the semantic group “death” on the material of the Chinese novel “Dream in the Red Chamber” by Cao Xueqin.

Methodology. Linguistic and linguoculturological analysis of classical fiction texts were the key research methods. Besides, the following methods were applied in the research: hypothetical-deductive method; method of parallel comparison of texts having the same functional and stylistic affiliation for both languages; translation analysis; and a description-comparative method to identify the specifics of the units of the Chinese language compared to those of the Russian language and to establish the classification of the euphemisms referring to the semantic group “death” in both languages.

Results. The author traces the nature of the euphemisms translations in the novel “Dream in the Red Chamber” by Cao Xueqin from Chinese into Russian. As a result, it has been revealed that the analysis of the euphemism “death” in the translation of the novel “The Dream in the Red Chamber” helps better understand mentality and culture of China in the middle of the XVIII century. Novelty of the research is in a comprehensive and holistic comparative analysis of the euphemistic vocabulary in the novel “Dream in the Red Chamber” by Cao Xueqin in Chinese and Russian. The absolute novelty is the enrichment and expansion of the conceptual concept of “euphemism” by introducing untranslated scientific works of Chinese linguists into scientific circulation.

Research implications. The significance of the research lies in the possibility of applying its results in further research of Chinese–Russian literary translations comparison, as well as in the educational process at philological faculties of universities, in particular, in teaching theory and practice of translation, sociolinguistics, lexicology, stylistics, psycholinguistics, etc. The classification of Russian and Chinese euphemisms proposed in this paper can be of use in some related sciences (intercultural communication, cultural studies, philosophy, political science, etc.).

Keywords: euphemism, fiction texts, Chinese–Russian translation, the novel “Dream in the Red Chamber”

Введение

Язык является универсальной функциональной системой: он существует для того, чтобы обеспечивать порождение, хранение и передачу информации [1, с. 196], и потому обладает динамическим характером и постоянно развивается. Изменчивость языка обусловлена лексическими и другими инновациями, тесно связанными с трансформационными процессами в его лексико-семантической системе. Эволюционные процессы в лексике происходят непрерывно, поэтому изучение изменений словарного состава остаётся одним из наиболее актуальных

направлений языковедческих исследований. Одним из часто рассматриваемых феноменов в лингвистике в диахроническом и синхроническом измерении является эвфемизм. Феноменология эвфемии, выступая особой частью лексического фонда языка, существует ровно столько, сколько любой социум со своими культурно-историческими ценностями: в этой связи высока актуальность изучения данного явления в разных аспектах лингвистических исследований.

Лингвокультурологический подход к изучению лексики основывается на взаимоотношении двух позиций – языка и

культуры: для каждого языка характерен процесс дифференциации лексики на базовую и культурную. Эвфемизм – украшение каждого языка, даже если он становится обыденностью и нередко используется говорящим подсознательно [8, 17页]. Эвфемизм как лингвистический феномен подразумевает не только речевое изящество и остроту ума каждого отдельного говорящего, но и демонстрацию особенностей языка народа, культуры нации и её становления, а также отношения к миру. В конце концов, наличие в языке большого количества эвфемизмов особым образом демонстрирует грани его рафинированности и элегантности. Таким образом, эвфемизм – это не только единица языка, но и культуры. На основании употребляемых в художественном тексте эвфемизмов можно судить о лингвокультурологических особенностях этноса и даже целой исторической эпохи.

Особенности употребления эвфемизмов в китайской и русской художественной литературе в сравнительно-сопоставительном аспекте актуализируют переводческую проблематику: остаётся малоизученным воссоздание художественных эвфемизмов в китайско-русском переводе, поскольку одной из сторон перевода является межъязыковая асимметрия разноструктурных языков в том или ином ракурсе или степени: переводчик преодолевает пространство несоответствий между языками зачастую интуитивно. Лингвокогнитивные аспекты перевода, а также проблема взаимодействия языка и мышления, языка и действительности российским лингвистом В. И. Хайруллиным [7] рассматриваются на уровне когнитивно-семантической организации высказывания как единицы. Анализ перевода в современном переводе является преимущественно смысловым и эвристическим.

Вышесказанное обуславливает актуальность проведения настоящего исследования и свидетельствует о недостаточности изучения вопросов функ-

ционирования эвфемизмов в текстах китайской художественной литературы в переводческом аспекте и сопоставлении с русской переводческой версией.

В ходе данного исследования были поставлены **задачи**: во-первых, представить классификацию эвфемизмов в китайском и русском языке; во-вторых, провести лингвокультурологический анализ эвфемизмов в китайском и русском языке; в-третьих, провести исследование китайско-русского перевода эвфемизмов семантической группы «смерть» на материале романа «Сон в красном тереме».

Лингвокультурологический анализ эвфемизмов русского и китайского языков

Китайские лингвисты под эвфемизмами понимают смягчающие, мелодичные (эвфонические) фразы и слова, которые употребляются говорящим с целью не обидеть слушающего или читающего. Всё, что может показаться адресанту оскорбительным, невежливым, запретным или ставящим в неловкое положение адресата, подлежит эвфемизации¹.

Л. П. Крысин определяет эвфемизм, прежде всего, как «способ косвенного, перифрастического и при этом смягчающего обозначения предметов, свойств или действий» [3, с. 384]. Д. Э. Розенталь говорит о том, что «эвфемизм – смягчающее обозначение какого-либо предмета или явления, более мягкое выражение» [цит. по: 4, с. 58].

Весьма ценны результаты сравнительно-исторического исследования Чжан Чаня, в котором рассматривается явление эвфемизации в русском и китайском языках: в нашем исследовании единицей анализа выступает семантическая группа *смерть*, поскольку базовой категорией эвфемии предлагается рассматривать *семантику умолчания* [6, с. 9]. Чжан Чань выделяет основные эвфемистические

¹ См. Ван Яцзюнь. Прикладной словарь эвфемизма: 王亚军. 委婉语应用词典. 上海:上海字典出版社, 2005. 98–99页.

группы в китайском и русском языках: 1) эвфемизмы, обозначающие смерть и явления, связанные с ней; 2) эвфемизмы, касающиеся тематики сексуальности; 3) эвфемизмы, используемые для называния умственных и физических недостатков, болезней и др. [6].

Несмотря на то, что в русском и китайском языках обнаруживается примерно одинаковое процентное соотношение лексических единиц, входящих в состав каждой из групп эвфемизмов, в них, как правило, отражаются различные психосоциальные и национальные культурные самобытности. Чжан Чань подчёркивает, что в русском языке отсутствуют такие эвфемистические группы, как «свадебная лексика» и «эвфемизмы-обращения». В китайском языке слова и выражения, связанные со свадебными обрядами, эвфемизируются: “出门” – «выйти из дома»¹ вместо “出嫁” – «выйти замуж»; “终身大事” – «дело всей жизни» вместо “结婚” – «жениться»; “许配” – «уговорить на что-то» вместо “许嫁” – «просватать девушку»; “拜堂” – «церемония» вместо “结婚” – «жениться», «брак»² и др.

Интенсивность эвфемизмов зависит от прагматических характеристик текста, и эта зависимость более значительная, чем взаимосвязь с типологическими характеристиками языка и национально-культурными особенностями. Значимой причиной, определяющей повышенную частотность явления эвфемии в китайском художественном тексте, является, на наш взгляд, культурный фактор. При этом под «культурным фактором» необходимо понимать две составляющие: лингвокультурную и социокультурную. Эвфемизация в художественном тексте взаимосвязана со спецификой китайской лингвокультуры, в том числе её репрезен-

тацией в различных аспектах китайского языка (фонетический, лексико-грамматический, иероглифический): она обусловлена как типологическими особенностями китайского языка, так и типом китайского культурного мышления (интуитивный, ассоциативно-образный, холический, конкретный, стереотипный, символический тип мышления). Социокультурный фактор явлений эвфемизации китайскоязычного художественного текста коррелирует с коллективистским типом китайской культуры и её стремлением к долгосрочной ориентации и коллективизму.

Проведём лингвокультурологический анализ отношения к пожилому возрасту и смерти в русской и китайской культуре в сопоставительном аспекте. Русские, думая, например, о старости, наполняют это слово смыслами нездоровья, бессилия, дряхлости, усталости и разбитости. В русском языке нет общепринятой формы обращения к пожилым людям: слова «старик» и «старуха» при обращении будут неуместными и оскорбительными. Кроме того, появляются выражения типа «предпенсионный возраст» или выражение-оксюморон «девушка предпенсионного возраста», свидетельствующие о противоречивом отношении государства и общества к данной возрастной группе. Проблема не в отборе сверхполиткорректных слов и выражений, а в отношении к этой группе в России в принципе. В русскоязычной культуре и русском языке сам по себе преклонный возраст человека выступает предметом эвфемизации: некорректно, например, сказать: «Я увидел красивую старуху».

Китайцы, наоборот, красочно описывают этот возраст человека. В Китае очень уважительно и почтительно относятся к людям преклонного возраста: корни такого отношения уходят в идеологию конфуцианства (“孝” «сыновья почтительность» – совокупность этических правил)³. Китайский трактат 《孝经》

¹ См. Се Гуанхуэй. Этимологический словарь китайского языка: 谢光辉.汉语字源字典.北京: 北京大学出版社, 2000. 8.

² Эвфемизмы в китайском языке [Электронный ресурс]. [2008]. URL: <https://chinese-russian.ru/news/?news=175> (дата обращения: 23.07.2022).

³ 汉典 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zdic.net> (дата обращения: 23.07.2022).

«Сяо Цзин» или «Каноническая книга о сыновней почтительности» является одиннадцатым произведением, входящим в состав «*Тринадцати канонических книг*», представляет древнекитайское учение и концепцию, где термин “孝” или *Сяо* предполагает следующий перевод: «преданность», «почитание родителей», «усердное исполнение воли» или «сыновья почтительность». «Сыновья почтительность» – это основа всех принципов безупречного поведения; из неё вырастает всё просвещение [2, с. 199]; при этом для Конфуция воспитание и просвещение не независимые категории, а проявления единого процесса формирования человеческой личности. Поэтому по сей день среди китайцев пожилой возраст человека считается почитаемым и вызывающим уважение – это, прежде всего, опыт, мудрость, благородство. В связи с вышесказанным становится понятным, почему старость в Китае практически не может выступать предметом эвфемизации. Однако слова и высказывания о смерти в китайском этносе принято перифразировать [11], что также можно объяснить особенностями буддизма. Китайская народная культура воспринимает буддийское учение о перерождениях и инкарнациях. Считается, что после смерти человек за все неверные деяния будет отбывать наказание: отсюда и страх перед неизбежностью наказания и смертью; смерть так или иначе связана с болезнью, которая в итоге и приводит к смерти [9, 300 页].

Таким образом, факторами эвфемизации семантической группы *смерть* в китайском и русском языках выступают желание завуалировать некоторые явления, обусловленные религиозными представлениями (буддизм и даосизм в Китае; православие в России), морально-этическими и культурными нормами двух этносов, а также общественно-политическими и эмоциональными явлениями.

Анализ эвфемизмов, связанных с темой смерти в романе Цао Сюэцинь «Сон в красном тереме»

В китайской культуре отношение к дуальной оппозиции «жизнь – смерть» весьма специфично и, согласно древнекитайским трактатам и религиозным представлениям, может сводиться к следующему [2, с. 115]: 1) жизнь и смерть – это просто перемены-трансформации; 2) смерти нет – это лишь метаморфоза; 3) смерть и карма человека взаимообусловлены; вслед за смертью возможно перерождение; 4) смерть – это зло и её надо преодолевать. Если говорить о мировоззренческих установках китайской стратегии относительно оппозиции «жизнь – смерть», то фокусом скорее выступают концепты «перемены», «превращения». «Смерть» в китайской культуре является табуированной темой: в китайском языке в значительной степени распространено использование эвфемизмов, связанных с данной тематикой. Чаще всего эвфемизмы смерти можно обнаружить в художественных текстах, в частности, наиболее репрезентативно вербализованных в эпохальном романе китайской классической литературы «Сон в красном тереме» Цао Сюэцинь¹. Данное произведение является кульминационным творением китайской культуры, так как подробно описывает культурно-бытовой аспект жизни китайского народа, начиная с момента рождения человека, свадебных церемоний, ритуальных обрядов и заканчивая похоронами. Это своего рода энциклопедия знаний о китайской культуре.

Автор в романе затрагивает вопросы философско-религиозного, этического и социального характера. Важным достоинством романа является использование языка байхуа, который по сей день является образцом литературной речи

¹ Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме. Т. 1 // Электронная библиотека Royallib.com. URL: https://royallib.com/book/tsao_syuetsein/son_v_krasnom_tereme_t_1_gl_1_XL.html (дата обращения: 23.07.2022).

[5, с. 342]. Особенностью произведения «Сон в красном тереме» является то, что в нём встречается большое количество слов и словосочетаний – эвфемизмов, связанных с темой смерти.

В результате использования заявленной методологии, в том числе переводческого анализа с целью выявления специфики эвфемизмов китайского языка в сопоставлении с эвфемизмами русского языка, установлена следующая классификация эвфемизмов семантической группы *смерть* (на материале анализа художественного произведения «Сон в красном тереме»).

1. Смерть в совершеннолетнем возрасте.

Пример 1. “史太如寿终归地府” – «Исчерпавшая своё долголетие матушка возвращается в потусторонний мир». Слово “寿终” («скончаться», «естественная смерть», «смерть от старости»).

Пример 2. “林如海捐馆扬州城” – «Линь Жухай покидает город Ян Чжоу». Слово “捐馆” («умереть», «покинуть место временного пребывания» (в значении: умереть)).

2. Смерть в молодом возрасте (до наступления совершеннолетия).

Пример 3. “林姑娘是老人太最疼的,但寿夭天定。” – «Барышня Дайюй была вашей любимицей, почтенная госпожа, но судьба судила ей раннюю смерть». Слово “寿夭” («рано умереть») имеет дефиницию в толковом словаре: «короткая жизнь»¹.

Пример 4. “自幼父母早亡,又无兄弟,只他一个守着些薄产过日。” – «Родители его рано покинули, оставив ему небольшое наследство». Слово “早亡” (умереть в молодости, дословно рано умереть), в словаре указана дефиниция: “早死” (ранняя смерть).

3. Смерть в религиозном аспекте: даосизм, буддизм.

Пример 5. “老爷天天修炼,定是功行圆满,升仙去了” – «Старый господин со-

вершенствовался и познавал истину, когда же его добродетели достигли предела, вознёсся к бессмертным!». Слово “升仙” («вознестись на небо») имеет следующую дефиницию: «стать бессмертным».

Пример 6. “逝者已登仙界,而我们仍处于易朽的世界中” – «Покойная давно вознеслась в мир иной, а мы по-прежнему пребываем в этом бренном мире». Глагол “登仙” («умереть») определяется в словаре как «улететь на небо и стать небожителем».

4. Смерть в результате убийства.

Пример 7. “反花了钱,送了命” – «И денег лишился, и жизни!». Иероглиф “命” («погибнуть») имеет толкование в словаре: «потерять жизнь».

Пример 8. “薛潘怒气冲冲地想在仆人面前吐出酒来,但却喝了一杯……血从伤口流出。店主急忙去救人,但很晚,受害者死。” – «Сю Пань в гневе хотел выплеснуть вино в лицо слуге, допил из бокала ... Из раны хлынула кровь. Хозяин бросился было на помощь, но поздно, пострадавший скончался». Иероглиф “死” («погибнуть») имеет дефиницию: “丧失生命” («поплатиться жизнью»).

5. Смерть важного лица.

Пример 9. “稍刻,太监说:《贾娘娘薨世》” – «Через мгновение появился ещё один евнух и объявил: Государыня Цзя скончалась». Слово “薨逝” («скончаться») используется для обозначения смерти важного человека.

Пример 10. “所有人打算出门还没出门的时候,已听见周贵妃薨逝了” – «Все принялись собираться в дорогу, но только вышли за порог, как пришла весть о кончине Государыни Чжоу».

6. Внезапная смерть.

Пример 11. “当时黛玉气绝,正是宝玉娶宝钗的这个时辰” – «Дыхание Дайюй оборвалось в тот момент, когда Баочай в паланкине принесли в дом Баоюя». “气绝” (дословно как «перестать дышать») имеет дефиницию в толковом словаре: «смерть в результате остановки дыхания».

Пример 12. “琏二奶奶不好了,还没有咽气,二爷二奶奶且慢些过去,还来得及!” – «Второй госпоже Сифэн совсем

¹ 曹雪芹,高鄂.红楼梦.从第一部到第三部.中国古典精华文库.1766.

худо, но она ещё дышит, так что не топнитесь, успеете!». Слово “咽气” в толковом словаре имеет определение: «человек, испустивший последний вздох».

7. Смерть в результате самоубийства.

Пример 13. “绝望的二姐自杀” – «Доведенная до отчаяния Эрцзе кончает с собой». Слово “自杀” («свести счёты с жизнью») имеет толкование «убить себя».

Пример 14. “平儿急了, 便跑出来找刀子要寻死” – «Пинэр просилась искать нож, чтобы покончить с собой». Слово “寻死” («покончить с собой»), дословно “寻” (искать) + “死” (смерть), определяет в толковом словаре как «убить себя».

Пример 15. “金钏儿忽然投井死” – «Барышня Цзиньчуань ни с того ни с сего, утопилась в колодеце!». Слово “投井死” («утопиться в колодеце») имеет дефиницию в словаре “跳井” («прыгнуть в колодец»). Данный эвфемизм несёт дополнительный смысл в аспекте способа самоубийства через «прыжок в колодец».

Таким образом, механизмы эвфемизации лексики семантической группы *смерть* сводятся к следующему: 1) использование эвфемизмов в тексте романа формирует отношение к теме высказывания; 2) эвфемизмы показывают и определяют социальный статус участников высказывания или коммуникации.

Трудности перевода эвфемизмов в текстах художественной литературы

При переводе эвфемизмов в текстах художественной литературы переводчик может сталкиваться с рядом трудностей и проблем. Многочисленные исследования явления эвфемии отражены в научных изысканиях отечественных и зарубежных учёных. Однако исследовательский акцент сконцентрирован больше на вопросах эвфемизмов в аспекте их лексико-семантических или функциональных особенностей, способах их речевой реализации, особенностях употребления в различных типах дискурса (религиозном, художественном). Переводческий аспект, а именно проблема воссоздания художественных эвфемизмов

в переводе, не освещена в научных трудах в достаточной степени [10].

Итак, первую трудность определяет субъективная позиция переводчика. Переводческая деятельность осуществляется конкретным человеком, который воспринимает художественный текст оригинала зачастую субъективно, что обусловлено его социальным бэкграундом или опытом в отношении выбора способов перевода. Различия, существующие между культурами, разное восприятие тех или иных явлений затрудняет процедуру поиска эквивалента эвфемизма, не говоря уже о его адекватном переводе. Не всегда существует языковая пара, вызывающая у носителей обоих языков похожие эмоции¹.

Во-вторых, эвфемизацию в значительной степени можно считать субъективным явлением, особенно это касается социально-бытовых эвфемизмов: восприятие одного и того же явления разными людьми или группами людей может существенно различаться. Кроме того, следует помнить, что существуют как универсальные эвфемизмы, то есть такие, которые присутствуют в культурных условиях почти любой страны, так и специфические, обусловленные особенностями культурно-исторического развития той или иной территории.

Третьей трудностью китайско-русского перевода эвфемизмов является выбор наиболее подходящего и оптимального способа отражения смысла, заложенного внутри эвфемизма на китайском языке средствами русского языка. Это трудности, обусловленные либо выбором эквивалентных слов переводящего языка, соответствующих смысловой точности, норме, стилю исходного языка, либо явлениями лакунарности переводящего языка для эвфемизации одного и того же явления, денотата, признака. Особо стоит выделить трудности китайско-русского перевода,

¹ 汉典 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zdic.net> (дата обращения: 23.07.2022).

связанные с лакунарностью некоторых русских и китайских фразеологических выражений, не передаваемых однозначно средствами переводящего языка.

Вышесказанное подтверждает тезис о том, что с точки зрения современной лингвистической науки, как никогда ранее, требуется актуализировать и усилить сопоставительную составляющую переводческого анализа.

Заключение

Таким образом, можно подвести некоторые итоги и сделать следующие выводы.

Во-первых, понятие эвфемизма невозможно рассматривать в отрыве от культурно-исторического контекста: классификация эвфемизмов семантической группы *смерть* в китайском языке показала, что она затрагивает больший объём смыслов в силу национально-культурной специфики и философско-конфуцианских представлений китайцев.

Коллективистский тип китайской культуры, вероятно, предопределяет интенсивность эвфемизмов семантической группы *смерть* в художественном тексте исследуемого романа. Эвфемизация также актуальна для некоторых явлений, обусловленных религиозными представлениями (буддизм и даосизм в Китае; православие в России), морально-этическими и культурными нормами двух этносов; она может актуализироваться в силу общественно-политических и эмоциональных факторов. Так, по представлениям китайских лингвистов, эвфемизмы появились для замены табуированной лексики, которая могла бы вызвать гнев предков (специфика именно китайской культуры): такие мировоззренческие установки позволяли держать китайское общество в страхе и сохранять общественный статус-кво. Изучение номинации элементов одной культуры в языке другой посредством сопоставления подтверждает тезис о том, что сопоставительное изучение культурной

составляющей, то есть лингвокультур, наряду с грамматическими структурными и синтаксическими явлениями, обусловленные типологическими характеристиками языков, имеет важное значения для адекватного перевода.

Во-вторых, в традициях российской лингвистики эвфемизмы определяются как слова или выражения, которые используются для замещения грубых или неуместных обозначений. В китайской лингвистике понятие эвфемизма расширяется за счёт такой особенности китайской культуры, как «сохранение лица». При переводе с китайского языка на русский вступают в силу межъязыковая асимметрия и правила перефразирования, где обнаруживают себя как национально-культурные лакуны, так и явления, обусловленные концептуальным наполнением лексики, когда один и тот же «объект» семантической группы *смерть* способен породить множество параллельных семантических и синтаксических конструкций в переводящем языке. Данные анализа авторы связывают как с культурно-специфической составляющей, так и типологическими особенностями двух разноструктурных языков. Необходимость декодирования культурных смыслов обусловила трудности китайско-русского перевода эвфемизмов. Установлены особенности перевода эвфемизмов с китайского языка на русский (на заявленном материале): идентификация эвфемистических единиц в художественном тексте и их понимание; наличие / отсутствие эквивалентных соответствий в семантической группе *смерть* в переводящем языке в силу национально-культурной специфики и разнородности языков; отсутствие адекватных словарных замен. Авторский подход и методология лингвистического китайско-русского сопоставления и переводческого анализа позволили достаточно полно описать особенности китайско-русского перевода в части явления и анализа эвфемизмов семан-

тической группы *смерть* (на материале заявленного китайского романа), а также классифицировать китайско-русские межъязыковые несовпадения. Перевод как продуктивный вид деятельности и прагматический продукт должен стремиться задействовать все возможные ресурсы переводящего языка.

В-третьих, в романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» в ходе исследования выявлен и описан 51 эвфемизм, связанный с семантической группой *смерть*. Можно утверждать, что эвфемизмы – это не только средство общения, но и отражение культурных коннотаций языка. Использование эвфемизмов демонстрирует менталитет представителей конкретных этносов, социально-статусные роли и отношение к той или иной теме в культурной среде. Путём анализа эвфемизмов можно увидеть культурный контекст

жизни того или иного хронологического периода. Именно в этом и состоит ценность классического китайского романа «Сон в красном тереме».

В-четвёртых, изучение различных эвфемизмов, функционирующих в текстах литературных произведений, является предметом дальнейших научных изысканий, и в прикладных целях может быть использовано при составлении словарей или словариков.

Перспективы дальнейших лингвистических исследований проблематики китайско-русского перевода эвфемизмов семантической группы *смерть* мы видим в диверсификации исследуемого материала, в частности, в исследовании текстов религиозного дискурса, политического дискурса и др.

Дата поступления в редакцию 07.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Касевич В. Б. Проблемы семантики. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2019. 304 с.
2. Кучера С. История, культура и право древнего Китая: собрание трудов. М.: Наталис, 2012. 416 с.
3. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 384–408.
4. Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М.: ЛЕНАНД, 2010. 264 с.
5. Сюэ Ху, Гумин Ху. Анализ русского перевода заголовков глав романа «Сон в красном тереме» в аспекте теории адаптации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 342–349. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-342-349.
6. Чжан Чань. Эвфемизация в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 209 с.
7. Хайруллин В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: дис. ... докт. филол. наук. Москва, 1995. 355 с.
8. 邵俊航. 委婉语的定义. 上海:上海财经大学外语系, 2008. 218 页.
9. 刘讯. 汉语教学概论. 北京:北京语言大学出版社, 2001. 300–302 页.
10. 杨文权. 现代汉语. 重庆:重庆出版社, 2010. 10–12 页.
11. 刘萍. 关于中国委婉语的特点. 2001. 216 页

REFERENCES

1. Kasevich V. B. *Problemy semantiki* [Problems of semantics]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2019. 304 p.
2. Kuchera S. *Istoriya, kul'tura i pravo drevnego Kitaya* [History, culture and law of ancient China]. Moscow, Natalis Publ., 2012. 416 p.
3. Krysin L. P. [Euphemisms in modern Russian speech]. In: *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the end of the XX century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, pp. 384–408.

4. Moskvina V. P. *Eufemizmy v leksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language]. Moscow, LENAND Publ., 2010. 264 p.
5. Siyue H., Guming H. [Analysis of Russian translation of chapter titles of “A dream of red mansions” from the perspective of adaptation theory]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2019, no. 5, pp. 342–349. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-342-349.
6. Zhang Chan. *Eufemizatsiya v russkom i kitayskom yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk* [Euphemization in Russian and Chinese: PhD thesis in Philological Sciences]. Volgograd, 2013. 209 p.
7. Khayrullin V. I. *Lingvokul'turologicheskiye i kognitivnyye aspekty perevoda: dis. ... dokt. filol. nauk* [Linguoculturological and cognitive aspects of translation: D. thesis in Philological sciences]. Moscow, 1995. 355 p.
8. 邵俊航. 委婉语的定义. 上海:上海财经大学外语系, 2008. 218 页.
9. 刘讯. 汉语教学概论. 北京:北京语言大学出版社, 2001. 300–302 页.
10. 杨文权. 现代汉语. 重庆: 重庆出版社, 2010. 10–12 页.
11. 刘萍. 关于中国委婉语的特点. 2001. 216 页.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ли Мань – аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов;
e-mail: 1315561381@qq.com;

Лобанова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации, директор Регионального центра китайского языка и Китаеведения Московского государственного областного университета;
e-mail: lobanovaty@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Li Man – Postgraduate Student, Department of General and Russian Linguistics, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);
e-mail: 1315561381@qq.com;

Tatyana N. Lobanova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Oriental Languages, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Director of the Regional Center for Chinese Language and Sinology, Moscow Region State University;
e-mail: lobanovaty@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ли Мань, Лобанова Т. Н. Исследование эвфемизма *смерть* в переводе романа «Сон в красном тереме» с китайского языка на русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 41–50.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-41-50

FOR CITATION

Li Man, Lobanova T. N. A study of the euphemism “death” in the translation of the novel “The dream in the red chamber” from Chinese into Russian. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 6, pp. 41–50.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-41-50

УДК 81`42

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-51-65

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПАДЕЖЕЙ АВТОНОМНОГО МОДУСА ДИСКУРСА

Чикина Е. Е.

*Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, Российская Федерация*

Аннотация

Цель исследования – выявить место падежей автономного модуса дискурса в общей дискурсивной конфигурации предложения, сопоставить дискурсивные позиции таких падежей с системой их значений.

Процедуры и методы. Основное содержание исследования составляет анализ дискурсивного характера падежей автономного модуса дискурса. В работе использованы описательный, сравнительный и сопоставительный методы исследования.

Результаты. По заключению автора статьи, номинатив создаёт причинное, аккузатив – пространственное, датив – целеполагающее измерение автономного модуса дискурса. Значения падежей возникают как осмысление их дискурсивных позиций, которые становятся денотатом для падежных значений.

Практическая значимость. В научный оборот введены понятие автономного модуса дискурса и представление о падеже как о дискурсообразующей грамматической категории. Представленные результаты могут быть использованы при дальнейшей разработке теории синтаксиса, а также применяться в педагогической практике при чтении курсов общего языкознания и теоретической грамматики.

Ключевые слова: грамматика, дискурс, падеж, предложение, семантика падежей, текст, типология

ON THE SPECIFICITY OF THE CASES OF AUTONOMOUS DISCOURSE MODUS

E. Chikina

*Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
ulitsa Gorkogo 87, Vladimir 600000, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the place of the cases of autonomous discourse modus in the general discursive configuration of the sentence, to compare the discursive positions of such cases with the system of their meanings.

Methodology. The main content of the study is the analysis of the discursive nature of the cases of autonomous discourse modus. Descriptive and comparative research methods are used.

Results. According to the author of the article, the nominative creates the causal, the accusative creates the spatial, the dative creates the goal-oriented dimension of the autonomous modus of discourse. Case meanings arise as a reflection of their discursive positions, which become the denotative for case meanings.

Research implications. The notion of autonomous discourse modus and the notion of case as a discourse-forming grammatical category are introduced into scientific circulation. The presented results can be used in future studies of the theory of syntax, as well as in pedagogical practice during the teaching courses of general linguistics and theoretical grammar.

Keywords: grammar, discourse, case, sentence, case semantics, text, typology

Введение

Грамматическая природа падежа до сих пор является нерешённой проблемой лингвистики. С одной стороны, в литературе часто постулируется особая роль падежа в грамматической системе вообще, и в системе имени в частности, например, А. Ф. Дрёмов характеризует падеж как «центральную, высшую грамматическую категорию имени, а систему падежей – как грамматическое ядро внутренней формы языка флективного типа» [5, с. 164]. С другой стороны, возможность создания системного и непротиворечивого объяснения функционирования падежей часто оценивается скептически, например, в работах О. Есперсена [6, с. 213] и А. М. Пешковского [20, с. 27].

Фундаментальная энциклопедия современных теорий и моделей падежей в языках мира “The Oxford handbook of case” свидетельствует, что исследования сущности и функций падежей в лингвистике лежат в сфере семантики [35]. Восходящие ещё к теории генеративной грамматики положения о глубинных семантических, актантно-синтаксических, функционально-семантических формулах, лежащих в основе комплекса падежных значений, – магистральная линия развития исследования падежей в настоящий момент. Даже подчёркивая исключительно или преимущественно морфологическую / синтаксическую роль падежей в предложении [6, с. 212; 16, с. 12; 24, с. 136–137; 31, с. 139]; исследователи всё равно оперируют понятиями синтаксической соотнесённости падежных словоформ, а значит, в конечном итоге, – понятиями грамматической семантики. Компромиссным вариантом может являться признание падежа семантико-морфологической категорией

[8, с. 284; 23, с. 324; 28, с. 7]. Именно в рамках семантико-морфологического подхода в настоящее время осуществляется моделирование падежных систем различных языков [3].

Однако для решения вопроса о грамматической природе и функциях падежей недостаточно принимать во внимание только семиотический план предложения. Природа предложения как основной минимальной единицы текста должна быть изоморфна природе текста в целом. Современные же исследования текста указывают помимо семиотической на его дискурсивную природу. Однозначного определения дискурса в настоящее время также не существует, но представляется целесообразным принять за основной дискурсивный признак текста его свойство конструировать новую реальность. По замечанию Е. С. Кубряковой, дискурс является феноменом «возможных миров», для создания которых используются особые языковые средства [10, с. 522; 531]. В. В. Красных указывает, что текст – это «объективная реальность, отличная от автора текста» [9, с. 208].

Если исходить из изоморфности природы текста и предложения, то предложение является одновременно сложным знаком и автономной реальностью. Причём соотноситься дискурсивная реальность предложения и его семиотическая структура должны как денотат и значение. Грамматические категории соответственно должны делиться на семиотические, т. е. создающие актантно-синтаксическую структуру предложения (на единство номинативного и синтаксического в грамматической категории указывает, в частности, Т. Б. Астен [2, с. 75]), и дискурсивные, т. е. создающие независимую от говорящего реальность.

По нашему мнению, падеж – это грамматическая категория имени, создающая определённые конфигурации дискурса. Не-семиотическая природа падежа позволяет снять нерешённую проблему семантических инвариантов падежных значений. Если падежные словоформы – это конфигурации дискурсивной реальности, то их значения, которые несомненно реальны, представляют собой варианты интерпретации реальности предложения в процессе наложения на неё семантической схемы высказывания.

Под элементами реальности дискурса необходимо в данном случае понимать не элементы его семантики, а маркеры объективного существования реальности дискурса. Эти маркеры, в свою очередь, должны быть изоморфны маркерам объективного существования нашей реальности, поскольку *homo sapiens* в состоянии конструировать реальность только по образцу той, в которой он существует.

Мы полагаем, что к маркерам реальности дискурса относятся три параметра: пространственный, причинно-следственный и целеполагающий. Возможность приложения этих критериев к объектам структуры дискурса доказывает их объективное бытие. Реализуются в дискурсе эти параметры не в рамках иерархической системы, сочетающей синтагматику и парадигматику, что характерно для сложного знака, а по принципу фрактального (самоподобного) объекта, которым и является дискурс.

Для грамматической категории падежа фрактальный принцип реализуется прежде всего в объективном наличии трёх проявляющихся конфигураций, назовём их модусами существования дискурса.

1. Автономный модус дискурса, относящийся к его независимому от говорящего существованию. В данном случае дискурс является своеобразной «вещью в себе», независимой замкнутой реальностью, обладающей пространственным измерением.

2. Когнитивный модус дискурса, относящийся к его причинно-следственному измерению. Он представляет собой канал связи с концептосферой автора (говорящего), результат лингвокреативной деятельности последнего. Концептосфера языковой личности здесь предстаёт как детерминант дискурса.

3. Коммуникативный модус дискурса, относящийся к его целеполагающему измерению. Реализация данного модуса открывает канал его связи с другими реальностями.

Соответственно, три маркера бытия дискурса, наложенные на три модуса его существования, создают матрицу, включающую в себя девять возможных позиций для падежных форм.

Представляется, что эти девять позиций должны быть универсальными для языков, обладающих грамматической категорией падежа. Однако число падежей в языках мира варьируется весьма широко. Расхождение в числе падежей в синхронической ситуации конкретного языка с «эталонной» матрицей объясняется двумя факторами.

Во-первых, определённые дискурсивные позиции могут быть нерелевантными для национальной концептосферы и не реализовываться наподобие запрещённых орбит для электронов в атоме.

Во-вторых, может наличествовать «сверхрелевантность» определённой позиции, которая вызывает необходимость уточнения и расширения возможных вариантов семантической интерпретации одной и той же конфигурации, что ведёт к увеличению числа падежей, некоторые из которых будут семантическими реализациями одной и той же дискурсивной позиции.

Верно также и обратное. Даже если значения синтаксических функций (как поверхностных, так и глубинных) одного и того же падежа значительно отличаются друг от друга, для дискурсивной конфигурации одна и та же падежная форма создаёт аналогичную конфигурацию

дискурса для всех возможных синтаксических функций падежа и связанных с ними актантно-семантических формул.

Рассмотрим возможные дискурсивные позиции падежей в предложенной выше матрице. Картина конфигурации девяти базовых падежей, релевантная для развёртывания дискурса, представлена в табл. 1.

При номинации предложения возникает сложный знак – синтаксическо-

актантная структура. Изначально она представляет собой означающее некоей внешней ситуации, реакцией на которую и является создание высказывания. Но одновременно с процессом семиозиса «работа» дискурсивных грамматических категорий запускает процесс формирования автономной реальности, которая подменяет изначальный денотат, занимающая его место.

Таблица 1 / Table 1

Дискурсивные позиции падежей / Discursive Positions of Cases

	Причинно-следственный маркер	Целеполагающий маркер	Пространственный маркер
Автономный модус дискурса	Nominativ	Dativ	Akkusativ
Когнитивный модус дискурса	Cenutiv	Instrumentalis	Lokativ
Коммуникативный модус дискурса	Ergativ	Ablativ	Vokativ

Таким образом, созданная в процессе лингвокреативной деятельности новая реальность дискурса становится денотатом для семантико-синтаксической структуры высказывания. Представляется, что в данном случае имеет место процесс, «противоположный» семиозису. Не знак является результатом интерпретации элемента реальности, т. е. денотата, а уже существующий знак с заданным значением выбирает себе денотат из числа доступных в процессе интерпретации пространственно-структурных конфигураций этого денотата.

Следовательно, говорить о системе падежных значений можно как о результате вторичной семантической интерпретации актантно-семиотическими элементами высказывания той или иной доступной данному языку дискурсивной конфигурации дискурса.

Рассмотрим падежи автономного модуса дискурса – номинатив, датив, аккумулятив, создающие независимую замкнутую реальность предложения.

Nominativ

Номинатив как независимый падеж представляет собой один из наиболее проблемных вопросов для классификации и анализа в рамках падежной системы. Ещё в античных грамматиках номинатив представлялся как некая «исходная форма» слова в отличие от остальных форм, и именуемых собственно падежами [1, с. 94]. Вслед за Аристотелем многие лингвисты отказывали именительному падежу в наличии специфического как семантического, так и грамматического значения, считая его непадежной формой [25, с. 317], формой, лишённой признака [31, с. 142], асинтаксической формой [20, с. 234]. При этом существует целый ряд работ, описывающих функционально-семантическую систему значений номинатива. Например, Е. В. Клобуков выделяет модальные, объектные, обстоятельственные значения именительного падежа [7]. С. А. Лутин, развивая функционально-инвариантную классификацию падежей, видит в качестве исходной функции номинатива маркирование имени генерато-

ра события [14, с. 36]. Однако в подобных работах номинатив рассматривается, исходя из глубинной семантики предложения, т. е. его актантно-синтаксического плана.

С точки зрения дискурсивной конфигурации, номинатив создаёт причинно-следственное измерение автономного модуса дискурса. Таким образом, в рамках дискурсивной логики, подлежащее в номинативе в составе предикатной пары – это причина создания реальности дискурса. Семантическая интерпретация данной дискурсивной позиции – указание на когнитивный центр пространства высказывания, прежде всего в номинативных языках. Семиотическое измерение предикативной пары – это внутренняя форма предложения как сложного знака. Соответственно, подлежащее в сочетании с предикатом в номинативных языках является в семантической структуре дискурса признаком, положенным в основу его номинации. Этот тезис коррелирует, в частности, с определением подлежащего У. Чейфа как некоторого объекта, принимаемого за «исходную точку» предложения [27, с. 300]. П. Шахтер, в свою очередь, определяя подлежащее, говорит о «главном герое пьесы (протагонисте)», о лице, «которое находится в центре событий» [30, с. 323]. Подробный обзор работ, описывающих подлежащее в номинативе как исходный пункт в семантике предложения, приводится в частности в книге С. А. Лутина «Система падежных функций в русском языке. Ч. 1. Падежи-генераторы» [14, с. 63].

При этом семантико-синтаксические различия активных и пассивных конструкций не имеют принципиального значения. Даже если грамматически или семантически подлежащее в номинативе может быть описано как объект воздействия некоего внешнего носителя действия, это не изменяет его дискурсивную конфигурацию. Например, в предложении *Дом строится рабочими* когнитивный центр высказывания акту-

ализируется лексемой *дом*. С точки зрения семиотического плана предложения в нём говорится именно о доме, семантическая схема развёртывается вокруг этого объекта, а номинатив подлежащего показывает, что *дом* – это причина возникновения внутренней реальности высказывания.

Точно такая же ситуация наблюдается в несобытийных высказываниях, семантически представляющих собой классические логические суждения:

Этот человек – преступник. Обстоятельство – это второстепенный член предложения.

Номинатив предикатива в данном случае не имеет самостоятельной дискурсивной позиции. Он обусловлен согласованием с подлежащим, что свидетельствует о включении предикатива в семантическую структуру субъекта. Признак *преступник* опционально приписывается объекту *этот человек*, становится дифференциальной семой в его семантической структуре. Гораздо интереснее ситуация регулярного для русского языка рассогласования субъекта и предикатива бытийных предложений в прошедшем и будущем времени, где предикатив встаёт в форму творительного падежа:

Этот человек – преступник. Этот человек был преступником. Этот человек будет преступником.

При принципиальной возможности постановки здесь предикатива в номинативе в конструкциях прошедшего и будущего времени ситуация использования творительного падежа в таких случаях встречается гораздо чаще, а следовательно, требует объяснения. Творительный падеж в представленной выше схеме занимает позицию целеполагающего / интерпретативного измерения когнитивного модуса дискурса. Иными словами, творительный падеж создаёт канал связи с концептосферой говорящего. Поэтому любое слово в творительном падеже является результатом приписывания говорящим главному слову в словосочетании

уникального смысла, реализующегося в конкретном предложении. Здесь актуализируется базовое социативное значение творительного падежа, фиксирующее, по определению Р. Мразека, «всякого рода отношения общности, совместности, т. е. совместного участия, связи двух явлений, сопровождающего проявления признака и т. п.» [18, с. 19].

В случае творительного падежа предикатива общая семантическая процедура остаётся неизменной. Предикатив, являясь динамическим признаком субъекта, становится дифференциальной семой его семантической структуры в рамках предложения. Но вместо согласования возникает управляющая связь субъекта и предиката, акцентирующая интерпретирующий аспект их семантической связи. Поэтому признак, выраженный предикативом, в данном случае создаёт серьёзные изменения в возникающем сложном знаке *субъект + предикатив*, аналогичные возникновению производного значения лексем. Как представляется, творительный предикатива относится к метонимическому соположению субъекта и предикатива, осмыслению субъекта через предикатив в ситуации, когда семантика ситуации запрещает дискурсивную операцию их согласования. Поскольку этот запрет связан с временной соотнесённостью высказывания, допустимо предположить, что претендующее на истинность логическое суждение по типу *X есть Y* в русском языке характерно для настоящего времени, т. е. для актуальных или универсальных отождествлений. Для ситуации прошедшего или будущего времени подобные отождествления в большинстве случаев субъективны, зависят от говорящего, что и выражается дискурсивной позицией творительного падежа предикатива.

Согласующийся номинатив предикатива возникает и в распространённых в европейских языках конструкциях *Это есть X*. Указательное местоимение занимает в таком случае место когнитивно-го центра высказывания, т. е. субъекта,

стоит в номинативе, а существительное, выступающее в роли предикатива, согласуется с ним в падежной форме.

Например, *Это книга*.

Das ist der Apfel. 'Это яблоко' (Нем.).

Hoc opus, hic labor est 'вот в чем дело, вот где труд' (Лат.).

Конструкция *Это есть X* идентична конструкции *X есть Y*, поскольку лексема *это* представляет собой дейктический заместитель одного из двух взаимодействующих в данной семантической формуле актантов. Подобная схема реализуема и с другими именными частями речи в функции предикатива:

Это хорошо.

Это пять!

Однако, поскольку функция глагола-связки и заключается в координации взаимодействия двух объектов в реальности дискурса, потребность в такой связке пропадает в высказываниях, традиционно классифицируемых как именные односоставные назывные предложения. Значение номинатива в данном случае традиционно определяется в русской грамматике как номинатив представления, именительный темы [22, с. 419].

Особенность семантической схемы подобных высказываний заключается в том, что она практически соответствует механизму лексической номинации. Собственно, любое высказывание реализует номинативную функцию. Но назывные предложения, во-первых, несобытийны, а во-вторых, имеют в своей семантической схеме всего один актант, подвергающийся процедуре номинации. Вербализованное соотнесение некоего объекта из наблюдаемой внешней реальности или чувственно-эмоционального образа в ассоциативно-вербальной сети говорящего с лексемой, грамматически являющейся именем существительным, создаёт дискурсивную реальность высказывания. В подобных предложениях появление глагола невозможно. Поэтому, как представляется, в данном случае некорректно приписывать назывному предложению

функцию постулирования существования актанта, поскольку такая функция уже создаёт нормативную двусоставную предикативную пару, где эксплицитно или имплицитно должен присутствовать бытийный глагол, например:

У него неприятности. У него были неприятности.

В односоставных номинативных предложениях субъект и его дискурсивный признак (предикат) неотличимы и неотделимы друг от друга в семантической схеме высказывания. Так в высказываниях «Москва...» и «Москва.» вне зависимости от их функциональных различий говорится о Москве (субъект), и этот реально наблюдаемый объект или активированное в концептосфере говорящего представление обозначаются как Москва (предикат). То, что делает их независимыми языковыми реальностями, создаётся, в первую очередь, приписыванием всем назывным односоставным предложениям грамматической категории модальности. А в языках, обладающих грамматической категорией падежа для существительного, постановка субъекта высказывания в определённый падеж задаёт дополнительную дискурсивную конфигурацию высказывания. Наиболее распространённой является ситуация постановки субъекта назывного высказывания в именительный падеж. В данном случае номинатив соотносится с реализацией онтологической стратегии номинации – номинации по сути. Для языкового мышления, как известно, характерны два способа номинации – конвенциональный (по традиции) и онтологический (по сути). Номинация в процессе создания высказывания в отличие от лексической номинации всегда носит онтологический характер, задаёт совокупность таких свойств, без которых актант неспособен существовать в данном дискурсе. Подобное понимание сущности актанта соответствует появлению у него причинного измерения, создаваемого номинативом.

Назывная функция номинатива может реализовываться в семантической схеме предложения и в конструкциях типа:

Мы живём в гостинице «Россия».

У оперы «Севильский цирюльник» необычный финал.

В данном случае имена собственные, являясь определением других существительных в семантико-синтаксической схеме предложения, стоят в номинативе, хотя не имеют никакого отношения к субъектам приведённых высказываний. Приписывание объекту уникального имени соответствует осмыслению номинации как познанию его сущности, что требует в русском языке создания причинного измерения дискурса. Причём акцент делается на независимых и от говорящего, и от влияния внешних реальностей характеристиках именуемого объекта.

Как было указано выше, модальность – ярко выраженная черта односоставных именных предложений вне зависимости от падежных форм существительных. Достаточно часто модальность принимает императивный характер:

Спокойной ночи!

Свободу попугаям!

Спокойствие! Только спокойствие!

Иванов? – Я!

Последний из приведённых примеров представляет собой сочетание назывной функции и перлокутивного потенциала. Здесь именование объекта необходимо для привлечения его внимания и побуждения к совершению определённого действия. Как представляется, действующая прагматическая модель номинации как перлокутивного акта создала возможность возникновения вокативного номинатива в языках, где дискурсивная позиция вокатива потеряла релевантность и исчезла из возможного набора дискурсивных позиций имён. В индоевропейских языках, например, замена вокатива номинативом – типичная эволюция па-

дежной системы. При этом исчезновение вокатива не отразилось на функционировании в речи обращений, изменилась их дискурсивная интерпретация. Если конструкция древнерусского языка *О сыне!* в соответствии с дискурсивной позицией вокатива интерпретирует обращение как линейную связь с другой реальностью, пространственное измерение коммуникативного модуса дискурса, то замена вокатива номинативом переносит обращение в пространство автономного модуса дискурса, в семантическом плане высказывания присваивая ему функцию приписывания имени, чего не наблюдается в собственно вокативной конструкции.

Dativ

С. А. Лутин и И. К. Алексева, обозначая инвариантную функцию современного дательного падежа русского языка как маркирование «зоны потенциальной фиксации результата события». При этом актант в дательном падеже, с одной стороны, не участвует в действии, а с другой стороны, причастен к нему [15, с. 29].

Более древний инвариант дательного падежа, по мнению авторов, – это указание на «партиципанта события, в зоне которого находится другой партиципant» [15, с. 29]. Выраженная объектность дательного падежа [21, с. 96] является, как представляется, свидетельством его роли в организации внутреннего модуса дискурса, где дательный падеж маркирует дискурсообразующие актанты с целеполагающими характеристиками. Дискурсивная трактовка дательного падежа позволяет объединить как объектные, так и обстоятельственные значения словоформ в дательном падеже, а также однозначно описать способ участия актанта в дательном падеже в общей семантической ситуации предложения.

Как представляется, любое слово в дательном падеже независимо от его синтаксической функции участвует в формировании автономного модуса дискурса, придавая реальности предложения

целеполагающее измерение. А поскольку Э. Гуссерль конституирует интенциональность как бытийный смысл предмета [4, с. 93], целеполагание целесообразно отождествлять со смыслополаганием.

Поэтому некорректно, на наш взгляд, относить дательный падеж к вторичным или периферийным падежам, как это делает, например, Е. Курилович [11, с. 196] или Р. Якобсон [31, с. 152]. Дискурсивная матрица падежей в принципе не предполагает существование некоей иерархии падежей, каждый из них занимает своё место в наборе возможностей создания дискурсивных конфигураций при рождении высказывания на том или ином языке. Этот тезис особенно важен в отношении дательного падежа, поскольку функционально-лексическая теория падежа, развиваемая в рамках генеративной грамматики [32], например, противоречиво трактует место дательного падежа в дихотомии структурных и семантических падежей. Как отмечается в литературе, «граница между грамматическими и семантическими падежами не является абсолютно жесткой» [17, с. 666]. Языковые данные свидетельствуют, что различные варианты употребления дательного падежа проявляют то ярко выраженную структурную функциональность, то однозначную семантическую соотнесённость [34, р. 573], для дательного падежа характерна «значительная свобода поведения в процессе речепроизводства» [19, с. 71]. Однако и в работах, основанных на структурно-семантической классификации падежей, можно увидеть указание на целеполагающую семантику датива. Например, Эшид Нэсс причисляет целеуказание к типичным функциям дательного падежа [34, р. 580]. Э. Вулфорд, разделяя падежи на структурные и неструктурные, а последние на лексические и ингерентные, также указывает на тесную связь дательного падежа с обозначением целей [36, р. 123].

Проблемы дихотомии «структурная vs лексическая соотнесённость» при ана-

лизе дательного падежа могут быть сняты, если любое слово в дательном падеже интерпретировать как смыслообразующий актант внутренней реальности дискурса. Например, в сочетаниях *угроза безопасности, приходится кому-либо отцом, написать сообщение начальнику* все слова в дательном падеже создают осмысление развёртывания внутренней реальности дискурса. В некоторых случаях целеполагающая / интерпретирующая перспектива дискурса может принимать вид наблюдателя, от которого зависит протекание действия.

Так происходит в сочетании *приходиться кому-либо отцом*, т. е. с точки зрения отца; *тут ему и конец пришёл*, т. е. конец пришёл не объективно, а для наблюдателя, выраженного дательным падежом.

Позиция наблюдателя, изменяющего протекание ситуации в мире, актуализируется и в эргативных конструкциях, когда дательный падеж соотносится с когнитивным центром высказывания (субъектом). А. В. Циммерлинг указывает при этом, что дательно-предикативные структуры русского языка в большинстве случаев «автореферентны и обозначают слабо контролируемые ситуации, допускающие интроспективное описание носителем состояния в актуальном настоящем времени» [26, с. 55]. Соответственно, русские конструкции *Мне плохо. Тут и сказочке конец* могут быть интерпретированы как эргативные конструкции с субъектом-интерпретантом в форме дательного падежа. Сходная ситуация имеет место, например, в грузинском языке с такими глаголами как *спать, скушать, завидовать, верить*, семантически, очевидно, соотносящимися со значением интерпретатора действия.

Akkusativ

Винительный падеж задаёт пространственное измерение автономного модуса дискурса. В семантической интерпретации позиция винительного падежа полу-

чает инвариантное значение пространственного предела действия глагола.

Как указывалось выше, теории падежа практически всегда рассматривали данную грамматическую категорию именно в семантическо-синтаксическом аспекте. Связь винительного падежа с предикатом, с семантической валентностью глагола неизбежно бросается в глаза при семиотическом подходе. Поэтому достаточно часто указывалось на особое место винительного падежа в системе. Так, Е. Курилович ставит «грамматический» винительный падеж на первое место в падежной иерархии, относя его к скелету подлинных индоевропейских падежей [11, с. 195–196]. Ю. С. Степанов в диатезной теории падежей, в свою очередь, говорит о том, что «винительный падеж есть одновременно классификация типов переходности русского глагола» [24, с. 139]. Столь тесная связь винительного падежа с предикатом объясняется, однако, динамическим характером последнего. Именно предикат через глагольные дискурсивные категории даёт импульс к автономному развитию дискурса. Реальность дискурса, как и любая реальность, динамична по своей природе. Для своего развития из «точки отсчёта», по определению У. Чейфа, реальности необходимо пространство.

Несомненно, существует целый ряд грамматических способов упорядочить и сформировать внутреннее пространство дискурса, например, согласовательная связь в словосочетаниях, порядок слов и т. д. Но при наличии в языке категории падежа и существовании винительного падежа, т. е. пространственного измерения автономного модуса дискурса, любое слово в винительном падеже будет задавать границу этого пространства. При этом граница пространства имеет широкий спектр возможных интерпретаций в семиотическом аспекте в зависимости от синтаксической функции соответствующего слова. Она может быть интерпретирована в терминах «всеохватности». Так,

по мнению А. А. Шахматова, винительный падеж означает, что глагольный признак распространяет своё действие на всю зависимую от него субстанцию [29, с. 314]. Я. Гримм говорил о полном овладении предметом в аккумулятиве со стороны глагола в предложении [33, S. 646].

Более точно сформулировал семантический инвариант винительного падежа Р. Якобсон. По его мнению, «винительный падеж всегда свидетельствует о том, что какое-то действие до некоторой степени направлено на указанный предмет, сказывается на нем, его охватывает» [31, с. 140]. От фокусировки действия глагола на объекте остаётся всего один шаг до тезиса о пределе пространства, обозначаемого винительным падежом. Об этом, в частности, пусть и с оговоркой, говорит Ю. С. Степанов, постулируя существование «винительного предела», не входящего в систему глагольных перифраз, который имеет особую функцию – функцию ограничения действия [24, с. 146]. Л. Лёнгрэнн, рассматривая предложные конструкции с винительным падежом, определяет данный падеж как «конечную точку перемещения или соприкосновения плюс обязательный физический контакт между этой точкой и передвигаемым объектом» [12, с. 71]. На пространственные характеристики винительного падежа указывает и С. А. Лутин [13, с. 160].

Таким образом, винительный падеж независимо от синтаксической функции слова в предложении всегда будет создавать границу пространственного развития дискурса, задаваемого грамматическими категориями предиката. И если в предложении несколько таких слов, то пространство развития дискурса будет иметь несколько разноприродных границ. Природа этих границ, в свою очередь, определяется уже на семантико-синтаксическом плане предложения. Например, дискурс высказывания *Я читал книгу всю ночь* формирует два предела развития действия, которые задаются элементом (А) *книга* и элемен-

том (В) *ночь*. Таким образом, мы имеем два предела – пространственный и темпоральный. С точки зрения конфигурации дискурса, никакой принципиальной разницы между (А) и (В) не существует. Но семантико-синтаксический анализ высказывания заставляет нас прийти к выводу о том, что первый элемент – объект действия, а второй – обстоятельство. При этом мы выходим из дискурсивного измерения высказывания и попадаем в семиотическое, где и формулируем тезис о двух значениях винительного падежа, реализуемых в данном высказывании: 1) актанта, претерпевающего воздействие и изменение вследствие глагольного действия; 2) временной маркер пространства действия.

Заключение

В ходе проведённого исследования были сделаны следующие выводы.

1. Грамматическая категория падежа обладает не семиотической, а дискурсивной природой.

2. Базовая функция падежей – образовывать маркеры существования дискурсивной реальности: пространственный, причинный и целеполагающий.

3. Номинатив, датив и аккумулятив представляют собой дискурсивные позиции имён, создающие автономный модус внутренней реальности дискурса и не зависящие от синтаксической функции имён или валентности управляющего глагола. Соответственно, номинатив реализует причинное измерение внутренней реальности дискурса, аккумулятив – пространственное, а датив – целеполагающее или интерпретативное.

4. Связь падежных позиций с семантико-синтаксической структурой предложения осуществляется как соотношение денотата (реальности предложения) и значения (его семантической формулы). Таким образом, система значений конкретного падежа не восходит к некоему инварианту, обусловленному исторически или репрезентирующему глубин-

ные семантические структуры. Значения падежей представляют собой совокупность результатов означивания / интерпретации денотата. Они могут проявлять семантическое сходство, но общего инварианта не имеют.

5. Номинатив маркирует причину существования автономной реальности дискурса, что семантически интерпретируется как реализация номинативной функции высказывания. Поэтому номинатив связан с семантическими позициями: подлежащего, несогласованного приложения, выраженного именем собственным, обращения.

6. Датив маркирует целеполагающее измерение автономной реальности дискурса. Он связан с наличием в дискурсе универсальной позиции внутреннего наблюдателя-интерпретанта, с которой семантически соотносятся все многообразные значения датива.

7. Аккузатив маркирует пространственное развитие внутренней реальности дискурса. Семантически значения аккузатива вне зависимости от синтаксической функции имени соотносятся с

пределом действия, обозначенного глаголом.

В заключение следует отметить, что перспективным представляется системное описание падежных значений отдельных языков в логике их дискурсообразующих функций. Исследование соотношения падежных конфигураций и семантических формул словосочетаний целесообразно проводить, используя методику фразообразовательного моделирования для анализа когнитивных метафор, которые возникают при наложении актантно-синтаксической схемы предложения на дискурсивные позиции имён в реальности высказывания. Полученные результаты могут быть использованы при дальнейшей разработке теории синтаксиса, в частности, представить альтернативу теориям формального синтаксиса. В педагогической практике они могут также применяться при чтении курсов общего языкознания, когнитивной лингвистики, теории дискурса и теоретической грамматики.

Дата поступления в редакцию 31.08.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 92–116.
2. Астен Т. Б. Синтактика грамматической категории падежа // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 6. С. 73–81.
3. Валентинова О. И., Рыбаков М. А. Падежные системы тюркских языков южной Сибири (сопоставление с использованием геометрического моделирования) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 2. С. 72–84. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.2.6.
4. Гайденок П. П. Проблема интенциональности у Гуссерля и экзистенциалистская категория трансценденции // Современный экзистенциализм. М.: Мысль, 1966. С. 77–107.
5. Дрёмов А. Ф. Системная теория падежей и ее место в эволюции взглядов на падеж в лингвистике XX века // Русский язык: исторические судьбы и современность: международный конгресс исследователей русского языка, Москва, 13–16 марта 2001 г.: труды и материалы. М.: МГУ, 2001. С. 164–165.
6. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой; под ред., с предисл. Б. А. Ильиша. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 405 с.
7. Клобуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке (введение в методику позиционного анализа). М.: Изд-во МГУ, 1986. 117 с.
8. Князева Н. А. К вопросу о типологических признаках категории падежа в английской и русской грамматике // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы II Международного научного конгресса / под ред. Е. В. Полховской. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 278–285.

9. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис: Кучково поле, 2001. 270 с.
10. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
11. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 175–203.
12. Лённгрен Л. Русский предлог *о* с винительным падежом: валентностный анализ // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.467.
13. Лутин С. А. Инвариантные функции русских падежей и коммуникативный прогноз // Міжнародний науковий журнал Інтернаука. 2017. № 1. С. 157–161.
14. Лутин С. А. Система падежных функций в русском языке. Ч. 1. Падежи-генераторы. М.: Де`Либри, 2019. 202 с.
15. Лутин С. А., Алексеева И. К. О дательном падеже, косвенном объекте и «голой направленности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 2. С. 25–32.
16. Лютикова Е. А. Дифференцированное маркирование аргументов в формальных моделях падежа // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. 2017. Т. 13. № 3. С. 11–40.
17. Лютикова Е. А. Падежная морфология, синтаксические категории и проблема классификации падежей // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. 2017. Т. 13. № 1. С. 652–679.
18. Мразек Р. Синтаксис русского творительного. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964. 285 с.
19. Норман Б. Ю. «Необязательный» дательный падеж при русском глаголе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 61–74. DOI: 10.17223/19986645/53/5.
20. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
21. Рожкова А. В. Значения дательного падежа в ранней древнерусской гимнографии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 9 (152). С. 92–97.
22. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович и др. М.: Наука, 1980. 709 с.
23. Рыбаков М. А., Мохаммед М. Х. Х. Морфологическая категория падежа в русском, арабском и донгольском (нубийском) языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 9. С. 320–324. DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.58.
24. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989. 248 с.
25. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. М.: Учпедгиз, 1957. 471 с.
26. Циммерлинг А. В. Автореферентность и классы предикативных слов // Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий / отв. ред. В. В. Казаковская, М. Д. Воейкова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. С. 23–58.
27. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982. С. 277–316.
28. Чилингарян К. П. Грамматика падежа как структурно-семантический инструмент типологии номинативных языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 18 с.
29. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
30. Шахтер П. Рольевые и референциальные свойства подлежащих // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982. С. 317–355.
31. Якобсон Р. К общему учению о падеже // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133–175.
32. Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework // Step by step. Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik / ed. R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. P. 89–155.

33. Grimm J. Deutsche Grammatik. Viertes Buch. Syntax. Gottingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1837. 964 S.
34. Næss Åshild. Varieties of Dative // The Oxford Handbook of Case / ed. A. L. Malchukov, A. Spencer. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 572–580.
35. The Oxford Handbook of Case / ed. A. L. Malchukov, A. Spencer. Oxford: Oxford University Press, 2012. 960 p.
36. Woolford E. Lexical Case, Inherent Case, and Argument Structure // Linguistic Inquiry. 2006. Vol. 37. № 1. P. 111–130.

REFERENCES

1. Aristotle. [On the interpretation]. In: Aristotle. *Sochineniya*. T. 2 [Works. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1978, pp. 92–116.
2. Asten T. B. [Syntactics of grammatical category of case]. In: *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [The Humanities and social sciences], 2017, no. 6, pp. 73–81.
3. Valentinova O. I., Rybakov M. A. [Case systems of Turkic languages of Southern Siberia (comparison with geometric modeling)]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniiye* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 72–84. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.2.6.
4. Gaidenko P. P. [The problem of intentionality in Husserl and the existentialist category of transcendence]. In: *Sovremennyy ekzistentsializm* [Modern existentialism]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, pp. 77–107.
5. Dremov A. F. [The system theory of cases and its place in the evolution of views on case in linguistics of the XX century]. In: *Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost': mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka, Moskva, 13–16 marta 2001 g.* [Russian language: historical fate and modernity: international congress of researchers of the Russian language, Moscow, March 13–16, 2001]. Moscow, Moscow State University Publ., 2001, pp. 164–165.
6. Jespersen O. *The philosophy of grammar* (Rus. ed.: Passek V. V., Safronova S. P., transl. *Filosofiya grammatiki*). Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1958. 405 p.
7. Klobukov Ye. V. *Semantika padezhnykh form v sovremennoy russkom literaturnom yazyke (vvedeniye v metodiku pozitsionnoy analiza)* [Semantics of case forms in the modern Russian literary language (introduction to the method of positional analysis)]. Moscow, Moscow State University Publ., 1986. 117 p.
8. Knyazeva N. A. [On the issue of typological features of the category of case in English and Russian grammar]. In: *Inostrannaya filologiya. Sotsial'naya i natsional'naya variativnost' yazyka i literatury: materialy II Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa* [Foreign Philology. Social and national variability of language and literature: materials of the II International Scientific Congress]. Simferopol, IT «ARIAL» Publ., 2017, pp. 278–285.
9. Krasnykh V. V. *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* [Fundamentals of psycholinguistics and communication theory]. Moscow, Gnozis Publ., Kuchkovo pole Publ., 2001. 270 p.
10. Kubryakova Ye. S. *Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to obtaining knowledge about the language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p.
11. Kurilovich Ye. [The problem of classification of cases]. In: *Ocherki po lingvistike* [Essays on linguistics]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1962, pp. 175–203.
12. Lonngren L. [The Russian preposition o with the accusative case: a valency analysis]. In: *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2020, vol. 42, no. 3, pp. 71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.467.
13. Lutin S. A. [Invariant functions of Russian cases and communicative forecast]. In: *Міжнародний науковий журнал Інтернаука*, 2017, no. 1, pp. 157–161.
14. Lutin S. A. *Sistema padezhnykh funktsiy v russkom yazyke. Ch. 1. Padezhi-generatory* [Case functions system in Russian. P. 1. Case generators]. Moscow, De` Libri Publ., 2019. 202 p.
15. Lutin S. A., Alekseeva I. K. [On the dative case, indirect object and “naked direction”]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2011, no. 2, pp. 25–32.

16. Lyutikova Ye. A. [Differential argument marking in the formal theories of case]. In: *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 2017, vol. 13, no. 3, pp. 11–40.
17. Lyutikova Ye. A. [Case morphology, syntactic categories and taxonomy of case forms]. In: *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 2017, vol. 13, no. 1, pp. 652–679.
18. Mrazek R. *Sintaksis russkogo tvoritel'nogo* [Syntax of the Russian instrumental case]. Praha, Státní pedagogické nakladatelství, 1964. 285 p.
19. Norman B. Yu. [The “redundant” dative case with the Russian verb]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2018, no. 53, pp. 61–74. DOI: 10.17223/19986645/53/5.
20. Peshkovskiy A. M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 544 p.
21. Rozhkova A. V. [Meanings of the dative case in the early old Russian hymnography]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2020, no. 9 (152), pp. 92–97.
22. Bryzgunova Ye. A., Gabuchan K. V., Tsikovich V. A. et al. *Russkaya grammatika. T. 2. Sintaksis* [Russian grammar. Vol. 2. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 709 p.
23. Rybakov M. A., Mohammed M. Kh. H. [Morphological category of case in the Russian, Arabic and Dongolawi (Nubian) languages]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2020, vol. 1, no. 9, pp. 320–324. DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.58.
24. Stepanov Yu. S. *Indoyevropeyskoye predlozheniye* [Indo-European proposal]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 248 p.
25. Fortunatov F. F. *Izbrannyye trudy. T. 2* [Selected Works. Vol. 2]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 471 p.
26. Zimmerling A. V. [Autoreferentiality and classes of Russian predicatives]. In: *Problemy funktsional'noy grammatiki: Otnosheniye k govoryashchemu v semantike grammaticheskikh kategoriy* [Problems of functional grammar: Attitude to the speaker in the semantics of grammatical categories]. Moscow, Izdatel'skiy Dom YASK Publ., 2020, pp. 23–58.
27. Chafe W. [Data, contrast, certainty, subject, topics and point of view]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 11. Sovremennyye sintaksicheskiye teorii v amerikanskoy lingvistike* [New in foreign linguistics. Iss. 11. Modern syntactic theories in American linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1982, pp. 277–316.
28. Chilingaryan K. P. *Grammatika padezha kak strukturno-semanticheskiiy instrument tipologii nominativnykh yazykov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Case grammar as a structural and semantic tool for the typology of nominative languages: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2022. 18 p.
29. Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 624 p.
30. Schachter P. [Role and referential properties of subjects]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 11. Sovremennyye sintaksicheskiye teorii v amerikanskoy lingvistike* [New in foreign linguistics. Iss. 11. Modern syntactic theories in American linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1982, pp. 317–355.
31. Jacobson R. [On the general doctrine of the case]. In: Jacobson R. *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 133–175.
32. Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. In: Martin R., Michaels D., Uriagereka J., eds. *Step by step. Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Cambridge, MA, MIT Press, 2003, pp. 89–155.
33. Grimm J. *Deutsche Grammatik. Viertes Buch. Syntax*. Gottingen, Dieterichsche Buchhandlung, 1837. 964 S.
34. Næss Åshild. Varieties of Dative. In: Malchukov A. L., Spencer A., eds. *The Oxford Handbook of Case*. Oxford, Oxford University Press, 2008, pp. 572–580.
35. Malchukov A. L., Spencer A., eds. *The Oxford Handbook of Case*. Oxford, Oxford University Press, 2012. 960 p.
36. Woolford E. Lexical Case, Inherent Case, and Argument Structure. In: *Linguistic Inquiry*, 2006, vol. 37, no. 1, pp. 111–130.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чикина Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Педагогического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых;
e-mail: despoyna@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena E. Chikina – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, The Pedagogical Institute, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs;
e-mail: despoyna@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чикина Е. Е. К вопросу о специфике падежей автономного модуса дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 51–65.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-51-65

FOR CITATION

Chikina E. E. On the specificity of the cases of autonomous discourse modus. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 6, pp. 51–65.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-51-65

УДК 81'42:821.111-1(6/7)''19/192''
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-66-80

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУБЪЕКТА ОЦЕНОЧНОЙ СИТУАЦИИ В АФРОАМЕРИКАНСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА

Чугунекова Г. Н.¹, Тюльберова А. О.^{1,2}

¹ Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
655017, Республика Хакасия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90, Российская Федерация

² Хакасская национальная гимназия-интернат имени Н. Ф. Катанова
655003, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Крылова, д. 35, Российская Федерация

Аннотация

Цель данной работы заключается в выявлении языковых способов репрезентации субъекта рамочной структуры оценочной ситуации в афроамериканском стихотворении периода Гарлемского ренессанса.

Процедура и методы. При проведении исследования применяются общенаучные методы синтеза и анализа, в частности, синтез базовых положений теории языковой оценки, анализ оценочной структуры поэтического текста, а также активно используются контекстуальный анализ и интерпретация дефиниций лексических единиц.

Результаты. Исследователями проанализировано около 60 текстов двух поэтов – Лэнгстона Хьюза и Каунти Каллена. Описаны способы репрезентации субъекта ситуации оценивания в текстах афроамериканских авторов: выявлены три модели преставления субъекта оценивания в стихотворениях. Анализ также установил, что для данных высказываний заметной особенностью является использование местоимения первого лица множественного числа для обозначения субъекта оценивания, афроамериканский поэт объединяет своё «я» со своим народом в контексте высказывания.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования позволяют указать на лингвокультурные особенности построения оценочной коммуникативной ситуации, обращая внимание на проявления базовых компонентов оценочной рамки высказывания. Исследование дополняет интерпретационные возможности речевого высказывания, что позволяет применять данные этой работы в курсе теоретических лингвистических дисциплин.

Ключевые слова: субъект оценочного текста, оценка в тексте, оценочная коммуникативная ситуация, афроамериканская литература, афроамериканское стихотворение, имплицитный субъект оценочного текста, эксплицитный субъект оценочного текста

REPRESENTING SUBJECT IN EVALUATIVE SITUATION OF AFRICAN-AMERICAN POEMS IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

G. Chugunekova¹, A. Tulberova^{1,2}

¹ Katanov Khakass State University
prospekt Lenina 90, Abakan 655017, Republic of Khakassia, Russian Federation

² Khakass National Gymnasium named after N. Ph. Katanov
ulitsa Krylova 35, Abakan 655003, Republic of Khakassia, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the linguistic ways of representing a subject of a framework structure of the evaluation situation in an African-American poem of the Harlem Renaissance period.

Methodology. The study employs the general scientific methods of synthesis and analysis, in particular, synthesis of the basic provisions of the language assessment theory, as well as contextual analysis and interpretation of the lexical units definitions.

Results. About 60 poems by two poets, Langston Hughes and County Cullen, have been analyzed. The article points out the ways of representing the subject of the assessment situation in the poems by African-American poets: these are three models representing opinion bearer in different poems. The results also state the use of the first-person plural pronoun to denote the position of the subject, the African-American poet often unites his personality and his nation in the text.

Research implications. The research gives a possibility to discern the linguistic and cultural features of the evaluative communicative situation construction, paying special attention to manifestations of the basic components of the utterance evaluative framework. The results of this research complement the interpretive capabilities of speech utterance which allows to apply the obtained data in the academic courses of theoretical linguistic disciplines.

Keywords: subject (or opinion bearer) in a text with evaluation, evaluation in text, evaluative communicative situation, African-American literature, African-American poem, implicit subject of evaluation, explicit subject of evaluation

Введение

Актуальность исследования основана на необходимости уточнения имеющихся сведений о категории языковой оценки, способах её проявления в разных видах дискурса, в частности, этническом. Важно определить особенности проявления этнического языкового опыта в оценочной структуре речевого высказывания.

Немаловажным является тот факт, что афроамериканские поэты выстраивают свои речевые высказывания определённым образом, подбор языковых средств осуществляется ими с опорой на культурный опыт, следовательно, задействованы специфичные фреймовые структуры языкового сознания и элементы категории оценки. С этой точки зрения афроамериканское стихотворение как тип высказывания представляется малоизученным. На данном положении основывается новизна исследования.

В прошлом и в нынешнем веке представители афроамериканского сообщества демонстрируют своё недовольство социальным устройством и открыто выражают свою готовность противостоять случаям расовой нетерпимости. Под девизом “Black Lives Matter” аккумулируются

базовые потребности этнического сообщества: рассчитывать на уважение со стороны сограждан, иметь равные возможности и права. Эти идеи выражаются, в том числе, и через поэтические тексты, что создавались в 20-е гг. XX в. Формулировка социальных проблем в языковом опыте афроамериканцев даёт важные данные для анализа стихотворного высказывания, так как они входят в факультативную часть оценочной рамки, представляя собой оценочные стереотипы. Оценочные стереотипы поддерживают основание оценочной рамки высказывания. Таким образом, вербальная констатация фактов социального неустройства и связанного с ним недовольства среди афроамериканцев может служить элементом основания оценочной структуры, позволяющим наиболее точно выполнить анализ оценочной структуры высказывания.

На современном этапе интерес исследователей к категории языковой оценки только растёт, появляются исследования, нацеленные на уточнение и определение рамок этой теории, выявляются формулы построения языковой оценки и необходимые условия формирования оценоч-

ного смысла высказывания. За последние 20 лет появились результаты исследований на основе различных подходов к категории оценки. Так, в 2000 г. выходит в свет "Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse" – совместное издание лингвистов, представителей разных стран, под редакцией С. Ханстон и Д. Томсона (S. Hunston and G. Thompson), в котором представлены разные терминосистемы для анализа оценочного аспекта речи [22], в 2006 г. вышла в свет монография "Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus" лингвиста М. Беднарек (M. Bednarek) [21]. В современной отечественной лингвистике исследователь А. А. Ширяева в своей статье на новом современном эмпирическом материале подтверждает проявление оценки на уровнях языка: "фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом" [20]. Исследователь И. Б. Кривченко с помощью современных программ проводит отбор оценочной лексики, разделяя свой эмпирический материал по тематическому признаку [9]. Исследователи А. Ю. Багрян и М. Л. Авакова применяют систему терминов и теоретических положений существующей теории языковой оценки к современному материалу, анализируя педагогический интернет-дискурс [3]. Языковеды учитывают и морфологические возможности языка в функционировании оценки, что демонстрируется в результатах исследования Т. В. Маркеловой и М. В. Петрушиной, которое проводилось на русскоязычном эмпирическом материале [11].

Ранее к вопросам, связанным с категорией оценки, оценочностью, структурой оценочного высказывания, обращались и получали значимые результаты такие известные исследователи, как Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова, А. А. Ивин, Т. В. Маркелова. [2; 6; 8; 12].

Так, например, Е. М. Вольф изначально определяет оценку, как «один из видов модальностей, которые накладываются

на дескриптивное содержание языкового выражения» [6, с. 11]. Она выделяет целый класс субъективных модальностей, в структуру которых входит «представление о стереотипной картине мира и/или нормативных соотношениях её элементов» [Там же, с. 179]. Примерами такой модальности являются модальность оценки хорошо/плохо, модальность «странности», «удивления», «неожиданности». Всех их сближает общность структуры модальной рамки, в которую входит целый ряд элементов: субъект оценки, её объект, объединяющий их оценочный предикат, а также другие составляющие.

Языковая оценка оказывает воздействие на адресата. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, оценочное высказывание само по себе выражает коммуникативную цель рекомендации побуждения к действию, похвалы, осуждения или предостережения. Говорящий, выражая оценку чего-либо, стремится воздействовать на слушателя, в частности на его эмоциональное состояние, пытаясь тем самым изменить его. Актуальной остаётся и классификация аксиологических значений, предложенная Н. Д. Арутюновой [2, с. 75–76].

В современном стилистическом словаре в форме обобщения Е. А. Баженова предлагает обзор понятия категории оценки¹. Термин «категория оценки» представлен как совокупность равноуровневых языковых единиц, объединённых оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи. Отмечается, в частности, что «в тексте оценка чаще всего не независима, а входит как часть в общее изложение и органически связана с дескриптивной стороной произведения в целом»². Пред-

¹ Баженова Е. А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 139–146

² Баженова Е. А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка /

ставлены разные жанры речи и классы основных языковых средств, используемых для реализации оценки в текстах разных жанров. Указано также, что «оценка характеризуется особой структурой – модальной рамкой, которая накладывается на высказывание и не совпадает ни с его логико-семантическим, ни с синтаксическим построением»¹. В структуре модальной рамки выделяют субъект, объект, связанные оценочным предикатом, шкалу оценок, оценочные стереотипы.

Значимы недавние результаты отечественных исследователей в данной области. М. Ф. Шацкая отмечает взаимовлияние эмоциональных и рациональных оценок на фоне ценностных представлений человека [19, с. 87–88]. К. В. Пантеева подтверждает неразрывность объективного и субъективного факторов в оценке на современном русскоязычном материале: «субъективное и объективное в оценке образуют диалектическое единство» [13, с. 50]. Важные положения отмечены в работе С. Е. Бычковой, где автор определяет характер «ценности», как основного термина теории, и соотношение оценочного отношения с нормой [4, с. 100–101].

Гипотезой для данного исследования послужило предположение о специфичном характере проявления категории оценки в обособленной группе (подготовленных, не спонтанных) высказываний, а, именно, в поэтических текстах афроамериканских поэтов Каунти Каллена и Лэнгстона Хьюза. При анализе учитывается тот факт, что данные высказывания демонстрируют речевое поведение представителей сообщества с особым национальным и культурным опытом.

Целью исследования стало определение языковых способов представления субъекта рамочной структуры оценоч-

ной ситуации в афроамериканском стихотворении периода Гарлемского ренессанса. Цель достигается путём решения задач:

1) выявления основных элементов оценочной структуры в коммуникативной ситуации выбранных стихотворных высказываний;

2) определения языковых средств, с помощью которых обозначена зона субъекта оценочного отношения;

3) классификации случаев проявления субъекта оценочной ситуации по критерию эксплицитности и имплицитности.

Методология

Языковая оценка представляет собой сложное и многоаспектное явление. Известные исследователи сходятся в основных положениях и взглядах на теорию оценки. В. Н. Телия указывает, что субъект оценки представляет собой лицо, социальный коллектив, часть социума, социум в целом, приписывающие ценность некоторому предмету путём выражения оценки [15, с. 56]. Субъект оценки служит источником ментального действия, организующим началом в композиции оценочных ситуаций. Его отношением обуславливается сама возможность реализации процесса оценивания и появление оценочного высказывания, как отмечает А. А. Ивин [8, с. 125]. Исследователь М. В. Головня также отмечает, что устройство категории оценки в рамках отдельного речевого высказывания содержит четыре компонента: оценивающий субъект, оцениваемый объект, основание оценки и характер оценки [7, с. 62]. С. Д. Погорелова и А. С. Яковлева указывают на наличие в структуре оценочного высказывания набора элементов более 4, добавляя к ранее упомянутым компонентам факультативные составляющие: предмет (квалификация оценки), инструмент оценки, шкала оценки, оценочный стереотип, слушающий [14, с. 99]. Таким образом, в ходе анализа оценочного вы-

под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 140.

¹ Баженова Е. А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 139–140.

сказывания (которым в рамках данного исследования является стихотворный текст) ведётся описание зоны оценивающего субъекта и оцениваемого объекта. При этом исследователь применяет свои знания о типичном развёртывании модели ситуации в анализируемом тексте стихотворения. Он опирается на обозначенные элементы ситуативной модели, представленные в самом тексте. На этом этапе контекстуальный анализ становится наиболее удобным инструментом, так как он позволяет определить условия коммуникативной ситуации и связи внутри этой ситуации.

Часто (и типично для поэтического текста) зона субъекта выражается через глагольные формы, местоимения, иногда только через обозначение объекта оценивания или отношения к нему.

Далее, в ходе анализа оценочного высказывания определяется, какими оценочными признаками наделён объект, что является маркером характера оценки. Основание оценки выявляется по словесным элементам, которые в тексте обозначают сам субъект, объект, условия коммуникативной ситуации. Так выстраивается рамка оценочной модели. Далее словесные комплексы с их внутренними или контекстуально-усвоенными показателями оценочности, выявляющими отношение автора или актанта ситуации к ситуации в тексте, позволяют определить характер оценки высказывания.

Поэтический текст является особенным типом текста, в котором слова проявляют определённые импликационные характеристики, в том числе оценочные семы, которые иногда не зафиксированы словарём. Как отмечал в своём труде В. В. Виноградов: «Лингвистический анализ текста художественного произведения требует глубоких знаний слова, его различных свойств и речевых возможностей ... В ходе лингвистического анализа нужно обязательно учитывать изменения значений слов» [5, с. 312–313]. И. В. Арнольд указывает на актуальность

знаний и опыта читателя при восприятии поэтического текста и подчёркивает, что «актуализация скрытых и импликационных сем происходит в речи» [1, с. 63].

Целью данного исследования стало выявление лингвистических средств репрезентации субъекта оценочной ситуации, а также классификация случаев проявления субъекта по критерию эксплицитности и имплицитности. Поэтому в статье даётся классификация случаев появления в тексте имплицитного и эксплицитного субъекта и описание выявленных языковых средств лексического уровня.

В работе с поэтическим текстом способствует также контекстуальный анализ. Метод контекстуального анализа реализуется в лингвистике путём анализа условий функционирования единицы языка в составе речевого образования – контекста [10, с. 122]. А. В. Леонтьева подчёркивает, что предметом современного контекстуального анализа выступает «словесный текст, ситуация речи, т. е. связный текст, рассматриваемый в совокупности с прагматическими, социолингвистическими, культурологическими и иными экстралингвистическими факторами» [Там же, с. 123]. В отличие от анализа оценочной ситуации контекстуальный анализ позволяет увидеть основные черты ситуации, в которой разворачивается описание действия или состояния: актант выполняет определённые действия, либо выражает своё суждение.

Описание значения слова в словарной статье является надёжным источником сведений о наличии или отсутствии оценочной характеристики в составе дефиниции того или иного слова в тексте. Дефиниционный анализ является формулировкой семантических признаков на основе существующих словарных дефиниций [16, с. 104]. Словарное описание структуры значения словесных единиц поэтического текста позволяет уточнить или раскрыть оценочный компонент значения слов и поддержать анализ оценоч-

ной рамки. В ходе анализа стихотворения исследователю приходится уточнять наличие оценочного компонента в слове или отмечать факт усвоения оценочного элемента значения слова именно в анализируемом контексте.

Данное исследование проводится на материале стихотворных текстов афроамериканских авторов Каунти Каллена и Лэнгстона Хьюза, представителей Гарлемского ренессанса, одного из направлений американской литературы XX века. Все произведения были отобраны методом сплошной выборки. Для выбранного литературного периода характерно желание отрешиться от сентиментальных и слезливых стереотипов, от жалостливо-страдательного тона в описании чёрного американца, увидеть в нём живую личность со своим внутренним миром [18, с. 51].

Гарлемский ренессанс стал периодом, который критики обозначают как время роста этнического самосознания афроамериканцев [18, с. 51].

Формы выражения субъекта

В ходе исследования проанализированы 28 стихотворений Каунти Каллена и 30 стихотворений Лэнгстона Хьюза, среди которых можно выделить группы стихотворений с разными типами проявления субъекта оценивания в коммуникативной ситуации.

В ряде высказываний автор может быть представлен неявно выраженным субъектом оценочной ситуации. Субъект оценочной ситуации в таких текстах может иметь две формы репрезентации. Одна из них имплицитная, то есть субъект не обозначен конкретным наименованием. Другая форма невыраженного авторского присутствия может быть представлена речевыми высказываниями некоторого персонажа в тексте. И оценка в данной ситуативной модели строится с точки зрения этого персонажа. Такой вид репрезентации субъекта оценивания можно назвать условно-имплицитным.

В ряде других высказываний автор обозначает оценочное отношение, используя местоимения первого лица единственного числа, а также через местоимения первого лица множественного числа. Такой способ проявления субъекта ситуации оценивания обозначен как эксплицитный.

А) Имплицитная форма выражения субъекта

В случае с имплицитным субъектом раскрываются условия коммуникативной ситуации с невыраженным авторским присутствием, другими словами, субъект ситуации не представлен через имена существительные или личные формы глаголов. Под субъектом может пониматься целое сообщество, группа людей. Подразумеваются коммуникативные условия, при которых субъект понятен лишь из контекста. В таком высказывании реципиент распознает черты коммуникативной ситуации с присутствием необозначенного субъекта и декодирует остальные контекстуальные условия, то есть пользуется процедурой контекстуального анализа. Точнее имплицитное использование субъекта оценки описала И. В. Фролова: «есть некая установка или традиционное мировоззрение группы или сообщества, а выявить ее можно посредством описаний культурных и социальных особенностей сообщества» [17, с. 95].

Из стихотворений Каунти Каллена было выделено девять, а из текстов Лэнгстона Хьюза тринадцать высказываний, которые представляют данную группу. Чтобы показать проявление в тексте первого из вариантов оценивающего субъекта, рассмотрим стихотворение афроамериканского поэта Каунти Каллена “That Bright Chimeric Beast”¹. В первой строфе стихотворения обозначен объект оценивания через номинации “That bright chimeric beast”, “the white-flanked unicorn”,

¹ Cullen C. That Bright Chimeric Beast // Genius [сайт]. URL: <https://genius.com/Countee-cullen-that-bright-chimeric-beast-annotated> (дата обращения: 26.05.2021).

каждая из которых связана со сказочным миром, таким образом, наделена признаками мифологичности или фантастичности. Автор применяет метафорическое сравнение, переносит характеристики живого существа на умение поэта создавать поэтические тексты, то есть творческое умение отождествляется с вземным созданием, почти сказочным. Атрибутивные элементы словесных комплексов этих номинаций “bright”, “the white-flanked” передают положительные коннотации, так как прилагательное “bright” имеет дефиниции “full of light, shining; intelligent and quick to learn»¹ сложное слово “the white-flanked” уточняет образ и подтверждает положительную оценочность характеристики сказочного существа, единорога. Таким образом, прослеживается структура оценочной рамки, и реципиент видит оценивающий субъект, которым является сам автор текста.

Далее автор текста отмечает такие типовые черты объекта оценки, как созданного, но не выраженного в словах; размещённого в душе поэта; неизменного и несвязанного с мирскими заботами:

Conceived yet never born,
Save in the poet's breast...

Never may be shaken
From his solitude;
Never may be taken
In any earthly wood.

В ситуативной модели стихотворения реципиент не находит конкретных языковых элементов, обозначающих субъект оценочной ситуации, так как субъект оценивания не выражен лексемами в первой строфе. Имплицитно обозначенный автор оценивания проявляет своё присутствие через своего рода созерцательное действие и название образа, то

есть название объекта оценивания “The white-flanked unicorn”.

Во второй строфе автор текста снова использует приём метафоризации для номинации объекта оценивания. Объектом оценивания вновь выступает творчество поэта, зарождение поэтического произведения. Автор устанавливает связь между творчеством поэта и образом птицы, которая обладает свойствами, превосходящими любое живое существо “the sire”, “Falcon may not nor eagle swerve from his eyrie”, способна воскресать как известная в мифологии птица феникс: “Reincarnate by fire”. Схема выстраивания оценивающего отношения такая же, как и в первой строфе: реципиент не находит вербальных знаков, обозначающих сам субъект оценивания.

В третьей строфе ведётся сравнение творческой силы поэта с образом рыбы, которая соотносится с мифологическим животным Левиафаном. Это морское существо: “a sea monster defeated by Yahweh in various scriptural accounts; something large or formidable”². Отмечено также, что такое описание творческого начала в поэте доминирует над ним и подавляет самого поэта: “That fish of the dread regime”.

В четвёртой строфе автор высказывания вновь собирает метафорические обозначения творческой силы поэта (проявления объекта оценивания), чтобы указать, что если поэту подчинить себе этих мистических существ, то он сам будет повелевать и управлять своим искусством творить. Метафорически умение писать стихи обозначено неким миром поэта (poet's dream), где происходят мистические изменения:

There like a golden knife
Dart the feet of the unicorn,
And there, death brought to life,
The dead bird be reborn.

¹ См.: BRIGHT: English meaning // Cambridge Dictionary: [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/bright> (дата обращения: 20.02.2022).

² См.: Leviathan // Dictionary by Merriam-Webster: [сайт]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/leviathan> (дата обращения: 20.02.2022).

Субъект оценивания, таким образом, опосредованно выражен через глаголы повелительного наклонения: *make it your aviary, make it your wood and stream*. А также субъект оценивания отражён в выражении созерцательного поведения в тексте ситуации. Описание объекта оценивания позволяет судить об авторском присутствии в тексте. Субъект оценочной ситуации заметен по выражению своего отношения к сказочным существам, объекту оценивания.

Присутствие субъекта имплицитного типа определяется в стихотворении “The Last Feast of Belshazzar”¹ Лэнгстона Хьюза. В стихотворении две строфы, в первой дано описание прототипной ситуации – пиршества во дворце Вальтасара. Объектом оценивания опосредованно становится пиршество и сам царь Вальтасар. Опосредованность объясняется тем, что в структуре модели ситуации представлены детали пиршества, а само пиршество напрямую не называется, и оценивающее отношение субъекта формируется за счёт непрямого указания на саму ситуацию пира:

“The jeweled entrails of pomegranates
bled on the marble floor.”

“The laughter of a drunken lord hid the sob
of a silken whore.”

В первых двух строках реципиенту дано описание, по которому он восстанавливает образ пира, на котором царь и его подданные пьяны и небрежны, фрукты рассыпаны по полу в разгар пиршества. Оценивающее отношение субъекта высказывания проявляется и в таких словах, как “entrails of pomegranates bled”, так как уже описание в столь грубых словах (внутренности, истекать кровью) подсказывает реципиенту, что пирующие люди вызывают чувство неприязни (в соответствии с доминирующими в со-

циуме современного реципиента стереотипными установками). Словосочетания в этих строках дают описание богатого пиршества (pomegranates) и роскошной обстановки во дворце Вальтасара – “marble floor”, “golden door”. В этом зале люди пируют и предаются наслаждениям.

В пятой и шестой строках первой строфы уже напрямую описано состояние царя (drunken lord), называется и лицо, его сопровождающее (a silken whore²). Это наименование имеет однозначную негативную оценочную сему – “a woman whose behaviour in her sexual relationships is considered immoral”.

Во второй строфе реципиент уже наблюдает сверхъестественное явление, начертание надписи на стене с предупреждением о последующих событиях. И завершает описание этого пира появление самого существа, решающего судьбу Вальтасара – “And Death stood at the door”. Обозначение образа смерти с большой буквы демонстрирует использование автором приёма олицетворения. Введение этого образа в модель ситуации, на участке с сильной позицией подчёркивает и прототипность модели ситуации, и драматичность события.

Присутствие субъекта оценивания в тексте не имеет прямого обозначения. В наличии описание объектов оценивания, которое определяет обязательное присутствие субъекта в коммуникативной ситуации.

В тексте представлен последний день жизни одного из древних царей, этот сюжет многочисленно и однозначно описан в европейском искусстве, как проявление чуда, сотворённого Господом Богом. Вальтасар и его подданные стали свидетелями того, как неизвестная рука начертала слова на стене, предрекающие его скорую гибель и захват государства врагами. Автор даёт описание окружения царя, при

¹ См.: Hughes L. The Last Feast of Belshazzar // The collected poems of Langston Hughes / ed. A. Rampersad, D. Roessel. New York: Vintage Classics, 1994. P. 33.

² См.: WHORE: English meaning // Cambridge Dictionary: [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/whore> (дата обращения: 20.02.2022).

этом сам субъект не выражен конкретными формами местоимений или типичных номинаций субъекта. О присутствии субъекта можно догадаться по описанию дворца, пира, гостей и хозяина торжества – по некоторым созерцательным действиям субъекта, следам его присутствия.

В) Условно-имплицитное проявление субъекта (или субъект оценки, не соотносимый с автором высказывания)

Вариант условно-имплицитного субъекта оценивания представлен неким персонажем текстовой ситуации. Оценочное отношение выражается персонажем или актантом текстовой ситуации. Таким образом, автор стихотворения вкладывает в этого персонажа знание определённой ценностной картины. Персонаж даёт описание проблемы коммуникативной ситуации, то есть выстраивает индивидуальные хронотопические и ценностные ориентиры в тексте. При таком способе реализации языковой оценки в тексте используется местоимения 1 лица. Эти словоформы вводятся в текст, чтобы обозначить присутствие персонажа в модели ситуации. Среди стихотворений Каунти Каллена выбраны три, среди стихотворений Лэнгстона Хьюза выбран один текст, в которых субъектом оценочной ситуации является некоторый персонаж, стороннее лицо, которое несёт оценочное отношение. Критерием отбора послужил признак отличия персонажа от индивидуальности самого автора, Каунти Каллена или Лэнгстона Хьюза.

Обзор такого типа субъекта начнём со стихотворения “Incident”¹ Каунти Каллена. Стихотворение состоит из трёх строф. В первой строфе начинается типичное повествование с характерным для него началом “Once ...”. Актант ситуации даёт описание собственных чувств и указывает на появление объекта оценивания. Это другой мальчик, житель Балтимора, случайно оказавшийся рядом.

В данном произведении оценочное отношение выражает темнокожий мальчик восьми лет:

Now I was eight and very small, ...

В ситуативной модели высказывания персонаж становится носителем оценки, он отличается от личности самого автора произведения, поэтому поэтический текст воспринимается как вариант реализации модели с условно-имплицитным субъектом. Используются местоимения: I, me. Очевидно то, что используются соответствующие формы глаголов 1 лица, единственного числа. Таким же образом субъект находит выражение в других строчках текста:

Once riding in old Baltimore,
Heart-filled, head-filled with glee,
I saw a Baltimorean
Keep looking straight at me.
And so I smiled, but he poked out
His tongue, and called me, ‘Nigger’

Оценка, которой наделён мальчик, житель Балтимора, является негативной. Характер оценки выстраивается за счёт описания действий мальчика: “poked out his tongue” – «высунул (показал) язык», что обозначает выражение пренебрежения, презрения и т. п. к кому-либо. Поэтому данный жест и слово, которым оно сопровождалось, относится к негативной оценке. Поведение американского мальчика, жителя Балтимора, является объектом оценивания. Такое противопоставление субъекта и объекта даёт ясное представление об условно-имплицитном варианте субъекта оценивания. Сопоставление моделей поведения обоих мальчиков усиливает контраст и воздействует на реципиента, не оставляя сомнения в характере оценки.

В стихотворении Лэнгстона Хьюза “Mother to Son”² вариант условно-имплицитного

¹ См.: Cullen C. Incident // Genius: [сайт]. URL: <https://genius.com/Countee-cullen-incident-annotated> (дата обращения: 26.05.2021).

² См.: Hughes L. Mother to Son [Электронный ресурс] // Genius: [сайт]. URL: <https://genius.com/Langston-hughes-mother-to-son-annotated> (дата обращения: 26.05.2021).

цитного проявления субъекта в оценочной ситуации передаётся через женский персонаж. В этой модели ситуации мать рассказывает сыну о своей нелёгкой судьбе, персонаж сравнивает свою жизнь с подъёмом по лестнице:

Well, son, I'll tell you:
Life for me ain't been no crystal stair.
It's had tacks in it,
And splinters,
And boards torn up,
And places with no carpet on the floor –
Bare.

Субъект оценочной ситуации снова находит выражение в местоимениях I, me; в формах глаголов, соответствующих указанным местоимениям. Образ пожилой афроамериканской женщины отличается от индивидуальности автора стихотворения, что отделяет стихотворения “Incident” и “Mother to Son”, и подобные им, от варианта имплицитного субъекта. При этом нужно отметить, что условно-имплицитный субъект выражает своё оценочное отношение открыто, характер оценки легко определяется читателем.

Стихотворение не разделено на строфы. Однако, семантические границы в его структуре ощутимы. В первой строке персонаж обращается к сыну (присутствие которого ни в каких словесных единицах не обозначается, кроме знаков son, boy и honey), тем самым автор раскрывает специфику ролей, в частности, родственные и иерархические отношения между членами семьи. С помощью разговорного стиля (Life for me ain't been no crystal stair; I've been a-climbin' on) автор показывает социальный статус говорящей. Во второй строке вводится значимый элемент, который повторяется в другой сильной позиции текста, в последней строке: “Life for me ain't been no crystal stair”. Это суждение значимо для смысловой структуры высказывания, так как обозначает условия жизни персонажей и помогает реципиенту увидеть проблему, то есть смысл высказывания.

Далее строки с третьей по седьмую дают детали метафорического описания жизни труженицы, в котором жизнь женщины сравнивается с подъёмом по неухоженной, выщербленной лестнице. Повтор союзов позволяет реципиенту увидеть жизнь женщины-матери как череду трудностей.

С восьмой строки по тринадцатую женщина приводит контрастное утверждение о том, что она, несмотря на трудности, продолжает подниматься по лестнице. После этого на участке с 14 по 17 строку женщина наставляет сына, упрощает его не сдаваться, а продолжать подъём по лестнице, продолжать бороться с трудностями (Don't you fall now).

В предпоследних двух строках женщина, стараясь поддержать сына, говорит, что она сама всё ещё борется и идёт вперёд (For I've still goin', honey, I've still climbin').

Таким образом, автору удалось показать своё оценочное отношение через речь персонажа, что типично для данной группы высказываний.

С) Эксплицитная форма выражения субъекта

Субъект оценочной ситуации в категории текстов данной группы демонстрирует определённые признаки соотносённости с реальным автором произведений. Это признаки, указывающие на пол автора, его национальность, возраст, род занятий. По ним можно определить, что какое-либо стихотворение реализует эксплицитную форму выражения субъекта. Субъект оценивания представлен в личных и притяжательных местоимениях первого лица единственного или множественного числа. Среди стихотворений обоих авторов выявилось по 16 стихотворений с таким видом субъекта (общее число – 32 стихотворения).

В поэтическом тексте “Yet Do I Marvel”¹ Каунти Каллена субъект опре-

¹ См.: Cullen C. Yet Do I Marvel // I Genius: [сайт]. URL: <https://genius.com/Countee-cullen-yet-do-i-marvel-annotated> (дата обращения: 26.05.2021).

деляется с первой строки стихотворения, он выражен через местоимение "I". Эта строка даёт понимание о том, что автору важно указать на своё бесспорное высокооценочное отношение к Богу.

Со второй строки по восьмую автор описывает условия, в которых приходится находиться некоторым существам, созданным Богом. Автор подчёркивает, что эти условия некомфортны и не ясна причина их выбора.

С девятой строки по двенадцатую автор отмечает непостижимость замысла Бога для простых смертных, которым такой выбор Господа разумным не представляется, по причине неумения и нежелания глубже познать Бога.

В последних двух строках автор, противопоставляя себя тем, кто считает Бога жестоким (Yet ...), пишет о своём восхищении и удивлении выбору Господа Бога в его судьбе.

Сходство между автором текста и субъектом модели ситуации проявляется в том, что субъект ведёт рассуждения о довольно возвышенной теме, что характерно для поэта, для подобной профессии.

Более того, в завершающих строках текста, субъект выражает своё удивление и некоторую степень восхищения тем, что его самого Бог создал для творчества, для создания поэзии. Упоминается расовая принадлежность поэта:

Yet do I marvel at this curious thing:
To make a poet black, and bid him sing!

Соответственно, характеристики субъекта оценочной ситуации отсылают к реальному образу автора текста.

В стихотворении "After Many Springs"¹ Лэнгстона Хьюза модель ситуации демонстрирует красоту природы, что является довольно частым объектом оценивания в стихотворениях, особенно сезон весны:

¹ См.: Hughes L. After Many Springs // Poets.org: [сайт]. URL: <https://poets.org/poem/after-many-springs> (дата обращения: 26.05.2021).

... When the night is a vast softness
Filled with blue stars,
And broken shafts of moon-glimmer...

Субъект представлен местоимением I, характеристикой субъекта становится возраст поэта, который в тексте указан не совсем точно, но всё же противопоставлен юному возрасту. Соотнесение субъекта с авторской индивидуальностью, таким образом, осуществляется по показателям его возраста и обращения к традиционной поэтическим теме, что определяет основной род занятий субъекта:

Am I too old to see the fairies dance?
I cannot find them any more.

Таким образом, проанализировав довольно большой объём иллюстративного материала, мы смогли выявить типовые черты группы высказываний с эксплицитным субъектом оценивания.

Выводы

Результаты исследования показывают, что позиция субъекта в имплицитном варианте может выражаться через указание на отношение к объекту оценивания, который может быть представлен местоимениями 3 лица или существительными в позиции объекта оценивания. В условно-имплицитном варианте обозначения субъекта и проявление этого элемента рамочной конструкции автор реализует через введение персонажей ситуации, обозначая их личными местоимениями 1 лица. Эксплицитный субъект оценочной рамки высказывания проявляется через личные и притяжательные местоимения первого лица единственного или множественного числа, однако, роль, которую выполняет в таких высказываниях субъект, приближена к автору и его личности. Это демонстрируется через номинации национальности, цвета кожи и рода занятий.

Результаты данного исследования показали, что вариант репрезентации

субъекта оценочной ситуации, представленный афроамериканскими поэтами, отличается от других типов поэтических высказываний американской литературы. Такое выражение субъекта даёт основание ожидать и особых вербальных реализаций в других компонентах рамочной конструкции языковой оценки.

Итак, в классификации случаев проявления субъекта оценочной ситуации по критерию эксплицитности и имплицитности были обозначены три группы:

- имплицитная форма выражения субъекта;
- условно-имплицитное проявление субъекта;
- эксплицитная форма выражения субъекта.

Текстовый материал, который был отобран для исследования, показал группу с эксплицитной формой выражения субъекта как более многочисленную, ей немного уступает вариант с имплицитной формой выражения субъекта. Группа текстов с условно-имплицитным проявлением субъекта довольно малочисленная. Таким образом, в рамках данного исследования выявлены языковые средства, указывающие на присутствие разных форм субъекта оценивания, проведена классификация случаев имплицитного и эксплицитного проявления субъекта оценивания в тексте, и тексты объединены по критерию классификации.

Дата поступления в редакцию 22.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте // Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей / науч. ред. П. Е. Бухаркин. 2-е изд.. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. С. 60–72.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
3. Багиян А. Ю., Авакова М. Л. Языковые средства реализации категории оценки в англоязычном педагогическом интернет-дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 350–352. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00987.
4. Бычкова С. Е. Фундамент языковой аксиологии: оценка, ценность, норма, аномалия // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 6. С. 100–102.
5. Виноградов В. В. Лингвистический анализ поэтического текста (Спецкурс по материалам лирики А. С. Пушкина) / публ., подг. текста, комм. Н. Л. Васильева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 3–4. С. 304–355.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 284 с.
7. Головня М. В. Средства выражения нейтральной оценки (на примере произведений А. Т. Твардовского) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 1. С. 62–65.
8. Ивин А. А. Основание логики оценок. М.: Изд-во Московского университета, 1970. 230 с.
9. Кривченко И. Б., Мустафаева Л. П. Языковые средства выражения косвенной оценки в современном англоязычном политическом дискурсе // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2020. № 3. С. 67–82.
10. Леонтьева А. В. Метод контекстного анализа в лингвистике // Лучшая студенческая статья 2019: сборник статей XX Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 30 марта 2019 г. Пенза: Наука и Просвещение, 2019. С. 122–124.
11. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Словообразовательная семантика в языковой игре: оценка и эмоция // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2021. № 2. С. 35–48. DOI: 10.26170/23067462_2021_02_03.
12. Маркелова Т. В., Тихонова М. А. Словарная статья «Словаря оценочной лексики русского языка» как функционально-семантическое поле оценки в миниатюре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 89–96. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-89-96.

13. Пантеева К. В. Рациональная и эмоциональная оценка: все дело в экспрессивности? // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 3. С. 47–58. DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-3-47-58.
14. Погорелова С. Д., Яковлева А. С. Структура оценочной ситуации и ее компоненты // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 3 (399). С. 98–103.
15. Телия В. Н. Типы языковых значений. М.: Наука, 1981. 269 с.
16. Федунова Т. В. Дефиниционный анализ как метод контрастивной лексикологии (на материале лексики русского и белорусского языков) // Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2011. № 1. С. 104–110.
17. Фролова И. В. Субъект и объект оценки в рамках оценочных стратегий в аналитической статье (на материале британской и российской качественной прессы) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С. 93–100.
18. Чугунова С. И. Начальный этап развития фольклорно-литературных отношений в афро-американской традиции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 7. № 25. С. 49–55.
19. Шацкая М. Ф. Рациональная и эмоциональная оценки в языковой игре // Грани познания. 2018. № 1 (54). С. 87–90.
20. Ширяева А. А. Языковые средства формирования оценки в новостных сообщениях // Наука, общество, культура: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире: сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 15 сентября 2019 г. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская Ирина Игоревна), 2019. С. 72–76.
21. Bednarek M. Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus. London; New York: Continuum, 2006. 253 p.
22. Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse / ed. S. Hunston, G. Thompson. Oxford: Oxford University Press, 2000. 238 p.

REFERENCES

1. Arnold I. V. [Potential and hidden semes and their actualization in the English literary text]. In: Arnold I. V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010, pp. 60–72.
2. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of language meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 338 p.
3. Bagiyana A. Yu., Avakova M. L. [Language means of the evaluation category in the English-language pedagogical internet discourse]. In: *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2020, no. 5 (84), pp. 350–352. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00987.
4. Bychkova S. Ye. [The foundation of the axiology of language: evaluation, value, norm, anomaly]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities], 2019, no. 6, pp. 100–102.
5. Vinogradov V. V. [Linguistic analysis of the poetic text (Special course based on the materials of the lyrics of A. S. Pushkin)]. In: *Dialog. Karnaval. Khronotop* [Dialogue. Carnival. Chronotop], 2000, no. 3–4, pp. 304–355.
6. Wolf E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2014. 284 p.
7. Golovnya M. V. [Neutral evaluation expression medium (on examples of A. Tvardovskiy opuses)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2010, no. 1, pp. 62–65.
8. Ivin A. A. *Osnovaniye logiki otsenok* [The basis of the logic of estimates]. Moscow, Moscow State University Publ., 1970. 230 p.
9. Krivchenko I. B., Mustafaeva L. P. [Linguistic means of expressing indirect evaluation in modern English political discourse]. In: *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovaniye, yazyk* [Crede Experto: transport, society, education, language], 2020, no. 3, pp. 67–82.
10. Leontieva A. V. [Method of context analysis in linguistics]. In: *Luchshaya studencheskaya stat'ya 2019: sbornik statey XX Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa, Penza, 30 marta 2019 g.*

- [Best student article 2019: collection of articles of the XX International Research Competition, Penza, March 30, 2019]. Penza, Nauka i Prosveshcheniye Publ., 2019, pp. 122–124.
11. Markelova T. V., Petrushina M. V. [Semantics of word-formation in a language game: evaluation and emotion]. In: *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [Ural Philological Herald. Language. System. Personality: the Linguistics of creativity], 2021, no. 2, pp. 35–48. DOI: 10.26170/23067462_2021_02_03.
 12. Markelova T. V., Tikhonova M. A. [Dictionary entry of the “Russian language evaluation dictionary” as a functional-semantic evaluation field in miniature]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2017, vol. 8, no. 1, pp. 89–96. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-89-96.
 13. Panteeva K. V. [Rational and emotional evaluation: is it all about expressiveness?]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 47–58. DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-3-47-58.
 14. Pogorelova S. D., Yakovleva A. S. [The structure of evaluation situation and its components]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2017, no. 3 (399), pp. 98–103.
 15. Teliya V. N. *Tipy yazykovykh znacheniy* [Types of language meanings]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 269 p.
 16. Fedunova T. V. [Definitional analysis as a method of contrastive lexicology (based on the vocabulary of the Russian and Belarusian languages)]. In: *Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна*, 2011, no. 1, pp. 104–110.
 17. Frolova I. V. [Subject and object of evaluation as evaluation strategies in the analytical article (as exemplified in British and Russian quality press)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 2, pp. 93–100.
 18. Chugunova S. I. [The first stage of folklore and fiction interaction in Afro-American tradition]. In: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2007, vol. 7, no. 25, pp. 49–54.
 19. Shatskaya M. F. [The rational and emotional evaluations in language game]. In: *Grani poznaniya* [Facets of knowledge], 2018, no. 1 (54), pp. 87–90.
 20. Shirayayeva A. A. [Language means of forming an assessment in news reports]. In: *Nauka, obshchestvo, kul'tura: problemy i perspektivy vzaimodeystviya v sovremennom mire: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Petrozavodsk, 15 sentyabrya 2019 g.* [Science, society, culture: problems and prospects of interaction in the modern world: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, September 15, 2019]. Petrozavodsk, Mezhdunarodnyy tsentr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka» (IP Ivanovskaya Irina Igorevna) Publ., 2019, pp. 72–76.
 21. Bednarek M. *Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus*. London, New York, Continuum, 2006. 253 p.
 22. Hunston S., Thompson G., eds. *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 238 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чугунекова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова;
e-mail: deil1977@mail.ru;

Тюльберова Алина Олеговна – магистрант кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова; преподаватель английского и китайского языков Хакасской национальной гимназии-интерната им. Н. Ф. Катанова;
e-mail: tyulberova.alina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina N. Chugunekova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Linguistics and Language Theory, Institute of Philology and Intercultural Communication, Katanov Khakass State University; e-mail: deil1977@mail.ru;

Alina O. Tulberova – Master's Degree Student, Department of Foreign Linguistics and Language Theory, Institute of Philology and Intercultural Communication, Katanov Khakass State University; English and Chinese languages teacher, Khakass National Gymnasium named after N. Ph. Katanov; e-mail: tyulberova.alina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чугунекова Г. Н., Тюльберова А. О. Репрезентация субъекта оценочной ситуации в афроамериканских стихотворениях начала XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 66–80.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-66-80

FOR CITATION

Chugunekova G. N., Tulberova A. O. Representing subject in evaluative situation of African-American poems in the beginning of the XX century. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 6, pp. 66–80.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-66-80

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

УДК 10.02.04; 81'44

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-81-90

РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ «ОБЪЕКТИВНАЯ ПОХВАЛА» И ЕЁ ТАКТИКИ В АНГЛИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ МАЛОЙ ФОРМЫ

Васильев М. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель исследования заключается в установлении нового алгоритма классификации речевых стратегий и тактик и определения доминантной речевой стратегии и тактик, использующихся для политической пропаганды в английских политических дискурсах малой формы, а также в выявлении круга языковых средств, призванных реализовать выделенную речевую стратегию и тактики.

Процедура и методы. Даны дефиниции понятий «речевая стратегия» и «речевая тактика». Представлены результаты анализа существующих классификаций речевых стратегий и тактик. На основании проведённого исследования предложен презентационно-аксиологический алгоритм определения речевых стратегий, а также выделена речевая стратегия «объективная похвала» и 5 тактик её реализации. В работе использован описательно-аналитический метод, приёмы лингвостилистического анализа, интерпретации, систематизации, обобщения, элементы статистического анализа.

Результаты. Изучение теоретического материала позволило предложить презентационно-аксиологический алгоритм детерминации речевых стратегий. Исследованный массив продуктов английского дискурса малой формы содержит доминантную коммуникативную стратегию, базирующуюся на неискажённом представлении информации и экспликации позитивного эмоционального компонента, получившую название «объективная похвала». Указанная стратегия реализуется за счёт пяти входящих в неё коммуникативных тактик. Установлен арсенал языковых средств, участвующих в имплементации означенной стратегии и тактик.

Теоретическая и/или практическая значимость. В научный оборот вводится ряд новых понятий (презентационно-аксиологический алгоритм определения речевых стратегий, стратегия «объективная похвала»), обоснованных в исследовании и отвечающих потребности детерминировать изучаемый феномен. Полученные результаты найдут применение в практике преподавания лингвострановедения и политической лингвистики.

Ключевые слова: речевая стратегия, речевая тактика, политический твит, объективная похвала, презентационно-аксиологический алгоритм

SPEECH STRATEGY “OBJECTIVE PRAISE” AND ITS TACTICS IN ENGLISH POLITICAL DISCOURSES OF A SMALL FORM

M. Vasiliyev

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoi, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To establish a new algorithm of classifying speech strategies and determine the predominant strategy and tactics used for political propaganda in English political discourses of a small form, as well as to identify the range of linguistic means designed to implement the selected speech strategy and tactics.

Methodology. The definitions of the concepts “speech strategy” and “speech tactics” are given. The results of the analysis of existing classifications of speech strategies and tactics are presented. Based on the conducted research, a presentation-axiological algorithm for determining speech strategies is proposed, moreover, the speech strategy “objective praise” and 5 tactics for its implementation are identified. The work applies a descriptive and analytical methods, methods of linguistic and stylistic analysis, interpretation, systematization, generalization, elements of statistical analysis.

Results. The study of the theoretical material allowed us to propose a presentation-axiological algorithm for determining speech strategies. The research of small-form English discourse samples reveals a predominant strategy called “objective praise” which is based on undistorted representation of information along with explication of positive emotions. The aforementioned strategy is implemented with 5 communicative tactics included in it. A range of linguistic implementing means is determined.

Research implications. A number of new concepts is introduced into the scientific circulation (presentation-axiological algorithm for speech strategies, the strategy of “objective praise”), justified in the study and meeting the need to determine the phenomenon under study. The results obtained will find application in the practice of teaching linguistics and regional studies as well as political linguistics.

Keywords: speech strategy, speech tactics, political tweet, objective praise, presentation-axiological algorithm

Введение

На рубеже XIX–XX вв. начался процесс демократизации политической сферы жизни общества, в результате чего авторитарно-императивные приёмы и средства принуждения перешли в разряд нежелательных или, в некоторых случаях, неприемлемых, уступив место манипулятивным методам новой формации.

Среди средств, применяемых политическими деятелями для массового транслирования выгодных им мнений и взглядов в обществе XXI в., наибольшей популярностью пользуются социальные сети: Twitter, Facebook и т. д. [3, с. 35]. По мнению И. Б. Кауфовой и Л. А. Кауфовой, Twitter предлагает политику значительные возможности для завоевания авторитета и поддержания связи с аудиторией, причём политическая коммуни-

кация в социальных сетях не изолирована, она встроена в глобальное медиаполе [5, с. 182].

Отечественные и зарубежные исследователи заявляют о появлении целых пластов политического дискурса, базирующихся на коммуникации в Twitter, Facebook и других секторах цифрового пространства. Так, исследователи Л. Г. Викулова, И. В. Макарова и Н. В. Новиков выдвигают тезис о формировании нового, «цифрового» типа дипломатии, в котором выделяется целый ряд жанров, включая дискурс социальных сетей, Facebook (авт. «фейсбук-дипломатия») и Twitter (авт. «твипломатия») [1, с. 56].

Настоящая работа посвящена анализу Twitter-постов экс-премьер-министра Великобритании Б. Джонсона и его предшественника Д. Кэмерона. В статье рас-

смачивается содержащаяся в них коммуникативная стратегия «объективная похвала», а также входящие в неё коммуникативные тактики и лингвистические средства пропаганды и манипуляции мнением адресата.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в нём изучается малая форма общественно значимого типа дискурса – политического, способная оперативно отражать феномены и события общественной жизни и значительно быстрее и острее реагировать на все значимые изменения и тенденции в социуме, чем любые другие типы и формы дискурса. В настоящей статье представлено исследование и анализ продуктов политического дискурса малой формы – корпуса твитов британских экс-премьер-министров Б. Джонсона и Д. Кэмерона в количестве 80 и 70 единиц соответственно, *предмет исследования* – особенности языковой реализации речевой стратегии «объективная похвала» и сопутствующих тактик в твитах, направленных на изменение общественного мнения.

Новизна и оригинальность исследования заключаются в установлении доминантной речевой стратегии и тактик её имплементации для политического дискурса малой формы – твита, использующихся для политической пропаганды, а также в определении языковых средств их реализации силами политического дискурса именно малой формы.

Обзор литературы

Понятия «речевая стратегия» и «речевая тактика» неоднократно привлекали внимание исследователей. Например, К. А. Иванова рассматривает понятие речевой стратегии в качестве «определенного сценария поведения одного из коммуникантов в ситуации речевого общения, который соотносят с планом, нацеленным на достижение как глобальной, так и локальной коммуникативной цели» [4, с. 39]. Стоит учитывать, что выбор коммуникативных средств, определяющий

поведение оратора, зависит от многих факторов, среди которых: жизненный и коммуникативный опыт адресанта, его социальный класс, возраст, профессиональная принадлежность и ряд других.

В представлении А. П. Сковородникова, речевая тактика определяется как «конкретный речевой ход в процессе осуществления речевой стратегии; речевое действие (речевой акт или совокупность нескольких речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа» [8, с. 6].

Сопоставление приведённых дефиниций позволяет утверждать, что речевая стратегия и тактика соотносятся как «общее – частное». Соответственно, тщательный подбор речевых тактик, релевантных для конкретной коммуникативной ситуации, необходим для успешной реализации любой речевой стратегии. По мнению Н. А. Вишневецкой, О. П. Козловой, О. Н. Романовой и Н. Ю. Сидоровой речевые тактики не только способствуют успешному развёртыванию коммуникативной стратегии, но и «придают разговору модальные оттенки – оценки, мнения, возможность и т. п.» [7, с. 89], что в контексте сообщения может являться дополнительным воздействием на реципиента.

В качестве теоретической основы исследования используются работы американских социологов А. Ли и Э. Ли, посвящённые изучению методов пропаганды [12, р. 11], труды Р. Коула, содержащие описание языковых приёмов воздействия на мнение адресата [11], а также классификация коммуникативных стратегий и тактик, предложенная исследователем О. Л. Михалёвой [6, с. 45].

Анализ стратегий и тактик, реализуемых в политическом дискурсе, следует начать с представления классификации приёмов пропаганды, разработанной американскими социологами Альфредом и Элизабет Ли в 30-е годы XX века. Отметим, что данная классификация является

одной из первых в своём жанре и потому фундаментальной по отношению к исследованиям, появившимся позднее.

Исследователи выделили семь основных приёмов пропаганды, свойственных политическому дискурсу. Среди семи выделенных приёмов шесть получают вербальное выражение: *glittering generalities* (блестящие неопределённости), *name calling* (оскорбление), *transfer* (перенос), *testimonial* (свидетельство), *plain folks* (свой парень) и *card stacking* (подтасовка) [12, p. 11].

Иная классификация речевых стратегий и тактик предложена О. Л. Михалёвой [6, с. 45]. Исследователь выделяет три основные коммуникативные стратегии, охватывающие в общей сложности 19 тактик: стратегию на повышение, стратегию на понижение и стратегию театральности. При этом первые две стратегии, обозначенные О. Л. Михалёвой, по своей сути коррелируют со стратегиями положительной самопрезентации и негативной репрезентации оппонента Т. ван Дейка [2, с. 238], в то время как стратегия театральности соотносится с тезисом Е. И. Шейгал о театральности политического дискурса, обусловленной тем фактом, что многие пассивные участники дискурса, т. е. аудитория, воспринимают политические события в качестве зрелища, разыгрываемого специально для них [10, с. 93].

Не менее ценной научной работой, посвящённой приёмам пропаганды, стала книга Р. Коула "International encyclopedia of propaganda" [11], в которой перечислено более 60 инструментов вербального и невербального воздействия на целевую аудиторию. К наиболее распространённым относятся: *euphoria* (эйфория), *appeal to authority* (отсылка к авторитету), *flag waving* (размахивание флагом), *appeal to fear* (отсылка к страху), *black and white fallacy* (чёрное и белое), *dictat* (диктат), *foot-in-the-door* (нога в двери), *selective presentation* (выборочная презентация), *false accusations* (ложные обвинения) и др.

Методология и материалы исследования

Материалом исследования послужили политические дискурсы малой формы – твиты, извлечённые методом сплошной выборки из Twitter-аккаунтов экс-премьер-министра Великобритании Б. Джонсона и его предшественника Д. Кэмерона, в количестве 80 и 70 единиц соответственно.

Рассмотрев основные существующие классификации коммуникативных стратегий и тактик, принадлежащие зарубежным и отечественным исследователям, можно прийти к выводу о невозможности охарактеризовать на их основе всё многообразие манипулятивных стратегий и тактик, реализуемых в рассматриваемых твитах.

Результаты исследования позволяют предложить алгоритм детерминации речевых стратегий, в основе которых презентационный и аксиологический компоненты дискурса.

Презентационный компонент стратегий выделяется на основании такого ключевого параметра, как качество информации, и определяется одним из двух экстремумов:

- 1) представленная информация соответствует или не противоречит объективной реальности;
- 2) представленная информация не соответствует действительности, т. е. намеренно искажена.

Аксиологический компонент определяется с учётом интенций адресанта дать оценку объекту сообщения и эмотивного потенциала твита. Согласно утверждению В. И. Шаховского [9, с. 23], эмоции являются неотъемлемой частью языка и мышления человека, а успех коммуникации возможен лишь при условии адекватного эмоционального фона сообщения. Рассматривая речевые стратегии и тактики в качестве комплексных языковых алгоритмов, направленных на достижение поставленных адресантом целей и задач,

что в конкретном случае можно, несомненно, принимать в качестве коммуникативного успеха, становится очевидным, что каждая стратегия или тактика подразумевает создание определённого эмоционального фона, таким образом включая в себя помимо презентационного, ещё и аксиологический (эмотивный) компонент. Согласно обозначенному критерию, сообщения подразделяются на две категории:

1) сообщение обладает положительным эмотивным потенциалом и проецирует на реципиента позитивный эмоциональный компонент;

2) сообщение обладает отрицательным эмотивным потенциалом и проецирует на реципиента негативный эмоциональный компонент.

Принимая во внимание перечисленные параметры и проанализированный материал, можно выделить доминантную коммуникативную стратегию «объективная похвала», а также 5 речевых тактик для её непосредственной реализации: «блестящие неопределённости», «анализ-плюс», «неявная самопрезентация», «презентация», «обещание».

Речевая стратегия «объективная похвала» в интернет-публикациях британских экс-премьер-министров

Цель стратегии «объективная похвала» – проецирование позитивных эмоций и передача информации, соответствующей действительности. Стратегия включает следующие коммуникативные тактики: «блестящие неопределённости», «анализ-плюс», «неявная самопрезентация», «презентация», «обещание». Предлагается рассмотреть каждую тактику подробнее.

Название тактики «блестящие неопределённости» ясно отражает суть этого приёма. Изучаемый метод заключается в широком использовании в речи слов и выражений, обозначающих идеи и добродетели, почитаемые среди граждан тех или иных государств, или феномены,

связанные с ними. Таковыми являются: права человека, равенство, свобода, история, традиции и др. Очевидно, что любой человек с высокой вероятностью будет уважать и стремиться сохранить эти ценности, что объясняет чрезмерность, с которой политики каждый раз используют эти слова для влияния на мнения и взгляды людей.

Следующий твит демонстрирует применение вышеозначенной тактики Д. Кэмероном: *“I’m proud to support the #10000BlackInterns initiative, which will help build a more inclusive economy that works for everyone. We’re encouraging leaders from British industry and professional services to champion the effort in their sector. Do get involved!”* В данном сообщении британский экс-премьер заявляет о своём одобрении движения “Black Interns”, которое направлено на трудоустройство десяти тысяч афробританских граждан в компании различных секторов экономики Соединённого Королевства. По мнению политика, подобная практика позволит повысить уровень расового и полового разнообразия в британской экономике и уравнивать граждан европеоидной и африканской рас в экономических правах. При этом адресант не заявляет о своём непосредственном участии в реализации данного проекта, предпочитая получать положительный эмоциональный отклик от аудитории исключительно за счёт демонстрации солидарности по отношению к ценностям и взглядам современного западного общества, в т. ч. расовому равенству и толерантности. Подобный популистский подход можно рассматривать как типичный случай применения тактики «блестящие неопределённости». Положительный эмоциональный компонент эксплицируется за счёт использования эмотивной фразы *“I’m proud”* («Я горжусь») и интенсифицируется за счёт

¹ Официальный твиттер-аккаунт Д. Кэмерона: @David_Cameron [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/david_cameron?lang=en (дата обращения: 25.10.2021).

его комбинации с хештегом “#10000Black-Interns”. Эмоциональный фон возрастает к концу сообщения, которое завершается побудительной конструкцией с повышенным уровнем императивности “Do get involved!” («Спешите присоединиться!»).

Суть речевой тактики «анализ-плюс» заключается в имплицитном выражении симпатии адресанта по отношению к объекту посредством косвенной экспликации эмоциональной составляющей. При этом оратор даёт положительную оценку ситуации или объекту, путём освещения фактов, событий и характеристик объекта, которые имеют большое значение для реципиента и потому могут расцениваться в положительном ключе, тем самым формируя позитивный эмоциональный отклик адресата в сторону выделенного оратором объекта.

В качестве примера реализации тактики стоит рассмотреть сообщение Б. Джонсона: “Yesterday over 480,000 people got their first vaccine dose, which now means almost 11 million people across the UK have been vaccinated”¹. Так, британский премьер-министр отчитывается о выполнении национальной программы вакцинации, утверждая, что только за прошедший день было вакцинировано свыше 480 тыс. человек и в сумме количество вакцинированных граждан составляет 11 млн. человек. Твит содержит прямое указание фактов и числовых данных (*over 480,000, almost 11 million*), что добавляет утверждению убедительности. Б. Джонсон не выражает свой восторг по поводу вакцинации открыто, однако, принимая во внимание факт, что вакцинация расценивается большинством реципиентов как благо, можно сделать вывод, что действующий премьер-министр Великобритании рассчитывает на полу-

чение позитивного отклика аудитории в адрес опубликованной им новости.

Используя речевую тактику «неявная самопрезентация», адресант предпринимает попытку продемонстрировать собственные достоинства и имплицитно вызвать положительный эмоциональный отклик у реципиента. Как и в случае с коммуникативной тактикой «анализ-плюс», оратор не перегружает собственное сообщение позитивно-коннотированными лексическими единицами, концентрируясь на номинации собственных действий и характеристик, которые, более или менее, соответствуют действительности и могут быть оценены реципиентами в положительном ключе.

Использование вышеозначенной тактики демонстрируется в данном твите Д. Кэмерона: “Great to be on @BBCr4today earlier, talking about @AlzResearchUK’s EDoN initiative – a vital missing piece of the puzzle when it comes to diagnosing diseases that cause dementia. Hear the full interview at 2h 34m.”². Указанное сообщение построено с учётом алгоритма рассматриваемой тактики. Так, в нём автор старается подчеркнуть важность и значимость собственной персоны, не прибегая к эксплицитной похвале. С этой целью Д. Кэмерон объявляет о своём участии в обсуждении способов диагностирования деменции, проводимой медийной корпорацией ВВС, с последующей публикацией прямой ссылки на запись означенной беседы. Данный твит формирует положительный образ политика за счёт двух ключевых фрагментов сообщения: упоминание участия в обсуждении методов диагностики деменции, что является широко одобряемой деятельностью в современном обществе; и непосредственная аллюзия к интервьюеру – британской компании ВВС, которая является одной из самых известных медийных корпораций в Британии и в мире и приглашает на свои передачи крупные политические фигуры и известных экспертов.

¹ Официальный твиттер-аккаунт Б. Джонсона: @BorisJohnson [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/BorisJohnson?ref_src=twsrc%5Egoogle%7Ctwcamp%5Eserp%7Ctwgr%5Eauthor (дата обращения: 25.10.2021).

² Официальный твиттер-аккаунт Д. Кэмерона.

Коммуникативная тактика «презентация» реализуется за счёт эксплицитной демонстрации положительных характеристик и действий объекта с целью вызвать положительный эмоциональный отклик со стороны адресата. При этом оратор может не только освещать положительные стороны той или иной персоны или события, но и выражать собственное, субъективное мнение в отношении объекта, проецируя свой положительный эмоциональный фон на целевую аудиторию за счёт использования лексических единиц – лексикемы эмоций и единиц с положительной коннотацией.

Далее приведён пример реализации указанной тактики экс-премьер-министром Б. Джонсоном: *“Excellent trip to Wales yesterday to see the extraordinary efforts of all those involved in our fight against coronavirus. NHS staff, volunteers, the military and the police have all been working hard to get people through the pandemic”*¹. В данном твите экс-премьер Британии заявляет о положительных результатах собственной поездки по оценке мер, направленных на борьбу с COVID-19. Помимо открытой похвалы собственной деятельности и деятельности приближённых, выраженной с помощью определения *“excellent”* («отличный», «превосходный») Б. Джонсон эксплицитно даёт положительную оценку работе системы здравоохранения, волонтеров и правоохранительных органов Британии с помощью словосочетаний *“extraordinary efforts”* («выдающиеся усилия») и *“working hard”* («усердно работали»). Более того, чтобы выразить дань уважения всем причастным к борьбе с COVID-19 (а также получить от них позитивный эмоциональный фидбек) Б. Джонсон намеренно диверсифицирует массив указанных работников и задействует категории-профонимы: *“NHS staff, volunteers, the military and the police”* («работники системы здравоохранения, волонтеры, военные и полицейские»).

При задействовании речевой тактики «обещание» адресант предпринимает попытку расположить к себе адресата, принимая обязательства осуществить какие-либо действия в адрес целевой аудитории. При этом обещанные действия в большей степени соответствуют ожиданиям и запросам реципиентов, тем самым повышая их лояльность и одобрение в отношении оратора. Важным замечанием будет являться тот факт, что далеко не все гарантии, данные оратором, могут быть исполнены в будущем, а неисполненные обещания могут быть использованы политическими оппонентами для дискредитации давшего их политического деятеля, поэтому указанная тактика используется ораторами несколько сдержанно и, в большинстве случаев, для прогнозирования событий и легко осуществимых действий относительно недалекого будущего.

Предлагается рассмотреть следующий пример: *“Welcome news that rough sleeping has gone down by 43% since 2018 – but we won’t rest until everyone in this country has a place to call home. We are continuing to work with councils & charities, providing £750m for programmes over the next year to end rough sleeping”*². Б. Джонсон заявляет о снижении на 43% количества случаев бродяжничества с 2018 г., после чего обещает выделять из бюджета по 750 миллионов фунтов стерлингов в год на благотворительность до полного исчезновения бродяжничества как общественного явления. Убедительность обещанию Б. Джонсона придаёт использование числительных (*“43% since 2018”, “£750m”*), что повышает степень конкретизированности сообщения и позволяет избежать полностью голословных необоснованных прогнозов и гарантий.

Анализ корпуса политических твитов показал, что британские экс-премьер-министры Б. Джонсон и Д. Кэмерон склонны проецировать позитивный эмоциональный фон на собственную аудито-

¹ Официальный твиттер-аккаунт Б. Джонсона.

² Официальный твиттер-аккаунт Б. Джонсона.

рию посредством использования данных, не противоречащих окружающей действительности, что подтверждается высоким процентом твитов, содержащих коммуникативную стратегию «объективная похвала», представленную в 66% сообщений (99 из 150 твитов). Указанная стратегия реализуется, прежде всего, с помощью доминантных речевых тактик «блестящие неопределённости» и «анализ-плюс», задействованных в 39 (26%) и 30 (20%) твитах соответственно. Тактика «неявная самопрезентация» не приобрела подобной популярности и число её применений несколько ниже: только 19 сообщений из 150 (12,6%) содержат данный приём. Речевые тактики «презентация» и «обещание» и вовсе не получили широкого распространения в твитах вышеозначенных политиков и присутствуют лишь в 8 (5,3%) и 13 (8,6%) сообщениях соответственно. Широкое распространение речевой стратегии «объективная похвала» в твитах Дж. Кэмерона и Б. Джонсона можно объяснить намерением политиков поддерживать собственную целевую аудиторию, снизить эмоциональное напряжение во время пандемии коронавируса и геополитического кризиса и укрепить уверенность собственных сторонников в светлом будущем.

Выводы

В теоретической части исследования была обоснована важность и актуальность изучения малых форм политического дискурса, в частности – Twitter-сообщений. Помимо этого, был представлен обзор 3 классификаций речевых стратегий и тактик за авторством

отечественных (О. Л. Михалёва) и зарубежных (А. и Э. Ли, Р. Коул) учёных.

В ходе рассмотрения теоретического материала, а также анализа выборки твитов, автором был представлен презентационно-аксиологический алгоритм определения речевых стратегий, в результате чего была выделена коммуникативная стратегия, получившая название «объективная похвала». Указанная стратегия реализуется за счёт пяти входящих в неё тактик: «блестящие неопределённости», «анализ-плюс», «неявная самопрезентация», «презентация», «обещание». Анализ показал, что наиболее частотными речевыми тактиками, представленными в анализируемых твитах, являются «блестящие неопределённости» и «анализ-плюс», в то время как остальные тактики используются не столь массово.

Проведённое исследование позволяет отметить тенденцию к повышению числа сообщений с положительным эмотивным потенциалом. Данная тенденция может быть объяснена стремлением политиков снизить уровень политической и социальной напряжённости в период пандемии COVID-19 и начать сотрудничество со своими коллегами и политическими оппонентами на время нестабильности.

Доминантными языковыми средствами реализации выделенной в исследовании коммуникативной стратегии и тактик следует признать использование числительных, эмотивных единиц, хэштегов, императивных конструкций, аллюзий, профонимов, положительно-коннотированных эпитетов.

Дата поступления в редакцию 05.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Викулова Л. Г., Макарова И. В., Новиков Н. В. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 3. С. 54–65. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.3.6.
2. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматава. М.: URSS, 2022. 352 с.
3. Жидков А. В. Социальные сети как фактор изменений в политической сфере общественной жизни (на примере Великобритании) // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 3. С. 35–38. DOI: 10.24158/per.2018.3.7.

4. Иванова К. А. Стратегии в речевой коммуникации: теоретический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. № 1 (192). С. 39–44.
5. Кауфова И. Б., Кауфова Л. А. Коммуникативные информационные стратегии цифровой дипломатии Великобритании // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 5. С. 178–192. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-178-192.
6. Михалёва О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
7. Понятие речевых стратегий и дискурс / Н. А. Вишневецкая, О. П. Козлова, О. Н. Романова, Н. Ю. Сидорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-3 (76). С. 86–89.
8. Сквородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика. Лингвистика. Вып. 5: сборник статей. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 5–11.
9. Шаховский В. И. Обоснование лингвистической теории эмоций // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 22–37. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37.
10. Шейгал Е. И. Театральность политического дискурса // Единицы языка в их функционировании. Вып. 6: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: СГАП, 2000. С. 92–96.
11. Cole R. International Encyclopedia of Propaganda. London: Routledge, 1998. 1000 p.
12. Lee A. M., Lee E. B. The fine art of propaganda. New York: Octagon Books, 1979. 141 p.

REFERENCES

1. Vikulova L. G., Makarova I. V., Novikov N. V. [Institutional discourse of digital diplomacy: new communicative practices]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2016, vol. 15, no. 3, pp. 54–65. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.3.6.
2. Van Dijk T. A. *Discourse and power* (Rus. ed.: Kozhemyakin E. A., Pereverzev E. V., Amatov A. M., transl. *Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii*. Moscow, URSS Publ., 2022. 352 p.).
3. Zhidkov A. V. [Social networking as a factor of change in the political area of social life (the UK case)]. In: *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2018, no. 3, pp. 35–38. DOI: 10.24158/pep.2018.3.7.
4. Ivanova K. A. [Strategy in speech communication: theoretical aspect]. In: *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye* [Bulletin of Adyge State University. Series 2: Philology and Art Criticism], 2017, no. 1 (192), pp. 39–44.
5. Kaufova I. B., Kaufova L. A. [Communicative information strategies in digital diplomacy of Great Britain]. In: *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Issues], 2020, vol. 12, no. 5, pp. 178–192. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-178-192.
6. Mikhalova O. L. *Politicheskii diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Political discourse: the specifics of manipulative influence]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 256 p.
7. Vishnevetskaya N. A., Kozlova O. P., Romanova O. N., Sidorova N. Yu. [The notion of verbal strategies and discourse]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2017, no. 10-3 (76), pp. 86–89.
8. Skovorodnikov A. P. [On the need to distinguish between the concepts of “rhetorical device”, “stylistic figure”, “speech tactics”, “speech genre” in the practice of terminological lexicography]. In: *Ritorika. Lingvistika. Vyp. 5* [Rhetoric. Linguistics. Iss. 5]. Smolensk, Smolensk State Pedagogical University Publ., 2004, pp. 5–11.
9. Shakhovskiy V. I. [Linguistic theory of emotions and its foundations]. In: *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2019, no. 1 (39), pp. 22–37. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37.
10. Sheygal Ye. I. [Theatricality of political discourse]. In: *Yedinitiyazyka v ikh funktsionirovanii. Vyp. 6* [Language units in their functioning. Iss. 6]. Saratov, Saratov State Academy of Law Publ., 2000, pp. 92–96.
11. Cole R. International Encyclopedia of Propaganda. London, Routledge, 1998. 1000 p.
12. Lee A. M., Lee E. B. The fine art of propaganda. New York, Octagon Books, 1979. 141 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильев Максим Владимирович – аспирант, ассистент кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;

e-mail: maxim.vasiliew2011@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim V. Vasiliev – Postgraduate student, Assistant Lecturer, Department of English philology, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;

e-mail: maxim.vasiliew2011@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Васильев М. В. Речевая стратегия «объективная похвала» и её тактики в английских политических дискурсах малой формы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 81–90.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-81-90

FOR CITATION

Vasiliev M. V. Speech strategy “objective praise” and its tactics in English political discourses of a small form. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 6, pp. 81–90.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-81-90

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-91-100

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС (ФРАНЦУЗСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ В СОПОСТАВЛЕНИИ)

Епифанцева Н. Г., Еплов С. С.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. В статье в сопоставительном плане рассматриваются характеристики французского и русского образовательного дискурса с целью выявления их общих черт и особенностей.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ понятия дискурс в рамках французской и русской лингвистики. Отмечены различия в трактовке определения дискурса с методологических позиций двух школ. Проведён анализ структуры французского и русского образовательного дискурса и дискурсивной категории связности. В качестве методов исследования используются общенаучные и специальные лингвистические методы исследования: диалектический метод, общие лингвистические методы – описательный и сравнительно-сопоставительный, а также семантический и контекстуальный анализ.

Результаты. На основе изучения различных подходов французской и русской лингвистических традиций уточнена дефиниция дискурса; подтверждено, что анализ русскоязычного общественного дискурса обуславливается множеством социальных отношений и, соответственно, представляет собой развёрнутую типологию дискурсов. С позиций французской школы анализ дискурса выполняется с учётом его социальной, исторической и интеллектуальной направленности и институциональных рамок, устанавливающих определённые ограничения на акты высказывания. Уточнены статус и структура дискурсивной категории связности, рассматриваемой в качестве концепта и методологии дискурсивной практики.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования значимы для сравнительно-сопоставительного языкознания и теории дискурса, которая акцентирует внимание на конкретную языковую и/или коммуникативную личность, что приобретает особую значимость для дальнейшего исследования образовательного дискурса как базового элемента в формировании человеческой личности и социальных, личностных и психофизических её характеристик. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть реализованы в педагогической школьной практике.

Ключевые слова: дискурс, текст, концепт, лингвистика, система народного образования, категория связности

EDUCATIONAL DISCOURSE (FRENCH AND RUSSIAN IN COMPARISON)

N. Epifantseva, S. Eplov

Moscow Region State University

ulitsa Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. The article presents a comparative analysis of the characteristics of French and Russian educational discourse in order to identify their common features and peculiarities.

Methodology. The main content of the research is the analysis of the “discourse” concept within the framework of French and Russian linguistics. The differences in the interpretation of the “discourse” definition from the methodological positions of the two schools are noted. The analysis of the structure of French and Russian educational discourse and the discursive category of cohesion is carried out. The following general scientific and special linguistic research methods are used: dialectical method, general linguistic methods – descriptive and comparative, as well as semantic and contextual analysis.

Results. Based on the study of various approaches of the French and Russian linguistic traditions, the definition of discourse is clarified. It is confirmed that the analysis of Russian public discourse is conditioned by a number of social relations, and therefore it is a spread type of discourses. From the French standpoint, the analysis of discourse is based on the account of its social, historical, and intellectual orientation and institutional frameworks that establish certain restrictions on utterances. The status and structure of the discursive category of coherence, considered as a concept, and the methodology of discursive practice are clarified.

Research implications. The results of the study are significant for comparative linguistics and discourse theory, which focuses on a specific linguistic/communicative personality, which is of particular importance for further research of educational discourse as the basic element in the formation of human personality and its social, personal and psychophysical characteristics. The results of the study can be implemented in pedagogical school practice.

Keywords: discourse, text, concept, linguistics, public education system, category of coherence

Введение

Лингвистический термин «дискурс», от сосюрювского “discours”, представляет интерес для некоторых смежных наук, среди которых можно отметить философию, социологию, антропологию, семиотику, литературоведение и др., но именно в лингвистике данный термин получил наибольшее количество определений. Французская лингвистическая традиция трактует термин «дискурс» как речь вообще. Научная трактовка данного термина предложена Эмилем Бенвенистом, который дихотомию язык/речь рассматривает как реализацию основного принципа сосюрювской концепции, согласно которой язык «всегда есть объект двойственный, состоящий из двух сторон, из которых одна существует лишь в силу существования другой» [2, с. 54–55].

В отличие от текста, термин «дискурс» применяется только в тех случаях, когда текст может непосредственно восстанавливать связи с речевой практикой. Иногда даже используется синоним термина «дискурс» – «дискурсивная практика», что подчёркивает идею выбора говорящим определённых языковых средств

выражения, продиктованных конкретной ситуацией. Именно поэтому тематика дискурса так многообразна: есть политический, экономический, религиозный, медийный дискурс и т. д. В результате развития коммуникативных процессов дискурсивный анализ широко используется для изучения и описания языка и речи в конкретных условиях времени и пространства.

Новизна статьи состоит в сопоставительном плане исследования образовательного дискурса во французском и русском языках, что позволило выявить различия лингвистических традиций в интерпретации термина.

Актуальность статьи заключается в исследовании категории связности, способствует разграничению лингвистических понятий «текст» и «дискурс».

Целью данной статьи является характеристика образовательного дискурса во французском и русском языках в сопоставительном плане, выявление их особенностей и общей текстуральной и дискурсивной категории связности.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1) уточнить понятие «дискурс» и его структуру;

2) раскрыть особенности образовательного дискурса с позиций французской и русской лингвистической методологии;

3) выявить особенности категории связности в образовательном дискурсе.

В качестве методов исследования используются общенаучные и специальные лингвистические методы исследования: диалектический метод, общие лингвистические методы – описательный и сравнительно-сопоставительный, а также семантический и контекстуальный анализ.

Значимость работы отображена в возможности использовать результаты исследования в процессе преподавания ряда лингвистических дисциплин, на практических занятиях, а также при создании учебных пособий.

Результаты исследования значимы для сравнительно-сопоставительного языкознания и теории дискурса, делающих акцент на языковой и/или коммуникативной личности, что приобретает особую значимость для дальнейшего исследования образовательного дискурса как базового элемента в формировании человеческой личности и социальных, личностных и психофизических её характеристик. Кроме этого, представляется возможным использовать выводы исследования в педагогической школьной практике.

На рубеже XX и XXI веков исследование понятия «дискурс» занимает центральное место в языкознании. Первичное изучение таких понятий, как речь, дискурс, диалог и текст, а также дифференциация статического и динамического аспектов в языковых и речевых процессах находят своё отражение в трудах Э. Бенвениста [2], Л. Витгенштейна [4], В. фон Гумбольдта [5], Ф де Соссюра [13], Л. В. Щербы [16].

Термин дискурс (от фр. discours) происходит от латинского слова *discursus*, которое обозначает «рассуждение, аргумент». Как одно из понятий таких совре-

менных наук, как философия, семиотика, лингвистика, данный термин представляет трудности для определения и осмысления.

Чаще всего дискурс изучается в английской, а также во французской лингвофилософской культуре.

Представляется интересным особенность русского языка, а также и некоторых других европейских языков, которая состоит в том, что в них не существует эквивалента слова «дискурс», а лишь такие варианты, как прямой перевод – «дискурс» или перевод синонимом – речь, рассуждение и т. п.

В рамках современных направлений лингвистики дискурс стал предметом теоретического осмысления относительно недавно. Изучая дискурс, исследователи определяют два основных структурных уровня: глобальный – крупные единицы, такие как абзацы, и локальный, включающий минимальные дискурсивные единицы. При этом жёсткого разграничения между этими структурными уровнями дискурса – глобальным и локальным – не проводится. Речь может идти о двух противоположных уровнях одной иерархической структуры.

В настоящее время в результате исследования структуры дискурса, выявлена его минимальная единица, которая обозначается термином «предикация» (клауза) [7]. С этих позиций жёсткое дифференцирование глобальной/локальной структур не целесообразно. Целостная структура дискурса включает эти два противоположных уровня, составляющих иерархию дискурса. Данная концепция представлена в трудах У. Манна и С. Томпсона [18], которые разработали теорию риторической структуры, позволяющей исследовать противоположные уровни структуры дискурса по отдельности и в целостном восприятии.

Что касается образовательного дискурса, то он рассматривается как взаимодействие коммуникантов: учитель, ученик и родитель ученика. Такой под-

ход способствует появлению определённой терминологии, которая отображает стандартность и стереотипность образовательного дискурса благодаря наличию большого количества специализированных элементов и понятий. По объёмным параметрам образовательный дискурс обладает интердискурсивным характером, поскольку объединяет множество разных социальных институтов.

Вышесказанное приводит к выводу, что образовательный дискурс отличается наличием сложной структуры, обладающей множеством автономных элементов, характерных для разных уровней. Цель образовательного дискурса включает три взаимодействующих компонента:

- обучение, воспитание и языковое развитие участников образовательного процесса;

- развитие социокультурной компетенции личности, т. е. обучение человека традициям и нормам поведения в конкретной культуре, в обществе и государстве;

- воспитание самодостаточности как качества личности [14].

Данная цель предопределяет одну из основных задач образовательного дискурса, которая состоит в создании условий для формирования целостной человеческой личности. При этом отмечается необходимость учёта различных характеристик личности, среди которых социальные, личностные и психофизические.

Таким образом, образовательный дискурс можно определить, как речевую деятельность, образующую и передающую знания, которая регламентируется определёнными историческими и социокультурными факторами. Кроме этого, данная деятельность направлена на «воспроизводство, трансляцию и регуляцию конкретных ценностей, навыков, моделей поведения и знаний» [8].

Материалы и методы

Ряд вопросов по теме образовательного дискурса были предметом анализа

в научных статьях А. С. Роботовой [12] и О. П. Ушаковой [15], диссертационном исследовании А. С. Танчук [14] и других [6].

Ведущий специалист в области когнитивной лингвистики Е. С. Кубрякова выявила несколько подходов, в рамках которых осуществляется анализ дискурса. Первый подход основывается на структурно-синтаксическом анализе. При таком подходе дискурс понимается как фрагмент текста, структура которого выше структуры предложения и представляет собой сложную синтаксическую систему. Основу второго подхода составляют структурно-стилистические особенности дискурса. По этим параметрам разговорная речь выделяется как нетекстовое образование, не имеющее чёткого деления. Кроме этого, данный подход учитывает такие характеристики дискурса, как ассоциативные связи, ситуативность, спонтанность, стилистическая обособленность и др. Третий подход рассматривает дискурс как коммуникативное образование. В рамках данного подхода дискурс понимается в качестве речевого общения, которое является употреблением и функционированием языка в речи. С этой точки зрения дискурс может восприниматься «либо как диалог, либо как беседа, т. е. тип диалогического высказывания, либо как речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции» [10, с. 12].

Проблемы и методы анализа дискурса исследуются с использованием разных подходов, выбор которых зависит от принадлежности лингвистической школе. В рамках нашей работы рассматриваются подходы русской и французской лингвистических школ. Французский дискурс отличается ориентацией на письменный текст, а русский – на устный, разговорный. Цель французской школы – построение объекта, поэтому она сосредоточена на объяснении-форме. Русская школа дискурса, в первую очередь, вы-

деляет коммуникативные намерения, поэтому, учитывая этот принцип, теория дискурса представляет собой описание – употребление.

Исходя из этого, в основе методов изучения французской школы дискурса лежат положения структуралистского подхода, в то время как русская школа основывает анализ дискурса на принципах интеракционализма, выделяющего взаимодействие лингвистики и общественных наук: психологии, социологии и др. Данный факт свидетельствует о том, что французская школа дискурса делает акцент на лингвистику, в то время как русская школа дискурса опирается на антропологический вектор в науке.

Исследование понятия «дискурс» во французском и русском языках

Исследование темы дискурса в когнитивном аспекте показывает, что одним из принципиальных элементов всех подобных работ можно считать выделение самого концепта понятия «дискурс», на основе которого строится его дальнейшее изучение.

Основоположник структурной лингвистики Ф. де Соссюр обращается к термину «дискурс» редко, считая, что лингвистика должна заниматься исключительно языком, так как это единственно возможный предмет её изучения. В своих трудах автор противопоставляет язык речи. С этой точки зрения речь выступает лишь как практическое применение языка. Его ученики и последователи уделяли исследованию понятия дискурса больше внимание. Например, Э. Бенвенист, в дихотомии «язык / речевая реализация» второй элемент обозначает термином «дискурс» [2]. Особо широкое употребление термин получил в конце XX в., но задолго до этого периода проводилось изучение лингвистических особенностей разных этносов и устных текстов. Так, по мнению французских учёных К. Детри, П. Сибло и Б. Верин, при исследовании коммуникативного

акта с акцентом на прагматику процесса взаимодействия коммуникантов, можно говорить об «анализе дискурсов», что подтверждается появлением ряда трудов, посвящённых исследованию устного и диалогического типов дискурсов [19].

Дискурс имеет свою определённую структуру, представленную на двух уровнях: глобальном и локальном. Образовательный дискурс предстаёт как сложная структура, состоящая из множества отдельных элементов, относящихся к разным уровням дискурса. Приоритетной задачей образовательного дискурса является создание необходимых условий для формирования целостной человеческой личности, характеризующейся определёнными социальными, личностными и психофизическими особенностями.

Сравнение русской и французской школ дискурса, показывает, что исследования дискурса на базе французского языка опираются на его письменный тип, тогда как в русской школе дискурса внимание обращено на изучение устных текстов. Поэтому, целью русской школы анализа дискурса является выявление коммуникационных намерений коммуникантов, а французской – объяснение его структурных особенностей. Из этого следует, что главным методом исследования французской школы выступает структурный анализ, а в русской школе анализа дискурса важное место занимает взаимодействие таких наук, как лингвистика, психология и социология.

Анализ теоретических работ по данной тематике показал, что французская школа анализа дискурса исследует не столько отдельный текст, сколько различное количество текстов, обусловленных социальной, исторической или культурологической составляющей. Этот факт говорит о взаимодействии многих факторов человеческого общения.

Сопоставление французской и русской лингвистических традиций в области дискурса подтверждает, что французская школа анализа дискурса опирается

на принципы лингвистики, а русская – на антропологию.

Дискурсивная связность: сопоставительный анализ во французском и русском языках

В статье рассматривается специфика категории дискурсивной связности. Начиная с 60-ых гг. XX в., учёными были обозначены две специфичные характеристики дискурсивной связности: когерентность (фр. *cohérence*) и когезия (фр. *cohésion*). В лингвистике статус данных понятий определяется двупланоно: в качестве концепта и методологии анализа дискурса.

Понятие «когерентность» имеет двойственное значение. Первое сопоставляется с термином «текстуальность». При таком понимании значения «когерентность» выступает в качестве фактора, обуславливающего реализацию коммуникативного акта, что требует наличие коммуникантов. Другое значение выявляет ограниченность лексики в отображении смысловых отношений дискурса. С первой точки зрения «когерентность» изучается как в своём статичном состоянии, так и в динамичном взаимодействии. Возможность реализации когерентности появляется в том случае, если один коммуникант осуществляет речевое взаимодействие с другим коммуникантом и принимает его как такового. Этот факт, по мнению исследователей, приводит к трудности определения когерентности и её основных характеристик из-за «непостоянного и беглого характера этого понятия при анализе фактов дискурса и исключительной трудности при выявлении их основных аспектов и инвариантов» [9, с. 104]. Этот аспект связности текста опирается на коммуникативность говорящего. Другая особенность дискурса касается его структурного оформления, что позволяет представить информацию в последовательном порядке. Данный тезис позволяет понимать связность текста как «универсальное свойство челове-

ского сознания, что делает возможным установление индивидом отношений между различными событиями. Дискурсивная когерентность, выражаемая языком, в таком ракурсе является лишь изучением частного случая когнитивной функции человеческой деятельности» [9, с. 104]. С этих позиций, связность текста как лингвистическая и дискурсивная категория выполняет функцию познания и отображения человеком окружающей действительности, которые связаны с проявлением речевых установок индивида. Вот почему когерентность обеспечивает смысловое единство дискурсивной структуры.

Когезия (связность) является способностью дискурса выполнять связь между его лексическим и грамматическим проявлениями, которые обеспечивают логическую связь между элементами дискурса. В языке существуют некоторые лексические единицы, позволяющие реализовать перенос целого значения или частей значения на другой уровень дискурса. Такие слова в рамках теории дискурса получили название «средство эксплицитной пресуппозиции». Объяснение одного элемента дискурса происходит при помощи другого языкового элемента. Так, например, во французском языке местоимение третьего лица способствует реализации эксплицитной пресуппозиции (рассмотрим на примере из книги А. Беррендоннера «Элементы лингвистической прагматики», указанном в работе Г. М. Костюшкиной «Теория дискурса во французской лингвистике»): “*Les enfants sont revenus de l'école. Ils prennent une collation avant de faire leurs travaux*” [17, р. 64] (Дети вернулись из школы. Они обедают, прежде чем приступить к выполнению домашнего задания). Данное местоимение *Ils* не обладает собственным референтным значением, оно отсылает к референту, который обозначен в предыдущем предложении.

Когерентность занимает превалирующее положение внутри дискурса по срав-

нению с когезией. Анализ когезии может быть выполнен при помощи следующих методологических предпосылок [9, с. 102]:

1. Элементы, обеспечивающие функционирование когезии, находятся внутри предложения как структурного элемента дискурса.

2. Когезия способствует связыванию внутри дискурса лексической единицы и её эксплицитной пресуппозиции, что может быть реализовано двумя способами: анафорически и катафорически. Анафорическое отношение бывает, когда референт стоит в дискурсе перед указанным словом, а катафорическое, когда референт следует за ним: *Il a dévalisé une banque la semaine dernière. Pierre ira en prison pour ce méfait* [9, с. 102] (Он ограбил банк на прошлой неделе. Пьер будет сидеть в тюрьме за это преступление). Особенностью устного дискурса является катафорическая когезия.

3. С точки зрения повторяемой лексической единицы существуют следующие типы когезивных отношений: внутренняя (фр. *endophrorique*) и внешняя (фр. *exophrorique*). Внутренняя связность обозначает, что в дискурсе лексическая единица повторяется при помощи другой лексической единицы, внешняя осуществляется при помощи экстралингвистических средств. Примером может послужить предложение *Je crois que j'ai mis ce disque là-bas* [9, с. 102] (Мне кажется, я поставил этот диск туда). Как видим, один из коммуникантов указывает своему собеседнику на место, которое может быть выявлено лишь в реальной ситуации.

4. Ещё один аспект когезии представлен объёмом используемых для обозначения референта лексических единиц. Выделяются три уровня такого объёма:

– средство когезии использует одно слово, которое может быть обозначено как *'tie'*;

– средство когезии воспроизводит целую фразу или её часть (*'textended-tie'*);

– средство когезии повторяет целый отрывок дискурса, включающий не-

сколько фраз (*'text-tie'*) [9, с. 104]. Данный аспект является результатом расширенных исследований связности текста и дискурса.

5. Типы средств когезии. В лингвистических трудах, посвящённых анализу дискурса, выделяются две основные группы средств когезии: грамматические и лексические. Первые представлены такими грамматическими категориями, как союзы, личные местоимения, а также притяжательные прилагательные, т. е. теми категориями грамматики, которые не обладают собственным значением. Вторые представлены лексическими единицами грамматических классов как существительное, глагол и наречие [9, с. 105].

Когезия и когерентность являются различными аспектами, на которые опирается говорящий при построении дискурса. Данные средства способствуют созданию целостного и понятного с точки зрения семантики и логики дискурса. Особенности дискурсов на русском и французском языках проявляются на уровне лингвистического и дискурсивного построения.

Составление дискурса на русском языке отличается стилистической экспрессивностью. Но кроме этого, исследователи (А. Вержбицкая [3, с. 262], М. Пешё [11, с. 312]) считают, что русская культура общения отличается направленностью на коммуникацию, в результате которой необходимо реализовать взаимопонимание и доверительность в процессе общения.

Обосновывая русское речевое поведение определёнными ценностными основаниями, М. М. Бахтин отмечает, что оно «всегда создает нечто до него никогда не бывшее, абсолютно новое и неповторимое, притом всегда имеющее отношение к ценности (к истине, к добру, красоте и т. п.)» [1, с. 330]. С этой точки зрения русский дискурс зависит во многом от направленности коммуниканта, его ценностных особенностей.

Заключение

Характеристика образовательного дискурса русского и французского языков, выполненная в рамках сопоставительного исследования, позволяет сделать следующие выводы.

1. Реализация анализа дискурса лишь с точки зрения его лингвистических характеристик не может в полной мере объяснить дискурсивность коммуникации. Исследователи дискурса ссылаются на материалы таких сопредельных наук, как философия, социология, психология, медицина, биология и др. Дискурсивная связность как категория дискурса заключается в себя понятия когерентности и когезии. Когерентность рассматривается как свойство человеческой мысли, обладающее универсальным характером. Исходя из этого, дискурсивная когерентность, которая находит своё выражение в языке, предстаёт как реализация когнитивной функции человеческой деятельности. Что касается когезии, то она как типичная особенность категории связности является лексико-грамматическим аспектом смысловой связности. Труды, посвящённые анализу когнитивных особенностей дискурса, отличаются перспективностью и актуальностью, так как они акцентируют внимание на различных проявлениях языковой и/или коммуникативной личности.

2. Особенность реализации межличностного дискурса на русском языке отражается в различных типах общественных отношений, которые формируют типологию дискурсов. Данный факт свидетельствует о личностной окрашенности таких дискурсов, как официальный, деловой, профессиональный, в том числе, образовательный. В процессе коммуникации носители русского языка стремятся к сохранению самоидентификации в различных социальных ролях. При этом используются различные элементы речевого взаимодействия, выходящие за рамки ситуации общения. Эту особенность можно объяснить наличием двух противоположных тенденций русской языковой картины мира: необходимостью создания дружеской атмосферы общения и, с другой стороны, недопустимостью перехода определённых границ в общении.

3. Специфика французского дискурса в общем и образовательного дискурса в частности состоит в том, что при его анализе исследователи опираются в основном на лингвистику, а именно на структурализм. Целью французского образовательного дискурса является объяснение, которое должно учитывать социальную, историческую, интеллектуальную направленность дискурса, а также его взаимосвязь с другими текстами и институциональные рамки, устанавливающие определённые ограничения на акты высказывания.

Дата поступления в редакцию 11.07.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. 1961 год. Заметки. Дополнения и изменения к «Рабле» // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. С. 329–360.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред., вступ. ст., комм. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Вержбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1995. С. 251–275.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские исследования. Ч. 1 / пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. С. 1–74.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
6. Дискурс как новая лингвофилософская парадигма: учебное пособие / сост. А. Г. Горбунов. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. 56 с.

7. Кибрик А. А., Подлеская В. И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. Вып. 1 / под ред. В. Д. Соловьева. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 138–158.
8. Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3. С. 25–39.
9. Костюшкина Г. М. Теория дискурса во французской лингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2012. № S1. С. 101–107.
10. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. М.: РАН ИНИОН, 2000. С. 7–25.
11. Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла: сборник статей. М.: Прогресс, 2002. С. 302–336.
12. Роботова А. С. Об особенностях современного научно-педагогического дискурса // Высшее образование в России. 2011. № 7. С. 9–19.
13. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / под ред. Ш. Балли, А. Сеше; пер. с фр. А. Сухотина; под общ. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. 432 с.
14. Танчук А. С. Дискурсивные характеристики англоязычных вебинаров по обучению английскому языку: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 205 с.
15. Ушакова О. П. Образовательный дискурс в межкультурном диалоге // Наука и современность. 2010. № 5-3. С. 68–73.
16. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / под ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. Л.: Наука, 1974. 427 с.
17. Berrendonner A. *Éléments de Pragmatique Linguistique*. Paris: Minuit, 1981. 247 p.
18. Mann W., Matthiessen Ch., Thompson S. A. Rhetorical structure theory and text analysis // *Discourse Description: Diverse Linguistic Analyses of a Fund-Raising Text* / ed. W. C. Mann, S. A. Thompson. Amsterdam: Benjamins, 1992. P. 39–78.
19. Termes et concepts pour l'analyse du discours: une approche praxématique / C. Détrie, P. Siblot, B. Vérine, A. Steuckardt. Paris: Hachette, 2017. 464 p.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. [1961. Notes. Additions and changes to “Rabelais”]. In: Bakhtin M. M. *Sobraniye sochineniy. T. 5: Raboty 1940-kh – nachala 1960-kh godov* [Collected works. Vol. 5: Works of the 1940s – early 1960s]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 1997, pp. 329–360.
2. Benveniste É. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974. 448 p.
3. Verzhbitskaya A. [Speech acts]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in foreign linguistics. Iss. 16. Linguistic pragmatics]. Moscow, Progress Publ., 1995, pp. 251–275.
4. Wittgenstein L. [Logical-Philosophical treatise]. In: *Filosofskiye issledovaniya. Ch. 1* [Philosophical Research. P. 1]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 1–74.
5. Humboldt W. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 2000. 400 p.
6. Gorbunov A. G., comp. *Diskurs kak novaya lingvofilosofskaya paradigm* [Discourse as a new linguo-philosophical paradigm]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 2013. 56 p.
7. Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. [The problem of segmentation of oral discourse and the cognitive system of the speaker]. In: *Kognitivnyye issledovaniya. Vyp. 1* [Cognitive research. Iss. 1]. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2006, pp. 138–158.
8. Kozhemyakin Ye. A. [Discourse analysis in modern socio-humanitarian knowledge]. In: *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye* [Human. Community. Management], 2006, no. 3, pp. 25–39.
9. Kostyushkina G. M. [The theory of discourse in the French linguistics]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [BSU bulletin. Philosophy], 2012, no. S1, pp. 101–107.
10. Kubryakova Ye. S. [On the concepts of discourse and discursive analysis in modern linguistics]. In: *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nyye i strukturnyye aspekty* [Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects]. Moscow, RAN INION Publ., 2000, pp. 7–25.
11. Pêcheux M. [Content analysis and discourse theory]. In: *Kvadratura smysla* [Quadrature of meaning]. Moscow, Progress Publ., 2002, pp. 302–336.

12. Robotova A. S. [The features of the modern pedagogical discourse]. In: *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher Education in Russia], 2011, no. 7, pp. 9–19.
13. Saussure F.; Bally Ch., Sechehaye A., eds. *Kurs obshchey lingvistiki* [Course of General Linguistics]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 1999. 432 p.
14. Tanchuk A. S. *Diskursivnyye kharakteristiki angloyazychnykh vebinarov po obucheniyu angliyskomu yazyku: dis. ... kand. filol. nauk* [Discursive characteristics of English-language webinars on teaching English: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2022. 205 p.
15. Ushakova O. P. [Educational discourse in intercultural dialogue]. In: *Nauka i sovremennost'* [Science and Modernity], 2010, no. 5-3, pp. 68–73.
16. Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 427 p.
17. Berrendonner A. *Éléments de Pragmatique Linguistique*. Paris, Minuit, 1981. 247 p.
18. Mann W., Matthiessen Ch., Thompson S. A. Rhetorical structure theory and text analysis. In: Mann W. C., Thompson S. A., eds. *Discourse Description: Diverse Linguistic Analyses of a Fund-Raising Text*. Amsterdam, Benjamins, 1992, pp. 39–78.
19. Détrie C., Siblot P., Vérine B., Steuckardt A. *Termes et concepts pour l'analyse du discours: une approche praxématique*. Paris, Hachette, 2017. 464 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Епифанцева Наталия Глебовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Московского государственного областного университета;

e-mail: ng.epifantseva@mgou.ru;

Еплов Сергей Сергеевич – аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Московского государственного областного университета;

e-mail: serezhaplov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia G. Epifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, Moscow Region State University;

e-mail: ng.epifantseva@mgou.ru;

Sergey S. Eplov – Postgraduate Student, Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, Moscow Region State University;

e-mail: serezhaplov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Епифанцева Н. Г., Еплов С. С. Образовательный дискурс (французский и русский языки в сопоставлении) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 91–100.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-91-100

FOR CITATION

Epifantseva N. G., Eplov S. S. Educational discourse (French and Russian in comparison). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 6, pp. 91–100.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-91-100

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-101-108

СОЧЕТАНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНОГО И ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОГО ЗНАКОВ (?!) В НЕКОТОРЫХ ЭМОТИВНЫХ ТИПАХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Жук Н. В., Иванов В. Д.

Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт» 111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить основные типы высказываний, которые могут содержать данный знак препинания (?!).

Процедура и методы. В работе на основании описательного, сопоставительного и контекстуального методов были проанализированы типы высказываний в конце которых используется знак препинания «?!».

Результаты. В статье доказано, что знак препинания «?!» часто используется в конце предложения. Данное исследование позволило представить основные типы высказываний, после которых может стоять сочетание «?!». Продемонстрировано также, что предложение с сочетанием знаков «?!» может быть, как вопросительным, так и восклицательным.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования весьма полезны как для коммуникативной лингвистики, так и для теоретической грамматики немецкого языка. Полученные данные могут найти применение в дальнейшем изучении знаков препинания в предложении.

Ключевые слова: вопросительный знак, восклицательный знак, риторический вопрос, exclamative предложение, эмотивность

THE COMBINATION OF QUESTION AND EXCLAMATION MARKS (?!) IN SOME EMOTIVE TYPES OF STATEMENTS (BASED ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

N. Zhuk, V. Ivanov

National Research University "Moscow Power Engineering Institute" ulitsa Krasnokazarmennaya 14, Moscow 111250, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the main types of statements that may contain this punctuation mark (?!).

Methodology. Based on descriptive, comparative and contextual methods, the types of statements with the punctuation mark “?!” at the end of the sentence are analyzed.

Results. The article proves that the combination “?!” is often used at the end of a sentence. This study allowed us to present the main types of statements, after which there may be used a combination of “?!”. It is also demonstrated that a sentence with such a combination of signs “?!” can be both interrogative and exclamative.

Research implications. The results of the study are very useful both for communicative linguistics and for the theoretical grammar of the German language. The data obtained can be used in the further study of punctuation marks in a sentence.

Keywords: question mark, exclamation mark, rhetorical question, exclamative sentence, emotivity

Введение

В германистике сочетание вопросительного и восклицательного знаков (!?) до сегодняшнего дня редко подвергалось исследованию, хотя в неофициальном контексте представленный знак препинания используется очень часто. В отечественном и зарубежном языкознании проблеме сочетания знаков препинания в конце предложения, выполняющих различные функции, посвящено немало количество исследований, в частности Л. А. Будниченко [2], И. И. Ковтуновой [4], И. С. Шишкиной [5], К. Мюллера [12], Б. Праймус и Ф. Киркхофа [10]. Данная статья посвящена, с одной стороны, более детальному исследованию типов высказываний, которые могут содержать данный знак препинания (!?), с другой стороны – хотелось бы разъяснить и выяснить, действительно ли восклицательный знак (!) в этом соединении обладает функцией усиления или он также выражает эмоционально-экспрессивный характер, который ему часто приписывают. Таким образом, в работе раскрываются основные условия, после которых стоит сочетание вопросительного и восклицательного знаков (!?). Существует также потребность в описании факторов, влияющих на постановку вопросительного и восклицательного знаков в конце немецкого предложения. Этим и определяется актуальность проводимого в работе исследования. Немецкоязычные и англоязычные примеры были взяты из корпуса DECOW 16A Свободного университета г. Берлин¹. Для демонстрации диалогической речи послужил Мангеймский корпус разговорной речи (Datenbank für

gesprochenes Deutsch)². Примеры заголовков были отобраны из электронной версии немецкой еженедельной газеты „die Zeit“³.

Специфика знаков препинания в конце предложения и теоретический анализ литературы

Р. Финкбайнер в своей работе заметила, что предложения, которые имеют следующую конструкцию: „Wie...ist das denn“?, на примере: „Wie geil ist DAS denn“?!, „Wie krank ist DAS denn“?! – выражают удивление, восхищение или пренебрежение к обстоятельству дела [8, S. 253]. Рассматривая более детально формальные признаки этой конструкции, она особо подчёркивает, что предложения такого типа произносятся с большим усилением, чем идентичные по структуре предложения с вопросительным словом „Wie schwer IST das denn“?. Это усиление в немецком языке отражается также и в пунктуации. Таким образом, на письме часто встречаются следующие варианты знаков препинания в конце предложения: «?!», «!!», «??». Продемонстрируем это на следующих примерах:

(1) *Wie geil ist das denn?!⁴*

(2) *Wie dumm bist du denn??⁵*

(3) *Wie krass ist der denn!!⁶*

Такие типы предложений можно встретить не только в немецком, но и в английском языке, например:

(4) *How secure is their network operations centre (NOC) and web servers?? What an in-*

¹ См: DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 12.07.2022). Далее – DECOW 16A.

² См: Datenbank für Gesprochenes Deutsch [Электронный ресурс]. URL: <https://dgd.ids-mannheim.de> (дата обращения: 12.07.2022). Далее – DGD.

³ См: ZEIT ONLINE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zeit.de> (дата обращения: 12.07.2022). Далее – Die Zeit.

⁴ DECOW 16A.

⁵ DECOW 16A.

⁶ DECOW 16A.

teresting post!! Through the whole story I so wanted Matthew to get a good night's sleep.¹

(5) *These formative special relationships are crucial to our lives! Who is this new being in your life?!²*

(6) *I was there this week for the first time in months, I am now kicking myself. How awesome is this idea?!³*

Если мы рассмотрим языковую норму, зададимся вопросом, можно ли считать следующие типы предложений орфографически корректными или нет?

Благодаря правилам правописания в немецком языке, восклицательный знак (!) ставится у повелительных, изъявительных (оптативных) и экскламативных предложений. Знак точки (.) маркирует повествовательное предложение, а знак вопроса (?) ставится обычно в конце предложения для выражения вопроса. Однако это утверждение ведёт к проблеме, когда кроме восклицательного знака (!), ничто не позволяет классифицировать предложение как восклицательное. Тем не менее, можно пронаблюдать такой случай, когда восклицательное предложение (7a) структурно идентично с повествовательным предложением (7b):

(7a) *Es zieht!*⁴

(7b) *Es zieht.*⁵

П. Гальман классифицирует такой тип предложений не только как «экскламативные» предложения, но и как «аффективные», т. е. передающие чувства и эмоции повествовательные предложения [9, S. 15]. Аналогичные наблюдения содержатся в работе Б. Праймус. Она называет данные конструкции «выразительные и эмоционально-экспрессивные» повествовательные предложения [13, S. 475], например:

(8) *Ich auf meinem Scooter ... Und hier meine Mutter ... sie war im Gegensatz zu mir Verantwortungsvoll und trug einen Helm!*⁶

¹ DECOW 16A.

² DECOW 16A.

³ DECOW 16A.

⁴ DECOW 16A.

⁵ DECOW 16A.

⁶ DECOW 16A.

Восклицательный знак (!) используется, когда необходимо выразить особое яркое чувство: радость, боль, гордость, удивление, желание, приказ, восклицание, призыв или любая другая эмоция [7, S. 25]. Восклицательный знак (!) ставится также для того, чтобы сильно выделить чувства, волнение, аффект, таким образом, он выполняет экспрессивную, т. е. эмоциональную функцию.

Помимо эмоциональной функции восклицательный знак (!) выполняет также и прагматическую функцию. Он придаёт особое усиление содержанию всего предложения, как, например, в случае эмфатических утверждений, просьб, пожеланий, приветствий или восклицаний, где их следует понимать как речевые акты. Таким образом, восклицательный знак маркирует большую, максимально возможную иллокутивную силу. Так, например, декларативные предложения с восклицательным знаком являются сильными утверждениями, при которых говорящий настоятельно утверждает, уверяет, что изъясненное обстоятельство дела является истинной правдой, например:

(9) *„Und bevor ich es vergesse, deine Mutter kommt heute später“! rief mein Stiefvater und mir wurde Übel, wie soll ich das nur so lange mit ihm alleine aushalten?⁷*

Повелительные предложения со знаком восклицания выражают сильное требование, вызов, благодаря которым говорящий настойчиво пытается заставить слушателя что-либо сделать. Продемонстрируем это на следующем примере:

(10) *Sie vermissen Dich sehr und haben für Dich gekämpft. Mach es gut, kleiner Engel. Komm gut drüben an!*⁸

Рассматривая сочетание вопросительного и восклицательного знака (!?) в конце предложения, П. Гальман считает, с одной стороны, это показатель того, что предложение может быть вопросительным, с другой стороны, оно является

⁷ DECOW 16A.

⁸ DECOW 16A.

убедительным высказыванием [9, S. 212]. Рассмотрим следующий пример:

(11) *Damit hat sie mich Zurecht sage ich nur, es ist so einfach eine kleine Freude zu bereiten und nebenbei ganz ökonomisch zu handeln. Warum fällt es so vielen in Deutschland schwer?!¹*

Данное предложение выражает убедительный, настойчивый вопрос. Восклицательный знак в данном случае является индикатором для выражения сильной эмоции, которая связана с негативной оценкой.

В своём исследовании Д. Р. Сёрл обратил внимание на то, что существенные правила вопроса состоят в желании говорящего получить определённую информацию, таким образом, высказывание следует понимать, как попытку заставить слушателя предоставить ему эту информацию [14, S. 96]. В случае настоящего вопроса желание говорящего получить информацию выражается очень сильно (*ich will es sehr gerne wissen*) или очень настойчиво (*ich will dich wirklich dazu bringen, mir die Information zu liefern*). Таким образом, настоятельные вопросы выражаются сочетанием знаков препинания «?». Это можно проследить на следующем примере:

(12) *Damit hat sie mich Zurecht sage ich nur, es ist so einfach eine kleine Freude zu bereiten und nebenbei ganz ökonomisch zu handeln. Warum fällt es so vielen in Deutschland schwer??²*

Эмотивные типы высказываний, содержащие сочетание вопросительного и восклицательного знаков

Тип 1. Вопросительно-восклицательные предложения

Согласно словарю Duden вопросительный знак со знаком восклицания ставится в конце предложения для того, чтобы одновременно маркировать вы-

сказывание как вопросительное, так и как восклицательное. В качестве примера приводится следующее предложение:

(13) *Was fällt dich denn ein?!³*

Объяснений этому феномену нет, однако есть небольшая информация о том, что вопросительное предложение в широком смысле следует понимать, как восклицательное предложение, которое выражается с усилением⁴.

Остановимся подробнее на анализе ещё нескольких высказываний, отобранных из корпуса:

(14) *Wie können Sie es wagen, Ihre Frau in eine so peinliche Lage zu bringen?! Wie können Sie es wagen, Ihre Kinder hineinzuziehen?! Wie können Sie es wagen zu leben?!⁵*

(15) *Und dann wurde unsere kleine Amelie geboren ... und Alexander ließ dann nicht allzu lange auf sich warten ... Also gibt es schon einige Übereinstimmungen?!⁶*

(16) *das Auge ist mein Freund, da kämpfe ich drum. Kann progressiv oder reaktionär gewendet werden: Kämpft man um das "gesunde" Auge oder läßt man sich von den Jackern Körperliches nicht zerstören?!⁷*

В приведённых примерах говорящий задаёт вопрос, поэтому в конце предложения стоит знак вопроса. Предложения имеют все грамматические признаки вопросительного предложения. С другой стороны, благодаря восклицательному знаку данные высказывания следует понимать как экскламативные предложения, выражающие эмоциональное состояние говорящего. Так, например, в предложении (14) говорящий выражает чувство гнева и разочарования, в (15) чувство волнения и нетерпеливости, в

³ Duden-die deutsche Rechtschreibung: auf der Grundlage der aktuellen amtlichen Rechtschreibregeln. 27., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Berlin: Dudenverlag, 2017. S. 43.

⁴ Wöllstein A., Eisenberg P. Duden-Die Grammatik: unentbehrlich für richtiges Deutsch. 9., vollständig überarbeitete und aktualisierte Auflage. Berlin: Dudenverlag, 2016. S. 902.

⁵ DECOW 16A.

⁶ DECOW 16A.

⁷ DECOW 16A.

¹ DECOW 16A.

² DECOW 16A.

предложении (16) говорящий призывает бороться с обстоятельством дела.

Тип 2. Дополнительные вопросы

Остановимся на вопросе о сочетании вопросительного и восклицательного знаков в вопросах-переспросах. В качестве примера рассмотрим высказывания, взятые из корпуса:

(17) *Er sagte dann total ernst: Man geht nur Fremd wenn einem etwas fehlt. Wenn man alles hat was man sucht, hört man damit auf! Ich meinte daraufhin: Ach ist ja interessant in einer Beziehung gehst du Fremd und in einer Affäre bist du treu?! Er: Ja, da siehst du mal was das über die vergangenen Beziehungen aussagt!*¹

(18) *Jochen: Ich bestelle mir einen Tee.*

Karin: Du bestellst dir einen Tee?!²

В приведённых примерах предложения являются вопросами недоверия, сомнения и скептицизма. Не случайно А. Коэн указывал также на то, что данный тип вопросов является не только вопросительным предложением, но его также можно трактовать как экскламативное предложение [6, S. 133]. Благодаря сочетанию знаков препинания (!) в конце предложения говорящий выражает удивление по отношению к услышанной им информации, которая нарушает его ожидания [3, с. 58]. *Jochen* может также обосновать свой выбор, ответив на удивление *Karin* следующим образом:

(18) *Jochen: Ich bestelle mir einen Tee.*

Karin: Du bestellst dir einen TEE?!³

* *Jochen: Ja, ich habe schon genug Kaffee getrunken!*

* *Jochen: Ja, ich habe Magenschmerzen.*

Анализ фактического материала показал, что в конце предложений часто встречается знак препинания (??). Рассмотрим подробнее эти случаи:

(19) *Was macht ihr mit der ganzen Ausrüstung die ihr nicht braucht?? Alles für Erfahrung hergeben?? Oder behaltet ihr auch ein*

paar Sachen?? Wie skillt ihr Eure Trupps eigentlich?? Und welche habt ihr immer dabei??⁴

(20) *Kannst du deine Bekannte mal fragen, was sie so brauchte?? Handtücher, Bademantel usw. Und wie es mit Wäsche waschen ist. Das wäre nett. Dankeeee Wo wohnst du denn??⁵*

Существует незначительный контраст между сочетаниями (!) и (??). Так, например, если кто-то сформулировал утверждение, которое для слушателя явно является не правдой и данная информация не вызывает у него никакого удивления, только лишь само утверждение, в таких случаях в конце предложения стоит сочетание вопросительного и восклицательного знаков препинания (!). Сочетание вопросов (??) ставится в том случае, когда оно вызывает сильное удивление, сомнение и беспокойство.

Тип 3. Неоднозначные предложения

Существует ещё один тип высказываний, которые могут содержать данный знак препинания (!), который не имеет ничего общего с удивлением. Этот тип высказываний часто используется в заголовках газет, объявлениях, анонсах общественных мероприятий или телепередачах. Данный тип высказываний выражает неоднозначность, двусмысленность и многозначность. Это можно отчётливо увидеть в следующих примерах, представляющих заголовки статей:

(21) *Kann doch jeder?!⁶*

(22) *Entschuldigung, wir fliegen ins Ausland?!⁷*

(23) *Kinder sind wunderbare Köche?!⁸*

Знаки препинания в приведённых высказываниях не являются одновременно вопросом и восклицанием, а выражают неоднозначность между двумя типами предложения: или вопрос, или восклицание. В предложениях такого типа знак восклицания не сочетается с вопросительным знаком, предложение со знаком

⁴ DECOW 16A.

⁵ DECOW 16A.

⁶ Die Zeit.

⁷ Die Zeit.

⁸ Die Zeit.

¹ DECOW 16A.

² DGD.

³ DGD.

вопроса и предложение со знаком восклицания объединены в одно высказывание. В этой неоднозначности между двумя типами предложения заключается шутка, остроумное замечание, юмор, который исходит из самого контекста статьи.

Тип 4. Риторические вопросы

В немецком языке *doch?!* можно рассматривать как риторический вопрос, на который не ожидается никакого ответа. Рассмотрим примеры:

(24) AM: *Schmeckt es dir nicht?*

PB: *doch?!¹*

(25) DK: *der steht noch nicht drauf auf dieser älteren Liste.*

MT: *doch?!²*

(26) *Ich bin ganz verrückt nach ihm, er ist verrückt nach ihr ... manche sind ganz blind vor Liebe. Sie verlieben sich Hals über Kopf! Was soll das überhaupt bedeuten, "Hals über Kopf"?! Das ist ein unsinniger Ausdruck, aber wir haben Verständnis dafür auf, weil es um die Liebe geht³.*

По мнению Й. Майбауэр риторические вопросы используются для того, чтобы что-то утверждать, таким образом, он считает, что риторические вопросы могут быть исследованы как косвенные утверждения [11, S. 112–127]. Восклицательный и вопросительный знаки, как и модальные частицы у риторических вопросов, относятся к иллокутивным индикаторам. Модальность и эмотивность частиц в предложении исследует А. В. Аверина [1, с. 30–57]. В этой связи вопросительное предложение следует понимать не как вопрос, а как утверждение. Примечательно, что знак восклицания (!) в риторических вопросах служит также

для усиления и подтверждения, что информация уже известна говорящему.

Заключение

Таким образом, анализ фактического материала показал, что исследуемый знак препинания «?!» часто используется в конце предложения, но редко упоминается в исследуемой литературе немецкого языка. Мы выявили четыре типа высказываний со случаем использования сочетания вопросительного и восклицательного знаков: 1) вопросительно-восклицательные предложения; 2) дополнительные вопросы; 3) неоднозначные предложения; 4) риторические вопросы. Проведённое исследование позволило заключить, что, с одной стороны, благодаря вопросительному знаку, предложение возможно рассматривать как вопросительное, а с другой стороны – знак восклицания в конце предложения несёт экспрессивный характер, что позволяет нам рассматривать его как экскламативное предложение, выражающее эмоциональное состояние говорящего. Существуют, однако, случаи, когда постановка вопросительного и восклицательного знаков не несёт никакого эмоционального окраса. В статье также были выявлены попытки разграничить сочетания «?!» и «??» в конце предложений.

Перспективным представляется более детальное описание знаков препинания в немецком языке, посредством которых имеется возможность исследовать эмоциональный характер высказывания.

Дата поступления в редакцию 15.08.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина А. В. Частицы в немецком языке. М.: МГОУ, 2022. 142 с.
2. Будниченко Л. А. Смысловые функции эмотивных знаков препинания // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2: История, языковедение, литературоведение. 2003. № 3. С. 140–143.

¹ DGD.

² DGD.

³ DECOW 16A.

3. Зевахина Н. А. Синтаксические и прагматико-семантические критерии выделения экскламативных предложений в разноструктурных языках // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 11 (73). С. 57–79.
4. Ковтунова И. И. Поэтика пунктуации // Язык как творчество: сборник научных трудов к 70-летию В. П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 331–339.
5. Шишкина И. С. Знаки препинания как индикаторы эмоционального высказывания в английском и немецком языках // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2-2. С. 62–65.
6. Cohen A. Incredulity Questions // Decalog 2007: Proceedings of the 11th Workshop on the Semantics and Pragmatics of Dialogue, Trento, Italy, 30 May – 1 June 2007. Trento: University of Trento, 2007. P. 133–140.
7. Elster A. Methodischer Leitfaden der deutschen Interpunktionslehre: ein Hilfsbuch für Theorie und Praxis. Magdeburg: Creutz, 1901. 72 S.
8. Finkbeiner R. Wie deutsch ist DAS denn? Satztyp oder Konstruktion? // Sendbote zwischen den Kulturen. Gustav Korlén und die germanische Tradition an der Universität Stockholm. Stockholm: Acta Universitatis Stockholmiensis, 2015. S. 243–273.
9. Gallmann P. Graphische Elemente der geschriebenen Sprache: Grundlagen für eine Reform der Orthographie. 1. Aufl. s. l. Berlin: Walter de Gruyter GmbH Co. KG, 2016. 333 S. (Reihe Germanistische Linguistik. Band 60).
10. Kirchoff F, Primus B. Das Komma im mehrsprachigen Kontext // Ohne Punkt und Komma ...: Beiträge zu Theorie, Empirie und Didaktik der Interpunktion. (TRANSFER / Ludwigsburger Hochschulschriften). 1. Edition. Berlin: RabenStück Verlag, 2016. S. 78–97.
11. Meibauer J. Rhetorische Fragen. Berlin: De Gruyter, 2010. 300 S.
12. Müller C. Das ‚interrobang‘: hybrides Satzzeichen mit bipartiten Funktionen? Eine empirische Studie zur Interpunktionskompetenz von Schülerinnen und Schülern // Ohne Punkt und Komma ...: Beiträge zu Theorie, Empirie und Didaktik der Interpunktion. Berlin: RabenStück, 2016. S. 491–516.
13. Primus B. Satz Begriffe und Interpunktion // Zur Neuregelung der deutschen Orthographie. Begründung und Kritik. Tübingen: Niemeyer, 1997. S. 463–488.
14. Searle J. R. Sprechakte: ein sprachphilosophischer Essay. 12. Aufl. ed. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2013. 305 S.

REFERENCES

1. Averina A. V. *Chastitsy v nemetskom yazyke* [Particles in the German language]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2022. 142 p.
2. Budnichenko L. A. [Semantic functions of emotive punctuation marks]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Istoriya, yazykoznaniye, literaturovedeniye* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2: History, linguistics, literary criticism], 2003, no. 3, pp. 140–143.
3. Zevakhina N. A. [Syntactic and pragmatic-semantic criteria of exclamative sentences in a cross-linguistic perspective]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye* [RGGU Bulletin. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies], 2011, no. 11 (73), pp. 57–79.
4. Kovtunova I. I. [Poetics of punctuation]. In: *Yazyk kak tvorchestvo: sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu V. P. Grigor'yeva* [Language as creativity: a collection of scientific papers for the 70th anniversary of V. P. Grigoriev]. Moscow, IRYA RAN Publ., 1996, pp. 331–339.
5. Shishkina I. S. [Punctuation marks as indicators of emotional utterance in English and German languages]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State Humanitarian University], 2013, no. 2-2, pp. 62–65.
6. Cohen A. Incredulity Questions. In: *Decalog 2007: Proceedings of the 11th Workshop on the Semantics and Pragmatics of Dialogue, Trento, Italy, 30 May – 1 June 2007*. Trento, University of Trento, 2007, pp. 133–140.
7. Elster A. Methodischer Leitfaden der deutschen Interpunktionslehre: ein Hilfsbuch für Theorie und Praxis. Magdeburg, Creutz, 1901. 72 S.
8. Finkbeiner R. Wie deutsch ist DAS denn? Satztyp oder Konstruktion? In: *Sendbote zwischen den Kulturen. Gustav Korlén und die germanische Tradition an der Universität Stockholm*. Stockholm, Acta Universitatis Stockholmiensis, 2015, S. 243–273.

9. Gallmann P. Graphische Elemente der geschriebenen Sprache: Grundlagen für eine Reform der Orthographie. Berlin, Walter de Gruyter GmbH Co. KG, 2016. 333 S.
10. Kirchhoff F., Primus B. Das Komma im mehrsprachigen Kontext. In: *Ohne Punkt und Komma ...: Beiträge zu Theorie, Empirie und Didaktik der Interpunktion. (TRANSFER / Ludwigsburger Hochschulchriften)*. Berlin, RabenStück Verlag, 2016, S. 78–97.
11. Meibauer J. Rhetorische Fragen. Berlin, De Gruyter, 2010. 300 S.
12. Müller C. Das, interrobang: hybrides Satzzeichen mit bipartiten Funktionen? Eine empirische Studie zur Interpunktionskompetenz von Schülerinnen und Schülern. In: *Ohne Punkt und Komma ...: Beiträge zu Theorie, Empirie und Didaktik der Interpunktion*. Berlin, RabenStück, 2016, S. 491–516.
13. Primus B. Satzbegriffe und Interpunktion. In: *Zur Neuregelung der deutschen Orthographie. Begründung und Kritik*. Tübingen, Niemeyer, 1997, S. 463–488.
14. Searle J. R. Sprechakte: ein sprachphilosophischer Essay. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2013. 305 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жук Нина Васильевна – старший преподаватель кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Национального исследовательского университета «МЭИ»;
e-mail: ZhukNV@mpei.ru

Иванов Владимир Дмитриевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Национального исследовательского университета «МЭИ»;
e-mail: Ivanovvdm@mpei.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nina V. Zhuk – Senior Lecturer, Department of advertising, public relations and linguistics, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”;
e-mail: ZhukNV@mpei.ru

Vladimir D. Ivanov – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of advertising, public relations and linguistics, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”;
e-mail: Ivanovvdm@mpei.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Жук Н. В., Иванов В. Д. Сочетание вопросительного и восклицательного знаков (!?) в некоторых эмотивных типах высказываний (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 101–108.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-101-108

FOR CITATION

Zhuk N. V., Ivanov V. D. The combination of question and exclamation marks (!?) in some emotive types of statements (based on the material of the German language). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 6, pp. 101–108.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-101-108

УДК 811.133.1

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-109-118

СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНОВ «ПРЕДЛОЖЕНИЕ» И «ВЫСКАЗЫВАНИЕ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Рыжова Л. П.*Московский педагогический государственный университет**119435, г. Москва ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель – определение объёма содержания французских терминов “*proposition*”, “*phrase*” / “*énonciation*” и “*énoncé*” и установление функциональных соответствий между данными французскими терминами и русскими терминами «*предложение*» / «*высказывание*».

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал метод контекстуальной интерпретации дефиниций изучаемых терминов, представленных в наиболее значимых трудах отечественных и франкоязычных авторов, занимающихся структурно-семантическими и коммуникативно-функциональными проблемами синтаксиса в сравнении с их русскими эквивалентами.

Результаты. Доказана актуальность для русскоязычной аудитории разграничения неоднозначно используемых во французской грамматике терминов “*proposition*”, “*phrase*”, “*énoncé*” и “*énonciation*”, определены объём содержания и сферы их разграничения, показаны семантико-синтаксические соответствия с их русскими эквивалентами «*предложение*» / «*высказывание*». **Научная новизна** исследования заключается в расширении представлений о содержательном потенциале французских терминов “*proposition*”, “*phrase*”, “*énoncé*” и “*énonciation*” с позиций современной лингвистики на основе методов контекстуальной интерпретации рассматриваемых дефиниций и в установлении семантико-синтаксических их соответствий с русскими эквивалентами «*предложение*» и «*высказывание*».

Теоретическая и практическая значимость. Уточнен понятийно-терминологический статус французских терминов “*proposition*”, “*phrase*” / “*énoncé*” и “*énonciation*”, показана специфика их становления и функционирования в научных текстах на французском языке, что является определённым вкладом в разработку теоретических аспектов французской грамматики. Полученные результаты исследования могут быть включены в соответствующие разделы учебной литературы.

Ключевые слова: высказывание, предложение, традиционная грамматика, функциональный подход, *énoncé*, *énonciation*, *phrase*, *proposition*

THE CONTENT OF THE TERMS “SENTENCE” AND “UTTERANCE” IN FRENCH LINGUISTICS

L. Ryzhova*Moscow Pedagogical State University**ulitsa Malaya Pirogovskaya 1 build. 1, Moscow 119435, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the scope of the content of the French terms “*proposition*”, “*phrase*” / “*énonciation*” and “*énoncé*” and to establish functional correspondence between these French terms and the Russian terms “*sentence*” and “*utterance*”.

Methodology. The key research method was the method of contextual interpretation of the studied terms definitions presented in the most significant works of Russian and French-speaking authors dealing with structural-semantic and communicative-functional problems of syntax in comparison with their Russian equivalents.

Results. The relevance of the differentiation of the terms “proposition”, “phrase”, “énoncé” and “énonciation” ambiguously used in French grammar in French linguistics for the Russian-speaking audience is proved, the scope of the content and the scope of their differentiation are determined, semantic and syntactic correspondences with their Russian equivalents “sentence” / “utterance” are shown. The scientific novelty of the research consists in expanding the understanding of the content potential of the French terms “proposition”, “phrase”, “énoncé” and “énonciation” from the standpoint of modern linguistics based on the methods of contextual interpretation of the definitions under consideration and in establishing their semantic and syntactic correspondence with the Russian equivalents of “sentence” and “utterance”.

Research implications. The conceptual and terminological status of the French terms “proposition”, “phrase”, “énoncé” and “énonciation” is clarified, the specifics of their formation and functioning in scientific texts in French are shown, which is a definite contribution to the development of theoretical aspects of French grammar. The obtained research results can be included into the relevant sections of the educational literature.

Keywords: utterance, sentence, traditional grammar, functional approach; énoncé, énonciation, phrase, proposition

Введение

Сложность адекватного понимания русскоязычными читателями французских научных текстов в области лингвистики обусловлена тем, что многим русским терминам соответствуют, как минимум, две (или более) французские лексические единицы. Так, для слова язык имеется два французских слова: *la langue* и *le langage*; слово *речь* может переводиться как *la parole*, *le discours*, *le dire*, *le parler*. Во многих словарях и научных публикациях не всегда чётко различаются термины *sens* и *signification*, которые рассматриваются как синонимы и переводятся в обоих случаях и как «смысл», и как «значение». Не составляют исключения и синтаксические термины «предложение» и «высказывание». Термину «предложение» соответствуют термины “*la proposition*” и “*la phrase*”, а термину «высказывание» – “*l'énoncé*” и “*l'énonciation*”.

Прежде всего, следует отметить, что в научных публикациях термины “*proposition*” и “*phrase*” часто рассматриваются как синонимы, например, словосочетанию «именное предложение» соответствуют два французских термина: *phrase*

nominale и *proposition nominale*; термины *phrase verbale* и *proposition verbale* переводятся как «глагольное предложение» [см.: 1; 2; 3; 4; 7]. Термин “*la phrase*” может использоваться для описания языковых явлений, соответствующих характеристикам термина “*l'énoncé*”.

Определённые трудности в понимании французских терминов связаны с неоднозначностью их трактования отдельными лингвистами, различными научными школами и направлениями. Так, например, О. Дюкро [11; 12] рассматривает термин “*phrase*” как конечную единицу системы языка (*la langue*). Его понимание предложения-*phrase* определяется в духе традиционной грамматики под влиянием сосюрковского структурализма, одним из важнейших достижений которого стало впоследствии создание системно-структурной концепции языка, где понятие “*phrase*” рассматривается как высшая и конечная единица грамматического анализа в системе языка: *l'unité supérieure de l'analyse grammaticale*; “une unité privilégiée, définissant le terminus ad quem” [15, p. 35]. Изначально занимаясь изучением функционирования языковой

системы в дискурсе, О. Дюкро рассматривает в качестве предмета своего анализа только “*énoncé*”, и в его текстах эти два термина – “*phrase*” и “*énoncé*” – не являются синонимами.

Такое же примерно понимание терминов “*phrase*” и “*énoncé*” наблюдается в работах А. Кюльоли, который проводит свои исследования в рамках лингвистики высказывания (*linguistique de l'énonciation* или *linguistique énonciative*), изучая не сам процесс вербализации сообщения, но значение высказывания (*la signification de l'énoncé*), которое является результатом условий его производства [10, p. 47].

В функциональных грамматиках под влиянием порождающей (генеративной) грамматики, дистрибутивного и трансформационного анализа это понятие становится исходной единицей грамматического анализа – *terminus a quo* [15, p. 35] и рассматривается как основная единица вербальной коммуникации: “*L'unité fondamentale de toute communication linguistique est la phrase*” [13, p. 18; см. также: 8].

Э. Бенвенист исходит из того, что «с предложением (*la phrase*) мы покидаем область языка как системы знаков и входим в другое пространство, а именно в пространство языка (*la langue*) как инструмента коммуникации, выражением которого является речь (*discours*)» [8, p. 130].

Для выявления критериев разграничения грамматических терминов, определяющих условия однозначного их употребления в научных публикациях, были поставлены следующие задачи:

1) кратко представить сведения из истории развития французского синтаксиса относительно формирования терминов “*proposition*”, “*phrase*” и “*énoncé*”;

2) выявить функциональные различия в употреблении синтаксических терминов “*proposition*”, “*phrase*” и “*énoncé*”;

3) уточнить возможные соответствия между французскими и русскими терминами.

Содержательная эволюция синтаксических терминов

Синтаксическая сущность французских терминов заключается в том, что они, в принципе обозначая одну и ту же языковую материю, имеют разное коммуникативно-функциональное предназначение. Частично объяснение подобного рода различиям исследователи находят в истории грамматической науки, прослеживая эволюционные процессы в становлении терминологических понятий. Так, например, изменения в содержании гиперонимического термина *синтаксис* обусловили изменения в содержании и объёме значения других терминологических единиц, образующих категориально-понятийное пространство синтаксиса. Не заглядывая глубоко в историю лингвистической науки, следует отметить, что в грамматиках в XVIII в. определения синтаксиса формулировались, как свидетельствует Кристиана Марчелло-Низия, на основе слова: слова как простые элементы могут вступать в определённые отношения друг с другом и образовывать различного рода комбинации, т. е. синтаксис рассматривался в перспективе от простого к сложному, от слова к предложению, а не наоборот. Постепенно синтаксис стал обозначать способы соединения слов и построения предложений. Концепция, согласно которой синтаксис занимается изучением использования слов для построения предложений, будет господствовать до конца XIX в. Именно тогда ему будет придан статус закона организации структуры предложения, периодов [15].

К. Марчелло-Низия отмечает и тот факт, что французские термины *phrase* и *proposition* меняли своё содержание на протяжении веков. Так, слово *phrase* (греко-латинское *phrasis* – словосочетание, имеющее стилистическую окраску), в XVI в. было введено во французский язык как *fraze* (или *frase*) в значении «оборот», «выражение» и сохранило это зна-

чение до конца XVII в. До начала XIX в. оно фиксировалось в словарях в значении «манера говорить, манера выражения, оборот или построение». По данным французской исследовательницы, в качестве единицы метаязыка французской грамматики слово *phrase* стало использоваться в последней трети XVII в. для описания синтаксических принципов и правил соединения различных элементов языка для регулярного составления высказываний, предложений и периодов [15, p. 45–46].

В это же время при описании грамматических особенностей предложения активно употребляется слово *proposition*, которое в широко известной Грамматике Пор-Рояля “Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal” (1660) А. Арно и К. Лансло приобретает каноническое определение, построенное на основе философских принципов рационализма (картезианства), эмпиризма и сенсуализма. Следовательно, в этот период оба термина *phrase* и *proposition* как единицы метаязыка грамматики используются для теоретического осмысления и описания языкового материала, имея в целом разный предмет обозначения и исследования.

В современной французской лингвистике термины представляют определённые трудности для понимания научных текстов, и эти трудности связаны с причинами историко-эволюционного характера. К. Марчелло-Низия выделяет:

1. Структурно-синтаксическое тождество логической структуры предложения-*proposition* (*тема* – то, о чём говорят, и *предикат* – что говорят о теме) и базовой структуры предложения-*phrase*, состоящей из подлежащего – S, выраженного существительным N или именной группой (GN, GS), и сказуемого – P – *prédicat* (V – глагол или GV – глагольная группа).

2. Изоморфность как отсутствие принципиальной разницы между функциональными структурами предложения-*proposition* и предложения-*phrase*, согласно которой придаточные предло-

жения в составе сложного предложения играют по отношению к глаголу главного предложения ту же синтаксическую роль, что и дополнения по отношению к глаголу в простом предложении [15, p. 45–46].

Однако, постоянно, с большим или меньшим успехом, осуществляются попытки охарактеризовать предложение-*proposition* и предложение-*phrase* как самостоятельные явления синтаксиса, свидетельствуя о том, что современная грамматическая наука продолжает сложившиеся традиции.

Предложение-*proposition*

В современной французской лингвистике термин *proposition* используется для обозначения синтаксической конструкции, денотативную основу которой составляет некоторый фрагмент действительности, некоторое событие, центром которого является глагол-сказуемое: P – *prédicat* (GV – *groupe verbal*), выражающий действие, процесс, состояние и предполагающий наличие имени в качестве подлежащего: S – *sujet* (GN – *groupe nominal*). Следовательно, этот термин используется для обозначения синтаксической конструкции, в состав которой входят подлежащее и сказуемое. Другими словами, в предложении-*proposition*, как правило, хотя бы одно подлежащее предшествует одному сказуемому:

(1) *Pierre aime sa ville natale. Il neige. Il fait froid. Je sais jouer du piano.*¹

С этой точки зрения предложением является и придуманная Л. В. Щербой конструкция «Глокая *куздра* *штето будланула* бокра и *курдяит* бокрѣнка», поскольку полностью соответствует структурно-грамматическим, т. е. морфологическим и синтаксическим нормам русского языка [6].

Предложение-*proposition*, включающее подлежащее и сказуемое, т. е. один предикативный центр, является ядром

¹ Mounin G. Dictionnaire de la linguistique. Paris: PUF, 1974. P. 262.

элементарного предложения-фразы (*phrase de base*), которое является автономной синтаксической единицей и рассматривается как простое предложение:

Proposition (S+P) = phrase de base

Ж. Мунэн определяет предложение-*proposition* как группу слов, имеющую собственное подлежащее и собственное сказуемое, если оно включается в некоторое предложение большего размера: “... *un groupe de mots qui a son propre sujet et son propre prédicat, s’il est inclus dans une phrase plus grande*”. Эта позиция представлена и в словаре лингвистических терминов, где предложение-*proposition* определяется следующим образом:

“*En grammaire traditionnelle on donne le nom de proposition aux phrases élémentaires dont la réunion par coordination ou subordination constitue la phrase effectivement réalisée: la proposition est constituée d’un sujet et d’un prédicat. Sémantiquement il y a proposition toutes les fois qu’il y a énonciation d’un jugement*”².

Из этих определений следует, что предложения-*propositions* как синтаксические единицы могут объединяться посредством сочинительной или подчинительной связи в более крупную синтаксическую единицу, которая образует предложение-*phrase*. По мнению Ю. И. Горбунова, в метаязыке современной французской лингвистики «выявляется тенденция рассматривать термин *proposition* в отношении тех предложений, которые входят в состав сложного предложения (*phrase complexe*)» [5, с. 146]. Следовательно, сложное предложение-*phrase* с подчинительной связью состоит, как минимум, из двух предложений-*propositions*, одно из которых является главным (*proposition principale*), другое (другие) – придаточным (*proposition subordonnée*), которое синтаксически и

семантически зависит от главного: (2) *Je sais que tu es là; J’aime quand tu viens*³.

Два (или более) равноправных предложения-*proposition* типа: *Il pleut et il vente* образуют сложную синтаксическую конструкцию – предложение-*phrase* с сочинительной связью.

Слово *proposition* используется также для описания *вводных предложений* (*proposition incise*):

(3) “*Tout est perdu*”, ***pensa-t-il***;

(4) “***Comme l’a confirmé le porte-parole de l’Elysée, le Président français, lors de son voyage en Chine, au début de mai, fera une escale d’une journée dans la capitale du Népal Katmandou***”⁴.

Предложениями-*propositions* являются и вставные синтаксические конструкции (*proposition incidente*) в составе предложения-*phrase*:

(5) *Oui, tu le pensais bien: Michel nous a parlé, mon cher frère ... Mais il en est plus d’un aujourd’hui, je le crains, qui oserait en ce récit se reconnaître ...*⁵

Предложение-phrase

В метаязыке традиционной грамматики французского языка используется термин *предложение-phrase* как *содержательно-смысловая* единица. Отвечая критерию формы (в устной речи – определённая интонация между двумя паузами, в письменной речи – ограничение типографскими знаками: заглавной буквой в начале и соответствующим знаком препинания в конце), именно предложение-*phrase* отвечает критерию смысла как некий локутивный акт, обладающий фонетической, лексико-грамматической и семантической структурами. Таким обра-

³ Примеры (2) и (3) заимствованы из соответствующих разделов книги Н. М. Васильевой, Л. П. Пицковой «Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис: учебник для вузов» [2, с. 180–190].

⁴ Пример заимствован из книги: Гак В. Г., Григорьев Б. Б. Теория и практика перевода. Французский язык. М.: Интердиалект, 1997. С. 45.

⁵ Примеры (5) и (6) заимствованы из книги Gide A. *L’Immoraliste*. Paris: Gallimard, 1972. P. 12.

¹ См.: Mounin G. *Dictionnaire de la linguistique*. Paris: PUF, 1974. P. 262.

² См.: *Dictionnaire de linguistique* / J. Dubois, M. Giacomio, L. Guespin, C. Marcellesi, J.-B. Marcellesi, J.-P. Mevel. Paris: Larousse, 1973. P. 397.

зом, термин *phrase* может использоваться для обозначения как письменно зафиксированной, так и устно произнесённой цепочки языковых единиц, отражающих предметную сторону ситуации, т. е. то, о чём идёт речь. Присущее предложению-*phrase* денотативное значение обеспечивает получателю сообщения задуманную говорящим субъектом информацию.

Предложение-*phrase* характеризуется как грамматическая категория, так как является предикативной синтаксической структурой, включающей значащие единицы языковой системы, которые осуществляют вербализацию информации о каком-либо событии. Некоторое событие (факт, характеристика) может иногда обозначаться отдельным словом, которое становится центром предложения:

(6) *Michel nous a parlé, mon cher frère. Le récit qu'il nous fit, le voici.*

Событие может быть реальным или нереальным, возможным или желаемым, может происходить сейчас (одномоментно или постоянно), иметь место в прошлом или будущем и т. п. Языковые единицы находятся между собой в иерархических отношениях. Как правило, предложение-фраза состоит из нескольких элементов, которые выполняют различные синтаксические функции главных (подлежащее и сказуемое) и второстепенных (прямое или косвенное дополнение, обстоятельства и т. п.) членов предложения. Для описания этой цепочки языковых единиц лингвисты используют специальные термины и специальные символы: подлежащее и сказуемое, обозначенные символами S + V или GN + GV, образуют абстрактную модель базовой синтаксической структуры простого предложения (*phrase simple*) [см.: 13, р. 43]. Именно предложение-*phrase* (= локутивный акт) является предметом изучения традиционной, системно-структурной (в духе Ф. де Соссюра) лингвистики:

“Selon la grammaire traditionnelle, la phrase est une unité de sens accompagnée, à l'oral, par une ligne prosodique entre deux

pauses et limitée, à l'écrit, par les signes typographiques que sont, en français, la majuscule et le point”¹.

Важно отметить, что предложение-*phrase* образует единицу не данную, каждый раз извлекаемую из памяти, а *построенную* в соответствии с определёнными моделями (типами) организации слов, обоснованными правилами данного языка и составляющими компонент языковой (лексико-грамматической) компетенции говорящего в виде абстрактных моделей. Использование предложений-*phrases* наглядно представлено в учебниках и учебных пособиях по иностранным языкам, созданных в 50–70-е гг. XX в. (см., например, широко известный учебник французского языка Н. И. Поповой и др.).

В этой связи предложение-*phrase* представляет собой локутивный акт, имеющий определённую синтаксическую конструкцию, обладающую интонационно-просодическими характеристиками и состоящую из последовательности языковых единиц, обладающих значением. Для французской лингвистики актуальным является разделение типов предложений-*phrases* на три основные группы, которые являются универсальными: *утверждение* (“dire que P” = assertion), *побуждение* (“dire de P” = incitation) и *вопрос* (“demander si P” = interrogation), где P обозначает пропозициональное (денотативное) содержание предложений-*phrases*. Иногда добавляют такие типы, как восклицание – exclamation или желательность – optativité. Указанные типы предложений-*phrases* способны отражать основные позиции говорящего, который имеет возможность сообщить слушающему некоторую информацию, запросить информацию или же отдать некоторое приказание, а также выразить своё желание, отношение к выражаемой информации, дать оценку.

¹ См.: Dictionnaire de linguistique / J. Dubois, M. Giacomino, L. Guespin, C. Marcellesi, J.-B. Marcellesi, J.-P. Mevel. Paris: Larousse, 1973. P. 365.

Лингвистическое предназначение указанных синтаксических конструкций имеет разнонаправленный характер. С одной стороны, эти фразовые конструкции обращены к языку, к его системно-структурной организации, и традиционно любое предложение-*phrase* рассматривается как высшая и конечная единица грамматического анализа в системе языка; с другой стороны, она обращена к сфере коммуникации и рассматривается с позиций её употребления в конкретных ситуациях общения, т. е. как исходная единица коммуникативно-функционального, дискурсивно-прагматического анализа. Используемое в дискурсе предложение-*phrase* – это высказывание-*énoncé*, которое обладает свойствами, отличающими его от свойств соответствующего предложения, потому что высказывание, в отличие от предложения, создаётся говорящим (пишущим) и адресуется слушающему (читающему) в конкретных пространственно-временных обстоятельствах. Так, О. Дюкро отделяет высказывание-*énoncé* от предложения-*phrase*, «которое является конструктом лингвиста, позволяющим учитывать особенности высказывания ... Заниматься грамматикой любого языка значит выявлять специфику и характеризовать предложения, соответствующие высказываниям, реализуемым при помощи средств данного языка» [12, с. 177].

Высказывание-*énoncé*

Конкретная реализация предложения-*phrase* определённым говорящим, в определённом месте и в определённое время осуществляется посредством высказывания-*énoncé*, которое определяется как результат акта высказывания (*énonciation*). Посредством акта высказывания, по Бенвенисту, говорящий «присваивает себе язык» и тем самым ставит себя в позицию «субъекта» [8, р. 260]. Говорящий субъект реализует в акте высказывания предложение-*phrase* с опре-

делённой целью, преобразует его в высказывание-результат – *énoncé*, наделяя его коммуникативным смыслом, то есть прагматическим значением. Эта цель направлена на вызов ответной реакции со стороны собеседника, составляя прагматический аспект языковой единицы.

Одно и то же предложение, высказанное при разных обстоятельствах, будет соответствовать разным высказываниям. Следовательно, употребление термина “*énoncé*” предполагает неразрывную связь с термином “*énonciation*”, поскольку высказывание-*énoncé* является обязательным компонентом акта высказывания как его продукт. В действительности термин “*énoncé*” далеко неоднозначен и получает различное толкование в зависимости от его интерпретации.

Так, содержание термина “*énoncé*” в концепции Э. Бенвениста вытекает из определения предложения-*phrase* как исходной единицы процесса коммуникации и в целом не выходит за рамки собственно грамматической интерпретации сущности теории высказывания. Ключевая идея определяется выделением двух аспектов в понимании коммуникативного процесса: высказывания, рассматриваемого как индивидуальный акт использования языка – *énonciation*, и высказывания, представляющего собой результат этого акта – *énoncé*. Методологической основой теории высказывания Э. Бенвениста является не сосюрвовское различие между языком и речью, а различие между высказыванием, понимаемым как то, что сказано – *énoncé*, и высказыванием как актом, процессом говорения – *énonciation*, определив акт высказывания как «приведение языковой системы в действие через индивидуальный акт употребления» / “*cette mise en fonctionnement de la langue par un acte individuel d'utilisation*” [9, р. 80], как преобразование говорящим субъектом языка в речь (*en discours*). В этом случае акт высказывания анализируется в направлении от говорящего субъекта к объекту (*énoncé*).

Для некоторых лингвистов высказывание-*énoncé* – это элементарная синтаксически целостная (завершённая) единица вербальной коммуникации, наделённая определённым значением и смыслом. С этой точки зрения понятие “*énoncé*” содержательно эквивалентно понятию речевого акта в трактовке англосаксонской прагматики.

Многие лингвисты, работающие в пространстве теории высказывания, противопоставляют *предложение-phrase* как некоторый внеконтекстный инвариант и *высказывания-énoncés* как многочисленные варианты, соответствующие тем контекстам (ситуациям), в которых это предложение может быть использовано. В целом данное положение так или иначе разделяется всеми исследователями.

Следует подчеркнуть, что рассмотрение высказывания как продукта процесса высказывания предполагает необходимость учитывать, что для получения высказывания-*énoncé* необходим сам процесс высказывания сообщения о некотором событии, то есть соответствующий дискурсивный акт. Для осуществления дискурсивного акта высказывания необходим отправитель сообщения о рассказываемом событии – говорящий субъект, а также получатель этого сообщения. Поэтому в теории высказывания язык рассматривается как продукт сотрудничества того, кто говорит, и того, кто слушает, отправителя сообщения и его получателя. При этом в процессе взаимодействия коммуникативные роли говорящего и адресата меняются. Тем самым утверждается *интерсубъективная* сущность языка (*le langage*) как феномена одновременно дискурсивного, коммуникативного и социального, соотнося прагматику с совокупностью условий обеспечивающих саму возможность дискурса и его воздействующий эффект [14, p. 11]. Методологически базовым положением французской лингвистики является понимание того, что высказывание-*énoncé* сохраняет представление о процессе раз-

вёртывания (рассказывания) вербализуемого в акте высказывания события, что даёт возможность изучать сам акт высказывания, находя в *énoncé* его языковые следы. И с точки зрения исследователя анализ осуществляется в противоположном порядке, от высказывания-*énoncé* к процессу его порождения, поскольку каждый акт высказывания вербализует некоторое событие, а высказывание-*énoncé* представляет собой совокупность зафиксированных в нём способов обозначения и формирования смысла, с помощью которых акт высказывания оказывается реализованным в процессе коммуникации.

Следует отметить и такой факт. Результатом становления и развития таких дисциплин, как лингвистика текста и теория дискурса, анализ разговора и разговорный анализ, стало расширение содержания понятий “*énoncé*” и “*énonciation*” за пределы предложения. В результате термин *énoncé* может обозначать теперь как конструкцию, состоящую из нескольких слов, так и целое произведение: статью, лекцию, роман и т. п., то есть любой продукт (устный или письменный) речевой деятельности как материальный след коммуникативного процесса. И здесь термин *énoncé* приобретает значение, эквивалентное определению текста.

Заключение

Таким образом, определение объёма содержания французских терминов “*proposition*”, “*phrase*”, “*énoncé*” и “*énonciation*” и установление функциональных соответствий между данными французскими терминами и русскими терминами «предложение» и «высказывание» позволили сделать следующие **выводы**:

– трактовка рассматриваемых терминов отличается неоднозначностью их понимания в различных научных школах, направлениях, отдельными лингвистами;

– термины “*proposition*” и “*phrase*” в традиционных грамматиках француз-

ского языка, а также термины “*phrase*” и “*énoncé*” используются франкоязычными лингвистами как синонимы;

– развитие дисциплин коммуникативно-функциональной лингвистики (лингвистики текста, лингвистической прагматики, теории высказывания и др.) способствовало выявлению особенностей становления и функционирования французских терминов “*proposition*”, “*phrase*”, “*énoncé*” и “*énonciation*” в научном тексте, уточнению их понятийно-терминологического статуса путём определения объёма их содержания на основе методов контек-

стуальной интерпретации и рассматриваемых дефиниций и установлению семантико-синтаксических соответствий с русскими эквивалентами «*предложение*» и «*высказывание*», что является определённым вкладом в разработку теоретических аспектов французской грамматики.

Полученные результаты исследования могут быть включены в соответствующие разделы учебной литературы, уточняя содержание важной грамматической терминологии.

Дата поступления в редакцию 30.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Н. М. Синтаксис простого предложения в современном французском языке. М.: Просвещение, 1983. 112 с.
2. Васильева Н. М., Пицкова Л. П. Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 473 с.
3. Веденина Л. Г. Французское предложение в речи. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2013. 204 с.
4. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004. 862 с.
5. Горбунов Ю. И. Французская грамматическая терминология: опыт тезаурального исследования: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 187 с.
6. Скок Т. «Глокая куздра курдючит бокрѣнка». К 140-летию лингвиста Льва Щербы // Информационный портал фонда «Русский мир». URL: https://russkiymir.ru/publications/269970/?sphrase_id=1395630 (дата обращения: 20.09.2022).
7. Шор Е. Н. Практическая грамматика французского языка. Для научных работников. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2019. 221 с.
8. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale, 1. Paris: Gallimard, 1966. 356 p.
9. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale, 2. Paris: Gallimard, 1974. 288 p.
10. Culioli A. Pour une linguistique de l'énonciation: opérations et représentations. T. 1. Paris: Ophrys, 1990. 225 p.
11. Ducrot O. Analyse de textes et linguistique de l'énonciation // Les mots du discours / dir. O. Ducrot Paris: Minuit, 1980. P. 7–56.
12. Ducrot O. Le Dire et le dit. Paris: Minuit, 1984. 240 p.
13. Genouvrier E., Gruwicz Cl. Français et exercices structuraux au CM 1. Paris: Larousse, 1973. 223 p.
14. Jacques F. Dialogiques. Recherches logiques sur le dialogue. Paris: PUF, 1979. 422 p.
15. Marchello-Nizia C. La notion de «phrase» dans la grammaire // Langue française. 1979. Vol. 41. No. 1. P. 35–48.

REFERENCES

1. Vasil'yeva N. M. *Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom frantsuzskom yazyke* [Syntax of a simple sentence in modern French]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1983. 112 p.
2. Vasil'yeva N. M., Pitskova L. P. *Frantsuzskiy yazyk. Teoreticheskaya grammatika, morfologiya, sintaksis* [The French language. Theoretical grammar, morphology, syntax]. Moscow, Yurayt Publ., 2018. 473 p.
3. Vedenina L. G. *Frantsuzskoye predlozheniye v rechi* [French sentence in speech]. Moscow, URSS: LIBROKOM Publ., 2013. 204 p.
4. Gak V. G. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2004. 862 p.
5. Gorbunov Yu. I. *Frantsuzskaya grammaticheskaya terminologiya: opyt tezaurosnoy issledovaniya* [French grammatical terminology: experience of thesaurus research]. St. Petersburg, Russian State Pedagogical University im. A. I. Herzen Publ., 2004. 187 p.

6. Skok T. ["Glokaya kuzdra kurdyachit bokronka". To the 140th anniversary of the linguist Lev Shcherba]. In: *Informatsionnyy portal fonda «Russkiy mir»* [Information portal of the Russkiy Mir Foundation]. Available at: https://russkiymir.ru/publications/269970/?sphrase_id=1395630 (accessed: 20.09.2022).
7. Shor Ye. N. *Prakticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka. Dlya nauchnykh rabotnikov* [Practical grammar of the French language. For scientific workers]. Moscow, URSS Publ., LIBROKOM Publ., 2019. 221 p.
8. Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*, 1. Paris, Gallimard, 1966. 356 p.
9. Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*, 2. Paris, Gallimard, 1974. 288 p.
10. Culioli A. *Pour une linguistique de l'énonciation: opérations et représentations*. T. 1. Paris, Ophrys, 1990. 225 p.
11. Ducrot O. *Analyse de textes et linguistique de l'énonciation*. In: Ducrot O., dir. *Les mots du discours*. Paris, Minuit, 1980, pp. 7–56.
12. Ducrot O. *Le Dire et le dit*. Paris, Minuit, 1984. 240 p.
13. Genouvrier E., Gruwzbz Cl. *Français et exercices structuraux au CM 1*. Paris, Larousse, 1973. 223 p.
14. Jacques F. *Dialogiques. Recherches logiques sur le dialogue*. Paris, PUF, 1979. 422 p.
15. Marchello-Nizia C. La notion de «phrase» dans la grammaire. In: *Langue française*, 1979, vol. 41, no. 1, pp. 35–48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыжова Людмила Павловна – доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков им. В. Г. Гака Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета;
e-mail: lpryjova@rambler.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila P. Ryzhova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Romance Languages named after V. G. Gak, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: lpryjova@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рыжова Л. П. Содержание терминов «предложение» и «высказывание» во французской лингвистике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 109–118.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-109-118

FOR CITATION

Ryzhova L. P. The content of the terms “sentence” and “utterance” in French linguistics. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 6, pp. 109–118.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-109-118

УДК 81`42

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-119-132

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВСТРЕЧНЫХ ВОПРОСОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ

Чуриков М. П.

*Ростовский государственный университет путей сообщения
344038, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка
Народного Ополчения, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить и описать функционально-прагматические особенности встречных вопросов в немецкоязычном политическом интервью.

Процедура и методы. В работе исследуются фрагменты немецкоязычных политических интервью, в которых ответные реплики политиков представляют собой встречные вопросы. Структурно-семантический анализ встречных вопросов выявил их формально-содержательное и функциональное сходство. Методами дискурсивного и контент-анализа определено коммуникативное намерение политического деятеля в контексте реализации коммуникативной стратегии согласия, несогласия или уклонения.

Результаты. Встречный вопрос нарушает привычную вопросно-ответную модель интервью, выражает эмотивно-экспрессивное отношение политического деятеля к действительности и реализует коммуникативную стратегию согласия, несогласия или уклонения.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты вносят вклад в изучение речевоздействующей силы языковых единиц и могут быть использованы при описании коммуникативных стратегий.

Ключевые слова: встречный вопрос, коммуникативная стратегия, несогласие, политическое интервью, согласие, уклонение

FUNCTIONAL AND PRAGMATIC POTENTIAL OF COUNTER QUESTIONS IN A POLITICAL INTERVIEW

M. Churikov

*Rostov State Transport University
ploshad Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya 2, Rostov-on-Don 344038,
Rostov Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify and describe the functional and pragmatic features of counter questions in a German-language political interview.

Methodology. The paper examines fragments of German-language political interviews in which politicians' responses are counter questions. Structural-semantic analysis of counter questions revealed their formal-substantive and functional similarity. The methods of discursive and content analysis determine the communicative intention of a political figure in the context of the implementation of the communication strategy of agreement, disagreement or avoidance.

Results. The counter question violates the usual question-answer model of the interview, expresses the political figure's emotive-expressive attitude to reality and implements the communicative strategy of agreement, disagreement or avoidance.

Research implications. The results obtained contribute to the study of the speech-influencing power of language units and can be used to describe communication strategies.

Keywords: counter question, communication strategy, disagreement, political interview, consent, avoidance

Введение

На протяжении нескольких последних десятилетий не ослабевает интерес исследователей к проблемам функционирования языковых единиц в речи, к возможности учёта «человеческого фактора» при производстве и интерпретации речевых высказываний. В этой связи актуальным представляется изучение воздействующей силы языковых единиц в различных ситуациях речевого общения, в том числе в политическом дискурсе. Политический диалогический дискурс, к которому мы можем с полным правом отнести жанр политического интервью, предоставляет широкие возможности для изучения речевого воздействия, поскольку политическое интервью характеризуется наличием определённых коммуникативных стратегий и тактик, направленных на изменение морально-нравственных ориентиров, психоэмоционального состояния, поведения, политических взглядов электоральной аудитории [15, с. 121; 16, с. 26–27].

Политическое интервью как одна из разновидностей диалогического дискурса предполагает наличие определённой асимметрии коммуникативных ролей собеседников: интервьюер изначально выступает в качестве инициатора диалога, он задаёт вопросы и меняет тему разговора, а интервьюируемый политик занимает ведомую позицию, то есть отвечает на вопросы в рамках выбранной интервьюером тематики [22, с. 7–8]. Естественно, попытка политического деятеля нарушить привычное течение беседы может быть воспринята аудиторией как стремление перехватить инициативу, сменить «неудобную» тему или уклониться от ответа на «неудобный» вопрос,

скрыть свои истинные намерения, завуалировать собственное незнание предмета беседы, сыграть роль «невинной жертвы» и т. д. В этой связи особый интерес представляет встречный вопрос, возникающий в ответ на иницирующую реплику интервьюера.

В структуре диалога встречный вопрос представляет собой ответную реплику, обладающую формальными признаками интеррогативности (порядок слов, интонация) и возникающую как реакция на предшествующее вопросительное высказывание. Тем самым нарушается естественная логика процесса построения вопросно-ответного диалога, где за вопросом следует ответ, а не вопрос [21, с. 3].

Исследования встречных вопросов в отечественной лингвистике затрагивают их структурно-семантические характеристики [11], описывают их функциональные возможности с учётом решения прагматических задач (смена темы разговора, уклонение от ответа, выражение сомнения и т. д.) [21], определяют их влияние на кооперативное / некооперативное общение [20]. В зарубежных исследованиях внимание фокусируется на типологии вопросительных конструкций [24] и просодических особенностях интеррогативных высказываний [25].

Функционально-прагматические характеристики встречных вопросов, связанные с возможностью их использования в качестве приёмов реализации разноплановых коммуникативных стратегий и тактик, например, в работах [7; 22], обуславливают правомерность рассмотрения данного языкового явления как одного из инструментов реализации

коммуникативной стратегии согласия, несогласия и уклонения. В нашей работе мы предпринимаем попытку проанализировать встречные вопросы в политическом интервью через призму коммуникативной стратегии согласия, несогласия и уклонения. Впервые во встречных вопросах обнаруживаются и описываются интенции коммуниканта, позволяющие по-новому взглянуть на функционирование ответных реплик в интервью и переосмыслить устоявшееся мнение о том, что встречные вопросы преимущественно являются приёмами реализации коммуникативной стратегии уклонения. Встречные вопросы могут также маркировать кооперативное поведение политика, а также раскрывать дополнительные оттенки смысла, которые оказывают воздействие на речевое поведение интервьюера и на общий ход коммуникации. Полученные в ходе исследования результаты вносят вклад в развитие возможностей диагностирования личностных свойств политиков на основании их коммуникативного поведения, что и обуславливает актуальность работы.

Методы и принципы исследования

Для раскрытия функционально-прагматических особенностей встречных вопросов мы обратились к материалам немецкоязычных политических интервью, опубликованных в разные годы в еженедельном информационно-политическом журнале Германии «Шпигель» (*Der Spiegel*) и размещённые на официальном сайте журнала в разделе *DER SPIEGEL Archiv*¹. Методом сплошного чтения были отобраны примеры вопросно-ответных единств, в которых ответные реплики политиков (встречные вопросы) представляют собой вопросительные высказывания. При помощи структурно-семантического и контекстуального анализа речевых единиц, входящих в

состав вопросно-ответного единства и в смежные реплики коммуникантов, мы предприняли попытку объединить обнаруженные нами встречные вопросы в группы на основании формально-содержательного и функционального сходства. Предложенное деление не претендует на абсолютную полноту и универсальность, является в некоторой степени условным, но, на наш взгляд, даёт представление о спектре встречных вопросов в политическом интервью:

– модусные вопросы (вопросы типа *Wie kommen Sie auf die Idee / die Frage / darauf?*, в которых внимание фокусируется на когнитивно обусловленных механизмах порождения иницирующего вопроса);

– каузальные вопросы (вопросы с вопросительными словами *Wieso?* и *Warum?*, в которых акцентируется установление причинно-следственных связей между иницирующим и встречным вопросом);

– вопросы-переспросы (вопросы, в которых внимание сосредоточивается на определённом фрагменте иницирующего вопроса, вызывающем недоумение или недопонимание);

– риторические вопросы (вопросительные по своей форме высказывания, не предполагающие обязательного ответа и функционирующие как утверждение или отрицание);

– истинные и ложные конкретизирующие вопросы (вопросы, направленные на получение дополнительной информации и преследующие различные коммуникативные цели).

С точки зрения функционально-прагматических характеристик исследованные фрагменты политических интервью с реактивными вопросительными репликами позволили говорить о том, что политический деятель с помощью встречных вопросов выражает определённое коммуникативное намерение – согласие, несогласие или уклонение – и раскрывает при этом своё психоэмоциональное состояние.

¹ См.: DER SPIEGEL Archiv // DER SPIEGEL: [сайт]. URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/> (дата обращения: 06.04.2022).

Ключевым фактором подобной дифференциации стал тезис о том, что «критерием понимания смысла в рамках коммуникации может служить только определенное действие» и «решающее значение имеет не столько пропозициональное содержание этого действия, сколько его иллокутивная сила» [12, с. 129]. Применительно к нашему исследованию это означает, что политический деятель, отвечая вопросом на вопрос, вовсе не желает получить от интервьюера какую-либо информацию, а репрезентирует своё согласие или несогласие, либо уклоняется от ответа на вопрос.

Обсуждение и результаты

Согласие и несогласие традиционно рассматриваются как взаимосвязанные компоненты коммуникативного сознания, в основе которых лежит отношение коммуникантов к объективной действительности. Это позволяет нам утверждать, что согласие и несогласие как коммуникативные стратегии характеризуются наличием определённой модальности, которая выражается в том, что коммуникант имеет положительное или отрицательное (негативное) отношение к высказыванию своего коммуникативного партнёра, его мнению, точке зрения или какому-либо действию. Согласие / несогласие воспринимается как сформированная позиция коммуниканта относительно предмета обсуждения [18, с. 63–64], то есть мы можем с уверенностью предположить, что выбор коммуникативных приёмов для выражения стратегии согласия / несогласия является осознанным и обуславливается коммуникативной ситуацией.

Речевые акты, репрезентирующие согласие / несогласие, возникают как ответная реакция на предшествующую реплику коммуникативного партнёра. В основе такой реакции мы можем наблюдать выражение коммуникативного намерения согласиться / не согласиться с точкой зрения собеседника, признать / опровергнуть его

правоту, обозначить своё положительное / отрицательное отношение к излагаемому мнению. Лингвистические и экстралингвистические особенности коммуникации, коммуникативные установки собеседников оказывают влияние на выбор тех или иных лексико-грамматических конструкций для выражения согласия / несогласия и обуславливают кооперативное или конфронтационное поведение коммуникантов. Несмотря на то, что несогласие, как можно предположить, представляет собой вид конфронтационного поведения, в ряде случаев оно является предпочтительным действием и показателем кооперативных взаимоотношений в сфере общения [20, с. 72]. Например, в ходе выработки и принятия консолидированного решения, если коммуникант должен отстаивать свою позицию и защищать свою точку зрения, особенно если он чувствует себя оскорблённым или уличённым в некомпетентности.

Речевые акты с иллокутивной силой уклонения представляют собой попытку коммуниканта избежать ответа на неудобный вопрос, скрыть своё истинное намерение, перевести тему интервью в другое русло и т. д. [5; 7; 23]. Л. Б. Головаш подчёркивает тот факт, что уклонение как коммуникативная стратегия представляет собой определённый выбор коммуникантом языковых средств, которые представляют собой «неявные, имплицитные, смыслы, основанные на социально-этических нормах», и реализуют помимо основной функции (уклонение) «дополнительную экспрессивную иллокутивную функцию, выражающую то или иное чувство (осуждение, пренебрежение и т. п.)» [5, с. 8–9].

1. Модусные вопросы

Анализ эмпирического материала, появившегося в поле нашего рассмотрения, показывает, что в немецкоязычном политическом интервью политические деятели активно используют встречные вопросы, представляющие в структурном отношении интеррогативные конструкции с

вопросительными словами *Wie?* и предикатом, выраженным глаголом *kommen* в различных временных формах. Вопросы такого типа, как правило, на поверхностном уровне отражают стремление политического деятеля узнать, каким образом интервьюер пришёл к тому или иному заключению, сформулированном в иницирующем вопросе, а на самом деле представляют собой яркий пример выражения согласия / несогласия. Политику в действительности неинтересно узнать о механизмах порождения точки зрения интервьюера. Стереотипная форма встречного вопроса *Wie kommen Sie auf die Idee? / Frage? / darauf?*, которая встречается в различных коммуникативных ситуациях, говорит о его универсальности в качестве первой, непосредственной реакции коммуниканта на иницирующую реплику. Как справедливо отмечает Е. А. Скородумова, первая реакция на какое-то речевое событие или речевой поступок «варьируется в пределах позитивного и негативного (нравится – не нравится, согласен – не согласен)» [19, с. 10]. Рассмотрим примеры (*здесь и далее в примерах полужирный курсив наш. – М. Ч.*):

(1) SPIEGEL: Herr Steinbrück, bisher sind alle Bemühungen, die Euro-Krise zu beenden, gescheitert. Warum sagt eigentlich kein Politiker, dass die Gemeinschaftswährung, so wie sie einmal konzipiert und den Bürgern verkauft wurde, gar nicht zu retten ist?

Steinbrück: ***Wie kommen Sie denn auf die Idee, dass der Euro nicht zu retten sei?***

(*Der Spiegel*, 37/2011)

В примере (1) мы видим использование интервьюируемым политиком в качестве ответной реплики на вопрос интервьюера интеррогативного высказывания *Wie kommen Sie auf die Idee, dass ...?* Семантическая интерпретация данного высказывания показывает намерение политика уточнить, как интервьюеру могла прийти в голову идея о сформулированном в его вопросе положении дел. Коммуникативно-прагматическая интерпретация данного высказывания сви-

детельствует о намерении политика не согласиться с интервьюером и выразить своё эмотивное отношение к его мнению, а именно удивление очевидной абсурдностью и нелепостью запрашиваемой в вопросе информации (ср.: *Как Вам такое вообще могло прийти в голову?*).

(2) SPIEGEL: Macht Ihnen Politik eigentlich Freude?

Oettinger: ***Wie kommen Sie denn auf die Frage?*** Klar.

(*Spiegel*, 31/2008)

По ответной реплике в примере (2) (*Как Вы вообще могли такое спросить?*) можно предположить, что политик не согласен с точкой зрения интервьюера. Однако появление слова *klar* (*конечно, ясное дело*) в конце ответной реплики меняет наше первичное предположение на диаметрально противоположное: политический деятель соглашается с точкой зрения интервьюера. При этом встречный вопрос выражает его искреннее удивление попыткой интервьюера усомниться в очевидности того факта, что политика действительно доставляет ему радость.

2. Каузативные вопросы

Встречные вопросы, вводимые вопросительным словом *Wieso?*, по своим коммуникативно-прагматическим характеристикам соответствуют *почему*-репликам в русском языке, функционирование которых подробно исследовалось в трудах отечественных лингвистов [1, с. 44; 6, с. 186–187]. Иллокутивная сила таких реплик заключается в выражении возражения на утверждение или отрицательном ответе на вопрос [14, с. 310], например:

(3) SPIEGEL: Sie gelten als Vater der Großen Koalition. Haben Sie Ihre Einmischung von damals eigentlich schon mal bereut?

Steinmeier: ***Wieso sollte ich bereuen, die Parteien auf die Verfassungslage hingewiesen zu haben?*** Danach ist die Vorstellung schlicht falsch, der Bundespräsident habe freie Hand, wann es Neuwahlen gibt und wann nicht.

(*Der Spiegel*, 38/2018)

В примере (3) понимание смысла отрицательного ответа политика, его несогласие с репликой интервьюера можно раскрыть через ряд трансформаций, вскрывающих имплицитное отрицание. Сравните: – *Вы раскаялись в своём вмешательстве? – Почему мне следовало бы раскаяться? → На основании чего Вы считаете, что мне следовало бы раскаяться? → У Вас нет достаточных оснований. → Я не раскаялся.*

Добавление отрицательной частицы *nicht* в синтаксическую конструкцию с вопросительным словом *warum / wieso* переводит встречный вопрос в разряд приёмов выражения коммуникативной стратегии согласия, например:

(4) SPIEGEL: Werden Sie im Sommer zur Fußballweltmeisterschaft nach Russland fahren?

Seehofer: *Wieso nicht?* Wenn mein Terminkalender das zulässt, werde ich fahren. Wir sollten den Sport nicht politisch instrumentalisieren, das war schon immer meine Meinung.

(*Der Spiegel*, 17/2018)

Здесь следует отметить, что конструкции без отрицательной частицы *nicht* однозначно представляют собой речевые акты несогласия, показывающие, что мнение интервьюера является ошибочным. Конструкции с отрицательной частицей *nicht* манифестируют гипотетическое согласие политика с мнением интервьюера, к которому добавляется завуалированное побуждение к совершению того или иного действия [11, с. 11].

На наш взгляд, дифференциальным признаком, позволяющим нам отнести встречные вопросы с вопросительными словами *Wieso? u Warum?* к речевым актам согласия / несогласия, заключается в разной степени реальности, преддицируемой субъекту. Сравните: в примере (3) субъекту (политическому деятелю) преддицируется определённое действие (раскаяние), которое, будучи выраженным через временную форму перфекта, говорит об этом действии как о свершившемся факте. Это и вызывает эмоционально

окрашенную негативную реакцию политика. Пример (4) преддицирует субъекту определённую возможность (форма футурума глагола *fahren*), которая может наступить, а может и не наступить при выполнении каких-либо условий (если график работы позволит совершить поездку в Россию). Отсюда вытекает дополнительная иллюкутивная сила такого встречного вопроса: формирование у аудитории иллюзии возможности осуществления маловероятного намерения.

3. Вопросы-переспросы

Вопросы-переспросы представляют собой особый тип ответных реплик, в которых мы имеем дело с реакцией на неуместность реплики-стимула вследствие недопонимания коммуникантами друг друга или разногласий в отношении к тем или иным высказываниям или речевым поступкам. В своей структуре переспрос содержит интонационно выделяемый компонент, отсылающий к тому фрагменту реплики-стимула, который вызвал недопонимание [8, с. 115]. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, вкрапление в ответную реплику элементов иницирующего высказывания представляет собой случай диалогической цитации, когда воспроизведение чужой речи в ответной реплике служит достижению коммуникативных целей, отличных от изначального намерения в реплике-стимуле [2, с. 669–672]. Как правило, переспросы характеризуются как экспрессивные речевые акты, выражающие эмоциональную реакцию коммуниканта на содержащуюся в реплике-стимуле информацию: удивление, возмущение, протест, несогласие и т. д. Рассмотрим пример:

(5) SPIEGEL: Frau Wagenknecht, warum malen Sie Deutschland eigentlich so schwarz?

Wagenknecht: *Schwarzmalen?* Inzwischen arbeitet jeder Fünfte im Niedriglohsektor. Die Renten haben seit dem Jahr 2000 massiv an Kaufkraft verloren. Selbst ein Durchschnittsverdiener muss heute befürchten, dass er im Alter arm ist.

(*Der Spiegel*, 9/2017)

В примере (5) политический деятель фокусируется на глаголе *schwarzmalen* (*рисовать в мрачном свете*), выбранном интервьюером для описания ситуации с размерами заработной платы в Германии. Ответная реплика политика свидетельствует здесь не только о неприятии им позиции интервьюера, но также о возмущении и негодовании, поскольку он вовсе не представляет всё в мрачном свете, а наоборот говорит о реальном положении дел, приводя конкретные факты и цифры в продолжение своей реплики.

Следующий пример (6) также иллюстрирует экспрессивный характер вопроса-переспроса политического деятеля, в котором он эмоционально протестует против позиции интервьюера:

(6) SPIEGEL: Aber als die Regelung jüngst in Karlsruhe verhandelt wurde, waren Sie nicht dabei. Warum haben Sie gekniffen?

Leutheusser-Schnarrenberger: **Wieso gekniffen?** Hätte ich als zuständige Justizministerin etwa ein Gesetz verteidigen sollen, das ich selbst für falsch halte? Das wäre ja wohl ungläubwürdig gewesen ...

(*Der Spiegel*, 2/2010)

В примере (6) политический деятель фокусирует внимание именно на выборе интервьюером глагола *kneifen*, употреблённом в данной коммуникативной ситуации в фамильярно-вульгарном значении «увилить», «сачковать». Политический деятель гневно протестует против попытки интервьюера обвинить его в недобросовестном исполнении своих служебных обязанностей на посту министра юстиции, а именно в его отсутствии в Карлсруэ на обсуждении вопросов правового урегулирования.

4. Риторические вопросы

Риторическим вопросам посвящено большое количество исследовательских работ, в которых рассматриваются их коммуникативно-прагматические особенности [19], дискуссионные характеристики [17], возможности использования в качестве приёмов реализации стратегии убеждения [13] и т. д. Ключевым фак-

тором при изучении речевых вопросов выступает их специфика, заключающаяся в несовпадении его пропозиционального содержания с коммуникативным намерением адресанта. Коммуникативное намерение адресанта заключается не в получении запрашиваемой информации, поскольку ответ либо известен всем участникам коммуникации, либо выводится путём нехитрых умозаключений, а в реализации определённых коммуникативных установок [19, с. 9].

При определении иллокутивной силы риторических вопросов в качестве ответной реплики нам следует помнить об одной общеизвестной специфике риторических вопросов: положительный риторический вопрос соответствует отрицательному утверждению (имплицитное несогласие), а присутствие отрицательного элемента обуславливает положительный характер утверждения (имплицитное согласие) [3, с. 5–6]. Эта особенность позволяет нам достаточно легко определить иллокутивную силу согласия / несогласия / уклонения в ответе на общий вопрос, например:

(7) SPIEGEL: Konnten Sie es sich als Teenager vorstellen, mit Ihrem Aussehen einmal Vizekanzler der Bundesrepublik zu werden?

Rösler: **Welcher Teenager kann sich überhaupt vorstellen, einmal Vizekanzler zu werden?** Ich finde, die Bürger gehen doch sehr tolerant und gelassen mit der Tatsache um, dass ich anders aussehe als der „Durchschnittsdeutsche“.

(*Der Spiegel*, 29/2011)

В примере (7) интервьюер спрашивает политического деятеля о том, мог бы он, будучи подростком, представить себе, что с такой внешностью он когда-нибудь станет вице-канцлером ФРГ. Отрицательный ответ (несогласие политика) следует из трансформации риторического вопроса в утверждение путём подстановки маркера несогласия: – *Welcher Teenager kann sich überhaupt vorstellen, einmal Vizekanzler zu werden?* → *Keiner Teenager kann*

sich das vorstellen. (Какой подросток вообще может себе представить, что однажды станет канцлером? → Никакой подросток не может себе это представить). Таким образом, мы получаем отрицательный ответ на иницирующий вопрос интервьюера: – *Вы могли, будучи подростком, представить себе, что с такой внешностью станете однажды вице-канцлером? – Какой подросток вообще может себе представить, что однажды станет канцлером? → Никакой подросток не может себе это представить → Я не мог себе это представить.*

Для понимания иллюкативной силы ответной реплики, представляющей собой встречный риторический вопрос, необходимо также учитывать пропозициональное содержание иницирующей и ответной реплик, а также пресуппозиции участников коммуникативной ситуации. Обратимся к примеру:

(8) SPIEGEL: *Versuchen wir es eine Nummer kleiner: Ist es links, bei einem Völkermord wie in Ruanda zuzusehen?*

Gysi: *Wollte irgendein westliches Land dort Truppen hinschicken?* Keines. Warum? Dort gibt es kein Öl.

SPIEGEL: *Sie weichen aus. Darf man als Linker da zusehen?*

(*Der Spiegel*, 49/2013)

В примере (8) интервьюер пытается выяснить, соответствует ли принципам партии левого толка наблюдение за геноцидом, как, например, в Руанде. Мы можем предположить, что пресуппозиция интервьюера заключается в следующем: 1) имеется факт наличия геноцида (потому что за ним можно наблюдать); 2) геноцид имеет место в Руанде; 3) существует определённое соотношение между наблюдением за геноцидом и «левой» доктриной. Ответная реплика представляет собой классический риторический вопрос, на который сам политик и отвечает: – *Захотела какая-либо западная страна отправить туда войска? Никакая (ни одна).* В ответной реплике прослеживается следующая пресуппозиция политиче-

ского деятеля: 1) в Руанду (*dort – туда*) нужно направить войска; 2) в Руанде имеет место какой-то конфликт, который требует вооружённого вмешательства; 3) западные государства не вмешались в данный конфликт. Несовпадение пресуппозиций интервьюера и политика (первого интересует соотношение геноцида и левых взглядов, а второй говорит о невмешательстве западных государств в референтную ситуацию) позволяет нам сделать вывод о том, что политик уклоняется от прямого ответа на вопрос. Именно так и понимает интервьюер реакцию политика, констатируя его уход от ответа в своей следующей реплике (*Sie weichen aus. – Вы уклоняетесь*).

К особой категории встречных вопросов, обладающих структурно-семантическими характеристиками риторического вопроса, мы можем отнести ответные реплики, которые, по терминологии Е. Н. Линдстрем [10, с. 12], занимают промежуточное положение между традиционными вопросами и риторическими, поскольку выражают предположение противоположного. Так называемые «вопросы-сомнения» утрачивают условие искренности (говорящий действительно не знает ответ на вопрос и желает его получить). Понимание иллюкативной силы согласия / несогласия / уклонения обусловливается контекстуальной детерминированностью встречных вопросов в каждой конкретной коммуникативной ситуации. Приведём примеры.

(9) SPIEGEL: *Was war dümmmer von Steinbrück: zu sagen, er trinke keinen Pinot Grigio unter fünf Euro, oder, ein Bundeskanzler verdiene zu wenig?*

Lauterbach: *Glauben Sie wirklich, dass ich in die Falle tappe, die Sie mir mit dieser Frage stellen?*

(*Der Spiegel*, 36/2013)

В примере (9) интервьюер задаёт провокационный вопрос, касающийся субъективной оценки речевых поступков конкретного политика: какие слова Штайнбрюка оказались более глупыми,

то, что он не пьёт пино гриджио (*сорт вина – М. Ч.*) дешевле пяти евро или что бундесканцлер слишком мало зарабатывает. Пресуппозиция в иницилирующей реплике заключается в следующем: слова Штайнбрюка были глупыми. Ответ интервьюируемого политика представляет собой яркий пример категорического уклонения от ответа на вопрос: – *Вы действительно считаете, что я попаду в ловушку, которую Вы мне приготовили этим вопросом?* → *Нет, вы так не считаете* → *Вы понимаете, что не получите ответ на свой вопрос.* Политик сумел разгадать провокацию интервьюера: если бы политик стал отвечать на поставленный вопрос, то согласился бы с пресуппозицией, что Штайнбрюк действительно сглупил, и выставил бы своего коллегу по цеху в неприглядном цехе.

5. Истинные и ложные конкретизирующие вопросы

Рассматривая встречные вопросы, которые мы относим к этой категории, мы руководствовались в первую очередь тезисом о том, что вопросы такого типа должны в полной мере удовлетворять условиям успешности речевого акта [4, с. 125]. В контексте нашего исследования релевантным становится тот фактор, что политический деятель действительно желает знать ответ на свой вопрос и предполагает, что интервьюер действительно может на этот вопрос ответить. В этой связи мы считаем целесообразным говорить об истинных конкретизирующих вопросах, которые способствуют сохранению принципа кооперативного поведения в интервью: политик уточняет у интервьюера те или иные непонятные для него моменты, чтобы дать более аргументированный ответ. Ложные конкретизирующие вопросы, напротив, не предполагают ответ интервьюера, не способствуют сохранению динамики диалога и развитию темы, и выступают в качестве речевых ходов реализации коммуникативной тактики уклонения [9, с. 34]. Рассмотрим примеры:

(10) SPIEGEL: Bereuen Sie, Ihren ehemaligen Sprecher Michael Offer während einer Pressekonferenz öffentlich zum Gespött gemacht zu haben?

Schäuble: ***Haben Sie die besagte Szene im Saal miterlebt?***

SPIEGEL: Nein, wir kennen sie aus dem Fernsehen und von YouTube.

Schäuble: Von denen, die dabei im Saal waren, hat sich niemand beschwert. Die Szene hat im Internet eine völlig andere Wirkung entfaltet.

(*Der Spiegel, 51/2011*)

В примере (10) интервьюер спрашивает у политика, раскаивается ли он в том, что в ходе пресс-конференции публично выставил на посмешище своего бывшего спикера. Ответная реплика представляет собой встречный вопрос, в котором политик интересуется, присутствовал ли интервьюер в зале во время упомянутого события. Данное высказывание также удовлетворяет условиям успешности речевого акта вопроса и является истинным конкретизирующим вопросом. Коммуникативное намерение политика, как мы можем предположить, заключается в попытке получить от интервьюера дополнительные сведения, которые помогли бы ему нужным образом отреагировать в данной коммуникативной ситуации.

Ложные конкретизирующие вопросы в структурном отношении также представляют собой традиционные вопросы, однако задающий их политик не преследует цель получить недостающую информацию от своего собеседника, а пытается уйти от прямого ответа на поставленный вопрос. Рассмотрим примеры:

(11) SPIEGEL: Als Sie sich vor kurzem in Berlin mit einem Fest verabschiedet haben, war Ihr Parteichef Horst Seehofer nicht dabei, obwohl er ebenfalls in Berlin war. Warum haben Sie ihn nicht eingeladen?

Glos: ***War er nicht eingeladen?*** Jedenfalls hätte er nicht gestört.

(*Der Spiegel, 32/2013*)

В примере (11) интервьюер пытается выяснить причины, по которым полити-

ческий деятель не пригласил своего партийного лидера на торжественный приём по случаю своей отставки. Ответная реплика политика представляет собой встречный вопрос: – *A ego ne пригласили?* Мы наблюдаем нарушение условия успешности речевого акта вопроса, так как политик не заинтересован в ответе интервьюера, а продолжает развивать свою мысль. Коммуникативное намерение политика заключается в выражении мнимого сожаления фактом отсутствия партийного лидера (*jedenfalls hätte er nicht gestört – во всяком случае, он бы не помешал*). Такому пониманию способствует также противопоставление форм активного и пассивного залога в иницилирующей и ответной репликах (*Sie haben ihn eingeladen vs. Er war eingeladen*). Можно предположить, что политик сознательно прибегает к использованию пассивного залога, давая понять аудитории, что он не имеет отношения к данной ситуации.

(12) SPIEGEL: Waren Sie ein Putin-Versteher, Herr Kubicki?

Kubicki: **Was heißt Putin-Versteher?** Ich habe mich immer bemüht zu verstehen, was andere wollen – das galt auch für Wladimir Putin. Ich halte das für eine vernünftige Grundlage, um überhaupt kommunizieren zu können, vor allem wenn es um andere Kulturen und Länder geht.

(*Der Spiegel*, 15/2022)

В своей ответной реплике в примере (12) политический деятель акцентирует внимание на выборе интервьюером языковой единицы *Putin-Versteher* (*человек, понимающий мотивы действий Путина, сторонник Путина*). Для правильного понимания ответной реакции политика следует учитывать геополитическую ситуацию в мире на момент интервьюирования (апрель 2022 года) и отношение большинства европейских политических деятелей как к самому Путину, так и проводимой им политике. Иницилирующая реплика интервьюера, представляющая собой общий вопрос, требует от политика либо согласиться, либо не согласиться

с её пропозициональным содержанием. Уточнение политика (*Что значит сторонник Путина?*) представляет собой завуалированное уклонение, словно бы он пока не знает, в какое русло интервьюер может направить беседу и какую ответную реакцию может вызвать его согласие или несогласие. Осторожность политика проявляется также в его попытке расширить фокус проблематики и перенести внимание с конкретного лица (Путин) на более широкий круг лиц (другие): *Я всегда пытался понять, что хотят другие – в том числе и Владимир Путин*. Как отмечается в работе [7, с. 50–52], смещение фокуса (его сужение или расширение) в содержательной стороне иницилирующей и ответной реплик характерно для вопросов-переспросов, являющихся тактическими средствами реализации стратегии уклонения.

Анализ примеров (10) – (12) показывает, что встречные вопросы, относящиеся к категории истинных или ложных конкретизирующих вопросов, обладают иллюкативной силой уклонения, поскольку в репликах политического деятеля отсутствует запрашиваемая информация. Политик пытается различными способами избежать прямого ответа, скрыть причины тех или иных поступков.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что встречные вопросы обладают широким функционально-прагматическим потенциалом. Будучи очевидными маркерами нарушения традиционной динамики интервью с последовательным чередованием вопросов интервьюера и ответов политического деятеля, они привлекают внимание аудитории и способствуют более полному пониманию коммуникативного намерения политика.

В структурно-семантическом отношении встречные вопросы представляют собой высказывания, ориентированные на апелляцию политического деятеля к фактору образа или причины действия,

акцентирующие внимание на определённом фрагменте иницирующей реплики, являющиеся риторическими вопросами, а также истинными и ложными конкретизирующими вопросами. Мы далеки от мысли, что представленный инвентарь является исчерпывающим, и считаем, что предложенная категоризация может и должна быть дополнена.

В функционально-прагматическом аспекте встречные вопросы, обладая иллюкутивной силой согласия / несогласия / уклонения, маркируют определённое коммуникативное поведение политического деятеля. Согласие / несогласие / уклонение, в свою очередь, выражают некий глобальный замысел политического деятеля: как первая реакция на иницирующую реплику они определяют дальнейшую линию его коммуникативного

поведения. С учётом коммуникативной ситуации общения и экстралингвистических факторов протекания общения первоначальный глобальный замысел – согласиться, не согласиться, уклониться – обрастает дополнительными интенциями и эмотивно-экспрессивными компонентами. Мы можем проследить достаточно широкий спектр эмоциональных состояний: удивление, недоумение, негодование, раздражение, иронию, лукавство и т. д.

Таким образом, встречные вопросы предоставляют обширные возможности для изучения различных аспектов коммуникативного поведения не только политических деятелей, но и других социальных групп.

Дата поступления в редакцию 06.07.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // Филологические науки. 1970. № 3. С. 44–58.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Белоколоцкая С. А. Риторический вопрос в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 20 с.
4. Власян Г. Р. Вопросительные предложения в свете теории речевых актов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2006. № 6 (61). С. 125–127.
5. Головаш Л. Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 18 с.
6. Ермакова О. П. Косвенные ответы в естественном разговорном диалоге // Жанры речи. 2021. № 3 (31). С. 181–189. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-3-31-181-189.
7. Исаева С. Н. Контрвопрос как тактика уклонения: прагматические, когнитивные и лингвистические аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (832). С. 47–56.
8. Кобозева И. М., Захаров Л. М. Когнитивно-семантическая модель переспроса как лингвоспецифичного элемента русской таксономии речевых актов и типология переспросов // Когнитивное моделирование: труды Четвертого Международного форума по когнитивному моделированию, Льорет-де-Мар, Испания, 11–18 сентября 2016 г.: в 2 т. Т. 1. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2016. С. 106–116.
9. Ли Цынь. Речевые ходы реализации коммуникативной тактики уклонения от ответа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 8 (197). С. 34–38. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-8-34-38.
10. Линдстрем Е. Н. Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003. 25 с.
11. Мостовая Л. А. Семантические особенности и иллюкутивные функции конструкций с вопросительными словами «зачем» и «почему»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 24 с.
12. Оглезнев В. В. «Значение как употребление», нормативные предложения и иллюкутивная сила // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 3 (33). С. 127–134. DOI: 10.23951/2312-7899-2022-3-127-134.

13. Осетрова М. О. Риторические вопросы как реализация стратегии убеждения в судебном дискурсе // *Современные исследования социальных проблем*. 2020. Т. 12. № 1. С. 207–217. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-207-217.
14. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1982. Т. 41. № 4. С. 305–313.
15. Плахотная Ю. И. Речевое воздействие в диалогическом политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2011. № 4 (38). С. 121–124.
16. Руженцева Н. Б. Манипулятивный компонент и предпосылочное знание в политическом интервью: вопросы и комментарии интервьюера // *Политическая лингвистика*. 2016. № 1 (55). С. 26–34.
17. Санишвили И. Т. Дискурсивные характеристики риторических вопросов в устной речи на немецком и русском языках // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. № 5. С. 1663–1668. DOI: 10.30853/phil20220243.
18. Свиридова Т. М. О параметрах речевого акта возможного согласия // *Philologos*. 2022. № 1 (52). С. 62–68. DOI: 10.24888/2079-2638-2022-52-1-62-68.
19. Скородумова Е. А. Коммуникативно-прагматические особенности риторических вопросов-реакций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 22 с.
20. Сычева И. Б. Встречный вопрос с точки зрения кооперативности общения // *Развитие современного социально-гуманитарного знания: отечественный и зарубежный опыт: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Белгород, 28 февраля 2018 г.: / под общ. ред. Е. П. Ткачевой: в 4 ч. Ч. 1. Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2018. С. 70–73.*
21. Титаренко Т. В. Коммуникативно-прагматические аспекты встречного вопроса в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 18 с.
22. Юрина М. В. Коммуникативные стратегии партнеров в политическом интервью (на материале современной прессы ФРГ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 24 с.
23. Dijk Teun A. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice // *Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 1983. Vol. 3. No. 4. P. 375–404. DOI: 10.1515/text.1.1983.3.4.375.
24. Rost-Roth M. Fragen – Nachfragen – Echofragen. Formen und Funktionen von Interrogationen im gesprochenen Deutsch // *Linguistik Online*. 2013. Bd. 13. Nr. 1. URL: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/882> (дата обращения: 06.04.2022). DOI: 10.13092/lo.13.882.
25. Selting M. W-Fragen in konversationellen Frage-Antwort-Sequenzen // *Fragesätze und Fragen / ed. M. Reis, I. Rosengren*. Berlin; New York: Max Niemeyer Verlag, 2012. pp. 263–288. DOI: 10.1515/9783111356525.263.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. [Some types of dialogical reactions and “why”-replies in the Russian language]. In: *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences], 1970, no. 3, pp. 44–58.
2. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p.
3. Belokolotskaya S. A. *Ritoricheskiy vopros v angliyskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Rhetorical question in English: an abstract of a PhD thesis in Philological Sciences]. Voronezh, 2005. 20 p.
4. Vlasyan G. R. [Interrogative sentences in the light of the theory of speech acts]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics], 2006, no. 6 (61), pp. 125–127.
5. Golovash L. B. *Kommunikativnyye sredstva vyrazheniya strategii ukлонeniya ot pryamogo otveta (na materiale angliyskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative means of expressing the strategy of avoiding a direct answer (on the material of the English language): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Kemerovo, 2008. 18 p.
6. Ermakova O. P. [Indirect responses in natural conversation]. In: *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2021, no. 3 (31), pp. 181–189. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-3-31-181-189.
7. Isaeva S. N. [Counter-question as evasive tactics: pragmatic, cognitive and linguistic aspects]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2020, no. 3 (832), pp. 47–56.

8. Kobozeva I. M., Zakharov L. M. [Cognitive-semantic model of questioning as a linguo-specific element of the Russian taxonomy of speech acts and typology of questions]. In: *Kognitivnoye modelirovaniye: trudy Chetvertogo Mezhdunarodnogo foruma po kognitivnomu modelirovaniyu, L'oret-de-Mar, Ispaniya, 11–18 sentyabrya 2016 g. T. 1* [Cognitive Modeling: Proceedings of the Fourth International Forum on Cognitive Modeling, Lloret de Mar, Spain, 11–18 September 2016. Vol. 1]. Rostov-on-Don, Fond nauki i obrazovaniya Publ., 2016, pp. 106–116.
9. Li Qin. [The speech moves to implement the communication tactics of response evasion]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2018, no. 8 (197), pp. 34–38. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-8-34-38.
10. Lindstrem Ye. N. *Klassifikatsiya russkikh voprositel'nykh po forme vyskazyvaniy na baze pragmaticheskoi obosnovannoy universal'noy modeli: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Classification of Russian interrogatives according to the form of statements based on a pragmatically justified universal model: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Petrozavodsk, 2003. 25 p.
11. Mostovaya L. A. *Semanticheskiye osobennosti i illokutivnyye funktsii konstruktivnykh slovarnykh soedineniy «zachem» i «pochemu»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic features and illocutionary functions of constructions with interrogative words “what for” and “why”: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2010. 24 p.
12. Ogleznev V. V. [“Meaning as use”, normative sentences, and illocutionary force]. In: *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki* [PRAXEMA. Journal of Visual Semiotics], 2022, no. 3 (33), pp. 127–134. DOI: 10.23951/2312-7899-2022-3-127-134.
13. Osetrova M. O. [Rhetorical questions as a way of realizing persuasive strategy in court discourse]. In: *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Issues], 2020, vol. 12, no. 1, pp. 207–217. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-207-217.
14. Paducheva Ye. V. [Pragmatic aspects of the connectedness of the dialogue]. In: *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the USSR Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 1982, vol. 41, no. 4, pp. 305–313.
15. Plakhotnaya Yu. I. [Speech effect in political dialogue discourse]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2011, no. 4 (38), pp. 121–124.
16. Ruzhentseva N. B. [Manipulative component and preknowledge in political interview: questions and commentaries of the interviewer]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2016, no. 1 (55), pp. 26–34.
17. Sanishvili I. T. [Discursive characteristics of rhetorical questions in oral speech in the German and Russian languages]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2022, vol. 15, no. 5, pp. 1663–1668. DOI: 10.30853/phil20220243.
18. Sviridova T. M. [About the parameters of the speech act of possible consent]. In: *Filologos* [Filologos], 2022, no. 1 (52), pp. 62–68. DOI: 10.24888/2079-2638-2022-52-1-62-68.
19. Skorodumova Ye. A. *Kommunikativno-pragmaticheskiye osobennosti ritoricheskikh voprosov-reaktsiy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative and pragmatic features of rhetorical questions-reactions: an abstract of a PhD thesis in Philological Sciences]. Chelyabinsk, 2010. 22 p.
20. Sycheva I. B. [A counter question from the point of view of the cooperativeness of communication]. In: *Razvitiye sovremennogo sotsial'no-gumanitarnogo znaniya: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Belgorod, 28 fevralya 2018 g. Ch. 1* [Development of modern social and humanitarian knowledge: domestic and foreign experience: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Belgorod, February 28, 2018. P. 1]. Belgorod, Agentstvo perspektivnykh nauchnykh issledovaniy Publ., 2018, pp. 70–73.
21. Titarenko T. V. *Kommunikativno-pragmaticheskiye aspekty vstrechnogo voprosa v nemetskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative and pragmatic aspects of the counter question in the German language: an abstract of a PhD thesis in Philological Sciences]. Barnaul, 2004. 18 p.
22. Yurina M. V. *Kommunikativnyye strategii partnerov v politicheskom interv'yu (na materiale sovremennoy pressy FRG): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Communication strategies of partners in a political interview (based on the material of the modern press of Germany): an abstract of a PhD thesis in Philological Sciences]. Samara, 2006. 24 p.

23. Dijk Teun A. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. In: *Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*, 1983, vol. 3, no. 4, pp. 375–404. DOI: 10.1515/text.1.1983.3.4.375.
24. Rost-Roth M. Fragen – Nachfragen – Echofragen. Formen und Funktionen von Interrogationen im gesprochenen Deutsch. In: *Linguistik Online*, 2013, Bd. 13, nr. 1. Available at: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/882> (accessed: 06.04.2022). DOI: 10.13092/lo.13.882.
25. Selting M. W-Fragen in konversationellen Frage-Antwort-Sequenzen. In: Reis M., Rosengren I., eds. *Fragesätze und Fragen*. Berlin, New York, Max Niemeyer Verlag, 2012, pp. 263–288. DOI: 10.1515/9783111356525.263.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чуриков Михаил Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ростовского государственного университета путей сообщения;
e-mail: maustag@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Michail P. Churikov – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department “Foreign Languages”, Rostov State Transport University;
e-mail: maustag@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чуриков М. П. Функционально-прагматический потенциал встречных вопросов в политическом интервью // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 119–132.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-119-132

FOR CITATION

Churikov M. P. Functional and pragmatic potential of counter questions in a political interview. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 6, pp. 119–132.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-119-132

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 72.2.020.04 (Д212.155.16)

Левченко М. Н., Первак Т. В.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE DISSERTATION COUNCIL 72.2.020.04 (D212.155.16)

M. Levchenko, T. Pervak

*Moscow Region State University
ulitsa Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Важным показателем научной деятельности современных университетов считается наличие диссертационных советов, эффективность работы которых определяется как активной и результативной научной деятельностью членов совета, так и качеством проводимых защит. На базе Московского государственного областного университета успешно функционируют 7 диссертационных советов по различным научным специальностям.

Одним из старейших советов МГОУ по праву можно назвать диссертационный совет Д212.155.16 (ныне: 72.2.020.04), созданный более полувека назад и по сегодняшний день работающий на факультете романо-германских языков ИЛиМК МГОУ. Совет проводит защиты докторских и кандидатских диссертаций по двум лингвистическим специальностям: 10.02.04 Германские языки и 10.02.05 Романские языки. Около 50 лет совет возглавляла доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ Наталия Михайловна Васильева, под руководством которой было защищено более 70 диссертаций, включая 4 докторских.

Начиная с 2020 года, совет работает под руководством доктора филологических наук, профессора Левченко Марины Николаевны. Членами совета являются такие известные учёные в области лингвистики, как доктора филологических наук, профессора В. В. Ощепкова, И. В. Скуратов, Н. Г. Епифанцева, А. Е. Гусева, А. В. Аверина, И. А. Цыбова, Е. В. Бирюкова. Летом 2022 году диссертационный совет Д212.155.16 был закрыт на перерегистрацию в связи с изменениями в номенклатуре научных специальностей. По новым научным специальностям диссертационный совет 72.2.020.04 был создан приказом № 1404/нк ВАК при Минобрнауки России от 28 октября 2022 года. На данный момент совет работает в обновлённом составе по специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки; романские языки) (филологические науки).

За последние три года в совете было успешно защищено 14 кандидатских и 1 докторская диссертация. К защите представлялись не только работы диссертантов МГОУ (аспирантов, доктор-

антов и соискателей), но и соискателей из других вузов, таких как: ГОАУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет», ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», ФГБОУ ВО «Омский государственный технический университет».

Большинство диссертаций написано по германским языкам (немецкому и английскому), тематика работ отражает широкий спектр актуальных проблем данной специальности. Так, в докторской диссертации А. Ю. Соколовой «Системоцентрическое описание нефинитных форм английского глагола: опыт диахронического исследования» на примере нефинитной парадигмы глагола наглядно продемонстрировано, что грамматический строй английского языка имеет собственную траекторию развития и является частью системы, в которой изменение одного элемента под влиянием интра- и экстралингвистических факторов приводит к преобразованию других (10.02.04, научный консультант – профессор А. В. Аверина). В русле грамматических исследований также выполнена работа Иванова В. Д. «Функции дискурсивных частиц в немецком языке» (10.02.04, научный руководитель – профессор А. В. Аверина).

Научный интерес диссертантов распространялся и на исследования в области лексикологии, в первую очередь терминологии и социолингвистики. В исследовании Н. В. Кукиной «Функционирование аббревиатур-документонимов в немецком отраслевом языке экономики и менеджмента» проведён комплексный анализ аббревиатур-документонимов, включающий описание классификационных параметров и выявление функций аббревиатур в языке для специальных целей (10.02.04, научный руководитель – профессор А. Е. Гусева). Диссертация К. М. Манукян «Молодёжный жаргон в лексико-фразеологической системе современного немецкого языка» посвящена исследованию лексических и фразеологических единиц молодёжного жаргона

(10.02.04, научный руководитель – профессор А. Е. Гусева). А. Н. Гамов в работе «Структурно-семантическая характеристика военной лексики в англоязычной прозе XX–XXI веков» выявляет специфику употребления военных терминов и военных сленгизмов в художественной литературе (10.02.04, научный руководитель – профессор Л. Г. Попова). В работе Ю. В. Плоцкой «Структурно-семантические особенности немецкой стоматологической терминологии» даётся структурно-семантический анализ немецких стоматологических терминов с позиций антропоцентрического подхода (10.02.04, научный руководитель – профессор Г. Г. Бабалова).

Актуальными остаются исследования и в области когнитивной лингвистики. Т. Б. Пивоненкова в диссертации «Когнитивная основа образных фразовых глаголов (на материале англоязычных медиатекстов)» анализирует глуттоническую и военную метафоры как средство формирования образных значений фразовых глаголов в английском медиадискурсе (10.02.04, научный руководитель – профессор В. В. Ощепкова). Работа О. В. Токкаревой «Актуализация категорий одушевленности и гендера при персонификации: лексикологический, стилистический, переводоведческий аспекты (на материале англоязычной прозы)» даёт комплексное представление об объектах и средствах персонификации в англоязычной прозе (10.02.04, научный руководитель – доцент Е. С. Петрова).

Новаторское исследование в области фонологии представляет кандидатская диссертация И. С. Баркова «Гендерно-просодические особенности немецкого директивного высказывания», посвящённая выявлению характера связи между просодией немецкого директивного высказывания и гендером говорящего (10.02.04, научный руководитель – профессор М. Н. Левченко). Работа Е. В. Кутиновой «Текстовый потенциал эвфемизмов (на материале германских языков)»,

выполненная в русле исследований по лингвистике текста, выявляет специфические особенности эвфемизмов и их текстовый потенциал в публицистическом тексте (10.02.04, научный руководитель – профессор М. Н. Левченко).

К области стилистических исследований относится работа А. А. Курбайтаевой «Проявление стилистического парадокса в немецком языке: стиль публицистики и прессы», представляющая изучение стилистического парадокса в жанрах передовой статьи и комментария в диахроническом аспекте (10.02.04, научный руководитель – профессор Е. В. Бирюкова).

В 2020–2022 гг. в совете успешно защитились четыре аспиранта ИЛиМК МГОУ по специальности «Романские языки». В исследованиях, посвящённых романским языкам, неизменным остаётся интерес к территориальным вариантам французского языка в мире. Так, диссертация В. В. Албанского «Лингвистическая характеристика шияка (*chias*) в академическом франкофонном ареале Канады» комплексно описывает разновидность академического варианта французского языка – шияк (*chias*), отражая его фонетические черты и лексико-грамматический строй (10.02.05, научный руководитель – профессор Н. М. Васильева). В кандидатской диссертации А. С. Кондратьевой «Лингвопрагматический и дискурсивный анализ лексических новообразований (на материале франкоязычных сериалов и интервью Республики Кот-д’Ивуар)» затрагиваются вопросы неологии западноафриканских территориальных вариантов французского языка (10.02.05, научный руководитель – профессор И. В. Скуратов). Работа М. М. Кирсановой «Неологические сочетания и их интерпретация как прагматический источник обогащения словарного состава французского языка» также выполнена в рамках неологии, однако затрагивает прагма-семантические особенности неологических сочетаний в современных публицистических текстах (10.02.05, научный руководитель – про-

фессор И. В. Скуратов). Последней аспиранткой профессора Наталии Михайловны Васильевой была М. Д. Воронцова. В её работе «Французские предлоги *avec/sans* и их испанские соответствия *con/sin* (функционально-семантическая и прагматическая характеристика)» выявлены и сопоставлены основные семантические, морфосинтаксические и функциональные признаки предлогов двух близкородственных языков.

Все защищённые диссертационные исследования имеют практическую значимость. Их результаты полезны для широкого круга лингвистов, а также для специалистов смежных гуманитарных направлений: журналистов, психологов, социологов, рекламодателей и др.

Благодаря актуальной тематике и высокому уровню выполнения диссертационные исследования вызвали живой интерес членов совета и постоянно сопровождались содержательными научными дискуссиями.

В качестве ведущей организации диссертационные работы рецензировали такие вузы, как ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», ФГБОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет», ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».

Оппонентами по защищаемым в совете диссертациям выступали ведущие специалисты по германским и романским языкам – доктора филологических наук, профессора С. П. Анохина (То-

лвятинский государственный университет), О. В. Афанасьева (Московский городской педагогический университет), Р. И. Бабаева (Ивановский государственный университет), Л. В. Бабина (Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина), И. Ю. Безукладова (Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина), А. А. Григорян (Ивановский государственный университет), Т. Ю. Загряжская (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова), О. А. Кострова (Самарский государственный социально-педагогический университет), Н. А. Нечаева (Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации), Л. Г. Попова

(Московский городской педагогический университет), В. А. Собынина (Московский городской педагогический университет), О. А. Сулейманова (Московский городской педагогический университет), Н. А. Трофимова (Санкт-Петербургский государственный университет), Н. А. Фененко (Воронежский государственный университет).

На 2023 год в диссертационном совете 72.2.020.04 уже запланированы защиты, в том числе работы выпускников аспирантуры факультета романо-германских языков МГОУ. Качество и высокий уровень проводимых выпускниками исследований во многом определяется наличием научных школ в МГОУ по германским и романским языкам.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левченко Марина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета, председатель диссертационного совета 72.2.020.04; e-mail: mn.levchenko@mgou.ru

Первак Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии факультета романо-германских языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета, учёный секретарь диссертационного совета 72.2.020.04; e-mail: tv.pervak@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department Head, Department of Germanic Philology, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University, Chairman of the Doctoral Dissertation Council 72.2.020.04; e-mail: mn.levchenko@mgou.ru

Tatiana V. Pervak – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Germanic Philology, Faculty of Romanic and Germanic Languages, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University, Scientific Secretary of the Doctoral Dissertation Council 72.2.020.04; e-mail: tv.pervak@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Левченко М. Н., Первак Т. В. Научная деятельность диссертационного совета 72.2.020.04 (Д212.155.16) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С.

FOR CITATION

Levchenko M. N., Pervak T. V. Scientific activity of the Dissertation Council 72.2.020.04 (Д212.155.16). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 6, pp.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 212.155.04 В 2022 Г.

Максименко О. И.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE DISSERTATION COUNCIL Д 212.155.04 IN 2022

O. Maksimenko

Moscow Region State University

ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

По решению Высшей аттестационной комиссии в связи с укрупнением научных специальностей все диссертационные советы страны проходят перерегистрацию. Докторский диссертационный совет Д 212.155.04, который проработал на лингвистическом факультете ИЛиМК МГОУ более 26 лет, также проходит эту процедуру. После смены руководства совета, начиная с февраля 2015 г., было защищено 117 диссертаций, включая 17 докторских по двум наиболее востребованным лингвистическим специальностям: 10.02.19 Теория языка и 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. За финальный период работы (февраль–сентябрь 2022 г.) в совете было защищено 13 кандидатских и одна докторская диссертация. Защищались аспиранты и соискатели МГОУ, лишь две диссертации были представлены внешними соискателями: кандидатская диссертация на тему «Синкретизм полифункциональных предлогов (на материале русского и французского языков)» (10.02.19) была защищена соискателем из Астраханского государственного медицинского университета, преподавателем кафедры латинского и иностранных языков З. Р. Гречухиной; докторская диссертация на тему «Дискурсивно-коммуникативная модель как система детерминант стратегии перевода» (10.02.20) была

представлена соискателем из Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова Т. А. Волковой. Консультантом по данной диссертации выступила д. ф. н., профессор МГОУ И. Н. Филиппова.

Большая часть защищенных работ (8) написана по специальности 10.02.20, при этом тематика работ представляла собой широкий спектр актуальных проблем в рамках данной специальности. Среди них работа Е. М. Салеевой (научный руководитель д. ф. н., профессор И. Н. Филиппова) «Полипарадигмальная сопоставительная типология пространственных и временных предлогов (на материале русского, английского и немецкого языков)», в которой была предложена типология изучаемых предлогов в трёх разноструктурных языках. Стоит отметить, что такие исследования, написанные в традиционных рамках сравнительно-сопоставительного языкознания, стали редкостью. В работах В. В. Миляковой (10.02.19) и А. А. Орловой (10.02.20), подготовленных под руководством д. ф. н., профессора Н. А. Ахреновой, специалиста в области интернет-лингвистики, исследуются разные аспекты существования текстов в интернете, включая персуазивные характеристики рекламных текстов в социальных сетях и реализацию поликодовых текстов в сложном современном мультимодальном тексте –

фэшн-блог – в разных лингвокультурах. В двух других работах, защищённых по специальности 10.02.20, анализу подвергались языки, нечасто попадающие в сферу внимания соискателей. В. А. Иванов представил результаты многолетнего исследования, проведённого методом полевой лингвистики на языках малых народов России: «Идеофоническая лексика в финно-угорских языках пермской и волжской групп»; С. В. Шурипа проводил исследование на материале корейского языка: «Анализ межъязыкового взаимодействия при формировании корейской медицинской терминосистемы (на материале корейского, английского и русского языков)». Научный руководитель обеих работ – д. ф. н., доцент Ю. А. Евграфова. Под руководством д. ф. н., профессора Г. Т. Хухуни была подготовлена работа А. С. Овчинниковой, языковой материал которой взят из шести языков: «Сопоставительный анализ лингвокультурем и их соответствий в разнотипных языках (на примере поэтических текстов В. С. Высоцкого и их переводов на английский, немецкий, испанский, итальянский и французский языки)». В совете успешно прошёл защиту китайский аспирант Сунь Синкай, подготовивший работу под руководством д. ф. н., профессора И. Г. Жировой в рамках переводоведения и лингвокультурологии. В работе проведён детальный анализ многочисленных переводов на китайский язык знакового для советской литературы произведения Н. Островского «Как закалялась сталь», чрезвычайно популярного в современном Китае.

Диапазон тем кандидатских диссертаций, защищённых по специальности «Теория языка» (10.02.19) также широк и многообразен, причём их количество по сравнению с предыдущими годами заметно возросло. Под руководством д. ф. н., профессора М. Н. Левченко аспирантом А. В. Изгаршевой была защищена работа по теории и процедуре интерпретации интернет-мемов. О. А. Некрасова разра-

ботала тему формирования вторичного языкового сознания тинэйджеров в психолингвистическом аспекте (научный руководитель д. ф. н., профессор И. О. Мазирка), что имеет высокую практическую значимость для современной лингводидактики. Под руководством д. ф. н., профессора О. И. Максименко защищены две разноаспектные работы по теории языка: в работе М. С. Никитиной исследуется оценочная лексика вариантов полинационального языка на материале вариантов испанского языка шести стран Латинской Америки, что, с одной стороны, развивает теорию лингвистики эмоций В. И. Шаховского, а с другой – теорию полинациональных языков В. В. Ощепковой и З. Г. Прошиной. Аспирант И. Г. Хухуни исследовал чрезвычайно актуальную современную формирующуюся терминосистему, а именно терминосистему беспилотных летательных аппаратов, раскрыв её структуру и модели её формирования. Таким образом, в совет были представлены и защищены работы как по индоевропейским, так и финно-угорским и восточным языкам. Интерес исследователей распространялся на сферы интернет-лингвистики, терминологии, грамматики, переводоведения, лингвокультурологии, лингвистики эмоций.

В качестве коллективного оппонента (ведущей организации) диссертационные работы рецензировали такие вузы, как Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Институт языкознания РАН, Северо-Кавказский федеральный университет, Астраханский государственный университет им. В. И. Татищева, Ивановский государственный университет, Российский государственный гуманитарный университет, Башкирский государственный университет, МГИМО МИД РФ, Военный университет Министерства обороны РФ, Волгоградский государственный социально-педагогический университет и др. Оппонентами по защищаемым в совете диссертациям выступали ведущие

специалисты по обеим специальностям – доктора филологических наук, профессора З. Г. Прошина (МГУ), Е. Г. Князева (Военный университет им. князя Александра Невского), Н. В. Иванов (МГИМО МИД РФ), Н. В. Васильева (Институт языкознания РАН), Н. Б. Кошкарёва (Институт филологии Сибирского отделения РАН), О. Д. Вишнякова (МГУ им. М. В. Ломоносова), Н. В. Зененко (Военный университет им. князя Александра Невского), С. В. Шустова (НИУ Пермский государственный университет), Е. С. Абаева (МГПУ), И. В. Стекольников (МГПУ), Е. А. Огнева (НИУ Белгородский государственный университет) и многие другие. Представленные на за-

щиту исследования неизменно вызывали научный интерес у членов совета и сопровождались широкими дискуссиями.

Стоит отметить, что 8 работ из 14 защищённых в 2022 году были подготовлены аспирантами и соискателями кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета ИЛиМК МГОУ.

Докторский диссертационный совет Д 212.155.04 завершил своё существование в октябре 2022 г. и был перерегистрирован под номером 72.2.020.05. Через некоторое время новый совет начнёт свою работу, опираясь на значительный многолетний накопленный опыт докторского диссертационного совета Д 212.155.04.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максименко Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета, председатель докторского диссертационного совета Д. 212.155.04;
e-mail: maxbel7@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Theory of Language, English and Applied Linguistics, Faculty of Linguistics, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University, Chairman of the Doctoral Dissertation Council D. 212.155.04;
e-mail: maxbel7@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Максименко О. И. Научная деятельность диссертационного совета Д 212.155.04 в 2022 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С.

FOR CITATION

Maksimenko O. I. Scientific activity of the dissertation council Д 212.155.04 in 2022. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 6, pp.

ПРОФЕССОР ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТЕЛЕГИН (1940–2022): ПАМЯТИ УЧЁНОГО

Professor Lev Aleksandrovich Telegin (1940–2022): In memory of the scientist

23 декабря 2022 г. на 83 году жизни скончался доктор филологических наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации Лев Александрович Телегин.

Лев Александрович родился 3 декабря 1940 года в г. Коканде (Республика Узбекистан) и всю свою жизнь посвятил науке и преподаванию теоретических и практических аспектов английского языка. В 1971 г. Л. А. Телегин защитил диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук на тему «Морфонологическая структура суффиксальных производных на *ion* в современном английском языке», а в 1992 г. диссертацию на соискание степени доктора филологических наук на тему «Безаффиксальная транспозиция и её влияние на процессы деривации в современном английском языке».

Многие годы Л. А. Телегин руководил кафедрой теоретических и практических дисциплин (английский язык) старших курсов в Самаркандском государственном университете им. А. Навои (Узбекистан), а позже заведовал кафедрой теории и практики английского языка Московского государственного областного университета (1995–2019). Под руководством профессора Л. А. Телегина многочисленный профессорско-преподавательский состав этого подразделения вуза, созданного более четверти века тому назад, с полной отдачей выполнял большой объём нагрузки (дневное и вечернее

отделения, английский язык как первый и второй иностранный), проводил значительную научно-исследовательскую работу, в том числе увенчивающуюся защитами диссертаций, а также на основе богатого личного педагогического опыта создавал учебно-методические пособия, призванные помочь студентам развить навыки практического владения едва ли не самым востребованным иностранным языком в современном мире.

Область научных интересов профессора Л. А. Телегина охватывала широкий круг проблем английского и сравнительно-сопоставительного языкознания, однако прежде всего учёный сосредоточивает свой научный поиск на морфонологии и морфологии. Докторскую диссертацию Л. А. Телегин защитил в диссертационном совете при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Всем своим научным творчеством Л. А. Телегин подчёркивал, что даже самая малая частица языка – это крайне важный смысловой микрокосм. Эта установка определила ярко выраженный аналитизм трудов Л. А. Телегина, которые сегодня уже можно называть классическими, подчёркивающими диалектическое взаимодействие формы и содержания на разных уровнях языковой системы. В связи с последним обстоятельством был вполне закономерным интерес исследователя к широкому кругу семантических вопросов. Благодаря научному поиску таких исследователей, как Л. А. Телегин, воз-

ника фундаментальная обоснованность лингвистических механизмов функционирования языка как системы, что, в свою очередь, создало благодатную почву для развития речеведения в широком понимании этого термина.

Вузовская наука предполагает широкое использование преподавателями результатов собственной научной работы в учебном процессе. Бесспорно, это утверждение самым непосредственным образом относилось и к Л. А. Телегину: им (в соавторстве) написаны такие удачные в учебно-методическом отношении и апробированные в образовательном процессе труды, как «Англо-русские лексические изоглоссы» (2014) и «История английского языка» (4-е изд., 2019). Л. А. Телегин входил в состав двух диссертационных советов при Московском государственном областном университете. Под руководством Л. А. Телегина успешно защищались кандидатские и докторские диссертации по широкому кругу языковедческих проблем.

Самоотверженный труд Л. А. Телегина, его профессионализм, знания и ответственное отношение к работе всегда вызывали заслуженное уважение коллег и руководства. В 2020 г Лев Александрович Телегин стал победителем конкурса «Золотые имена высшей школы» в номинации «За преданность профессии и продолжение традиций российской высшей школы».

Лев Александрович постоянно выказывал рачительность к слову, как к устному, так и к письменному, бережно относился к языку – будь то родной или иностранный.

Льву Александровичу были присущи лучшие черты того «доцифрового» времени, которое его сформировало, – времени неброского, лаконичного, времени, когда вещам было суждено служить долго, а человеческим отношениям быть добротными и добросовестными. Коллегам и друзьям запомнится сформированный разнообразными контекстами эпохи характер учёного, в котором гармонично сочетались тактичность, совестливость, сочувствие, душевность в общении и одновременно строгая сдержанность, доброжелательность и терпеливость.

Эти ценные качества, а также аристократизм духа, цельность натуры запомнятся всем тем, кто знал профессора Льва Александровича Телегина.

Уход Льва Александровича – большая потеря для университета, научного сообщества, невосполнимая утрата для семьи. Ученики и коллеги по работе скорбят и выражают свои соболезнования родным и близким профессора Льва Александровича Телегина, который навсегда останется в нашей памяти и сердцах как талантливый и увлечённый учёный, замечательный преподаватель и порядочный человек. Мы потеряли человека, которого нам будет не хватать.

*Кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой английской филологии
Е. И. Абрамова,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры английской филологии
А. А. Боронин*

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru, www.linguamgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА

2022. № 6

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9, уч.-изд. л. 11,25.

Подписано в печать: 30.11.22. Выход в свет: 07.02.23. Заказ № 2022/12-04.

Отпечатано в МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А